

УРАЛЬСКИЙ ISSN 0134-241X
снегоним

2 · 95

"НЕИЗВЕСТНЫЙ" РАЗВЕДЧИК НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ
ПРОДОЛЖЕНИЕ "ЗАПИСОК НЕВИДИМКИ"
ЛЕТАЮЩИЕ ТАРЕЛКИ В М-СКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ
КОСМИЧЕСКИЕ ГОНКИ СВЕРХДЕРЖАВ
ОКОНЧАНИЕ НФ ПОВЕСТИ "ХОЛОД МАЛИОГОНТА"
ГДЕ НА ЗЕМЛЕ ЖИТЬ ХОРОШО

ЗВЕЗДА И КРЕСТ ОРДЕНА СВ. АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО, УСЫПАННЫЕ БРИЛЛИАНТАМИ. Читайте на стр. 77 очерк Александра Мелеина "За веру и верность"

РУМЯНЦЕВ Н.П.

ПЕТР I ВЕЛИКИЙ

РЕДАКЦИЯ:
Виктор КЛОЧОВ
 (главный редактор),
Юний ГОРБУНОВ,
Маргарита ГОРШКОВА
 (художественный редактор),
Герман ИВАНОВ
 (заместитель главного редактора)
Сергей КАЗАНЦЕВ,
Андрей ПОНИЗОВКИН,
Юрий ШИНКАРЕНКО,
Леонид ШУНЯЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:
Виктор АСТАФЬЕВ,
Владислав КРАПИВИН,
Станислав МЕШАВКИН,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Геннадий ПРАШКЕВИЧ,
Борис СТРУГАЦКИЙ

Компьютерная верстка:
Анна КОСТРИКОВА
и Галина ЦВЕТКОВА

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
 620142, ЕКАТЕРИНБУРГ,
 УЛ. ДЕКАБРИСТОВ, 67
ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:
 224-501 (ФАНТАСТИКИ,
 КРАЕВЕДЕНИЯ, СЕКРЕТАРИАТ),
 220-481 (ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ,
 ПУБЛИЦИСТИКИ, НАУКИ И ТЕХНИКИ,
 МОЛОДЕЖНЫХ ПРОБЛЕМ)

Рукописи принимаются перепечатанными
 на машинке через 2 интервала, 60 знаков
 в строке, 28-30 строк на странице.
 Рукописи не рецензируются
 и не возвращаются.

По вопросам подписки и доставки
 обращаться в районные отделения
 "Росвязьинформа".

Бракованные экземпляры отправлять
 в ИПП "Уральский рабочий".

Рег. № 441 от 13.12.90
 Подписано к печати 26.1.95
 Формат бумаги 84x108/16.
 Бумага юн.-журн.
 Печать с фотополномерных форм.
 Усл.печ.л. 8,4
 Уч.-изд.л. 9,8
 Усл.кр.-отт. 11,76
 Тираж 22 000
 Заказ № 49.

Все претензии по ошибкам в тексте предъявлять
 редакции журнала "Уральский следопыт"
 Отпечатано с готовых оригинал-макетов
 на ИПП "Уральский рабочий"
 620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13

На 1, 4 стр. обложки слайды
 Николая ПЕРЕВЫШИНА

УРАЛЬСКИЙ следопыт

2 • • • • • 95

В НОМЕРЕ:

●	Неизвестный разведчик Николай Кузнецов Виктор ТИМАШЕВ	2
●	Озадачимся прошлым Мария КОНОВАЛОВА	8
●	Тайные люди. Приключенческая повесть. Продолжение Андрей ИЛЬИН	9
●	"Тарелки" в "треугольнике" Максим ШИШКИН	27
Журнал в журнале "Аэлита"		
●	Холод Малиюгонта. Фантастическая повесть. Окончание Андрей ЩУПОВ	29
●	Заочный КЛФ. Игротека	53
●	Космические гонки сверхдержав Владислав ДЕБЕРДЕЕВ	55
●	Краеведческая копилка	61
●	Краеведческий бумеранг	64
●	Контактер Михаил НЕМЧЕНКО	66
●	Притча о Лазаре Светлана ПАПСУЕВА	67
●	Город вечных камней Майя НИКУЛИНА	71
●	Мир на ладони	74
●	Где на земле жить хорошо Александр СЕМЕНИН	75
●	За веру и верность Игорь НЕПЕИН	77
●	Ювелирная роскошь дерева Нина ШИРОКОВА	80

УЧРЕДИТЕЛИ-

СОЮЗ
 ПИСАТЕЛЕЙ РФ,

ТРУДОВОЙ
 КОЛЛЕКТИВ
 ЖУРНАЛА

ЖУРНАЛ ОСНОВАН
 В 1935 ГОДУ

ВОЗОБНОВЛЕН
 В 1958 ГОДУ

Предлагаемая Вашему вниманию новая рубрика *развивает традиции следопытского поиска, коим всегда был славен наш журнал. Помещаться в ней будут материалы необычные, в чем-то даже сенсационные. Открывает рубрику публикация, посвященная перипетиям настоящей, невыдуманной биографии знаменитого разведчика Николая Кузнецова.*

Сидевший напротив меня человек был, пожалуй, единственным, кто знал настоящую биографию легендарного разведчика Николая Кузнецова... Та же другая, выдуманная биография, так сказать, для общественного пользования, не давала ответа на элементарные вопросы. Из нее, официальной биографии Николая Ивановича Кузнецова, невозможно было, например, понять, какое у него было воинское звание. Если верить довоенной фотографии, частенько помещаемой в посвященных ему книгах и где он изображен в офицерской форме, то звание у него было. Но в его недавно рассекреченном наградном листе Героя Советского Союза в графе «воинское звание» стоит прочерк.

А возьмется ли кто-нибудь, читающий эти строки, называть должность Кузнецова в отряде? Ну, смелее! Заместитель по разведке? Нет, не он – другой человек. Коман-

Впрочем, поставим на этом точку и зададим эти и другие вопросы моему собеседнику, с которого я начал свое повествование.

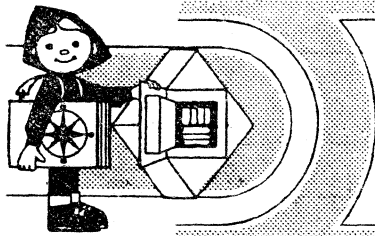
– Чем объяснить такую сущую нелепицу, что легендарный разведчик не был членом партии?

– А тем и объяснить, что этого было не нужно по легенде.

Саул Львович Окунь знал, о чем говорил. Ведь это он был автором легенды, по которой жил разведчик. Полковник государственной безопасности С.Л. Окунь на протяжении ряда лет был куратором или, как они сами предпочитают себя называть, оператором Николая Кузнецова в разведке. Саул Окунь инспектировал обер-лейтенанта Пауля Зиберта в Ровно, а до этого подгонял довоенную биографию Кузнецова под легенду.

Давайте и мы обратимся к этой легенде и отправимся на Урал, где согласно этой самой легенде «паренька заметили, руку дружбы подали, повели...», – ясное дело, не в «забой». А куда – об этом и пойдет дальше разговор.

Помните эту сказочку о простом уральском пареньке, который увлекался немецким языком, а когда грянула война и раздалось «Вставай, страна огромная...» – стал народным мстителем и полетели головы высокопоставленных немецких оккупантов. А что?! Партия прикажет –

Виктор ТИМАШЕВ НЕИЗВЕСТНЫЙ РАЗВЕДЧИК НИКОЛАЙ КУЗНЕЦОВ

дир роты разведчиков? Тоже нет. Ну хоть чем-то он командовал?! А может, и весь отряд был создан под него?

С этим активно не согласен бывший командир партизанского отряда Д.Н. Медведев, из книги которого «Это было под Ровно» мы, собственно, и узнали о существовании Кузнецова. «Еще в Москве Кузнецов сказал нам (командованию отряда – В.Т.), что хотел бы проникнуть в среду немцев и добывать нужные сведения. Мы на это согласились, но поставили перед ним условие хорошо изучить порядки в гитлеровской армии, изучить какую-нибудь немецкую область, чтобы выдавать себя уроженцем этой области...» Как говорится, без комментариев ясно, кто при ком был, если бы... Если бы Д.Н. Медведев не опустил в своей книге тот факт, что находившийся под его командованием отряд не был партизанским в привычном понимании этого слова и был даже не отрядом, а спецгруппой Четвертого Управления Народного Комиссариата Государственной Безопасности со звучным названием «Победители». Кстати, не припоминается из литературы, чтобы какая-нибудь из спецгрупп носила столь громкое название. Не говорит ли оно о значении порученного спецгруппе задания?

героем станет любой, даже беспартийный. Какая разница, если существует нерушимый блок коммунистов и беспартийных.

В общем все просто, как в песне про Кузнецова: «Тяжелы минуты расставанья, в грозный час родной Урал суров. Победить и выполнить заданье клятву дал разведчик Кузнецов...» И вот уже по улицам Ровно зашагал лоцман пруссак Пауль Зиберт...

Нет, а если серьезно?! Когда Кузнецов начал сотрудничать с органами? Когда эти самые органы «паренька заметили»?

Здесь мы ступаем на зыбкую почву догадок и предположений. Ясно, что Николай Кузнецов стал бойцом невидимого фронта еще на Урале. Иначе, как бы скромный расцеховщик с Уралмашзавода попал в Москву на работу в министерство авиационной промышленности, да еще под чужой фамилией, кажется, Штюрмера. Невозможно также представить его свободное общение с немецкими специалистами, работающими на Уралмаше, не будь он тесно связан с органами. То, каким «немцем» Кузнецов стал уже в Свердловске в результате этого и не только этого общения, свидетельствует преподаватель кафедры иностранных языков УПИ Чарушникова (публикуется впервые – В.Т.):

«Мы с подружкой, нам было тогда лет по 19, работали техническими переводчиками с немецкого языка. Как-то днем мы стояли у места, где сейчас магазин «Светлана», а тогда находился инвалютный магазин. Из него высыпала толпа немцев. Их сразу можно было отличить от наших по одежде. Горожане одевались преимущественно в темные цвета – черный и синий, – а немцы носили голубые брюки, много фурнитуры. Один из немцев, молодой в зеленой велюровой шляпе, вертел в руках тонкую тросточку и о чем-то увлеченно болтал на немецком языке. И вдруг он обратился на чистейшем русском языке к прохожему.

– Во, немчура, как по-русски лопочет? – вслух удивилась я.

Немец услышал это замечание, обернулся и внимательно посмотрел на меня.

Потом мне сказали знакомые преподаватели с курсов иностранных языков, что это был переводчик Кузнецов с Уралмаша».

А оцените такой факт, что в 1937–38 годах Кузнецов жил на улице Ленина в отдельной квартире. А теперь прикиньте, кто из вас через пару лет работы на заводе хоть в Свердловске, хоть в каком-то другом большом городе получил бы отдельную квартиру да еще в центре, будучи холостяком. А вот расцеховщик Уралмаша Кузнецов, хоть и был одиноким, получил.

Но все высказанное это, так сказать, про то время, когда он стал замечен в органах. А когда органы заметили Кузнецова?

«Далеко от Ровно город Талица. Милый дом, зеленая околица, старый тополь шелестит листвою...» Такой, согласно словам из песни о разведчике, представлялась малая родина Кузнецова. Здесь, на талицкой земле, и произошел первый контакт Никоши, сокращенное от Никанора (впоследствии Кузнецов заменил не нравящееся ему имя на Николая – В.Т.), с этими самыми органами.

Доказательства?

1929 год. На комсомольца, студента Талицкого лесотехникума Никошу Кузнецова поступает донос от местного «Павлика Морозова». О том, что он Кузнецов скрыл в своей биографии позорные факты пребывания его отца в колчаковской армии и наличия кулацкого хозяйства. И в соответствии с реалиями того времени Кузнецова вначале исключают из комсомола, затем из техникума... Короче, из жизни.

А затем... Впрочем, послушаем, что говорят об этом периоде жизни его брат с сестрой:

«... Руководство техникума, огорченное исключением активного комсомольца и одного из лучших учащихся, выдало ему справку об окончании... почти полного курса учебы в Талицком лесном техникуме и помогло получить направление на работу по специальности.» (Л.И. Брюханова, В.И. Кузнецов. «Разведчик Николай Кузнецов»).

Допустим, так оно и было. Все встали на защиту незаслуженно наказанного хорошего парня. Да и сам Кузнецов не сидел сложа руки. Апелляции от него в ЦК комсомола следовали одна за другой. 31 января 1930 года – первая просьба о восстановлении в комсомоле, 20 марта – вторая...

И... справедливость восторжествовала.

Но почему? Потому что разобрались и отменили незаслуженное наказание.

А в чем, собственно, было разбираться и такая ли уж несправедливость была учинена по отношению к Кузнецову?

Посудите сами.

Служил Иван Павлович Кузнецов, отец Никоши, в колчаковской армии? Служил. Были у старшего Кузнецова лошади, коровы, жатка, псека?.. Были. Участвовал он в создании кредитного товарищества и потребительского союза, куда бедных, разумеется, не приглашали? Участвовал...

Так что вычистили младшего Кузнецова отовсюду правильно. А как еще можно было поступить с сыном представителя чуждого класса?

Так почему же после этого последовала чистая реабилитация? Что изменилось? Разве отрекся Никоша от своих родителей–кулаков? Нет, об этом мне ничего неизвестно. Тогда остается... Очень похоже на это.

Не очень убедительно?

Что ж, давайте последуем за Кузнецовым в Кудымкар, столицу коми–пермяков, куда его направили на работу в качестве помощника таксатора. То есть заниматься учетом леса и его материальной оценкой: возраст, запас древесины, годичный прирост...

Прямо скажем, не самая большая должность в Кудымкарском лесном хозяйстве. Да плюс еще подмоченная биография...

Но скромный помощник таксатора Кузнецов сразу по приезде становится одной из самых заметных фигур в Кудымкаре.

То он работает секретарем бюро Коми–Пермяцкого многопромышленного союза, то является уполномоченным Кудымкарского райкома и окружкома, то его командировают, как говорится в хранящемся в музее удостоверении, «в Деминский сельсовет в помощь уполномоченным РИК для практической работы в проведении подготовки посевной кампании и коллективизации, что и удостоверяется. 10 марта 1931 года».

Но еще больше вопросов вызвали попавшие ко мне воспоминания коми–пермяка И. Овчинникова, знавшего Н. Кузнецова в те годы. «У меня о Кузнецове с первого взгляда создалось хорошее впечатление, а после беседы с ним я понял, что он человек эрудированный, разбирающийся в разных вопросах».

Ну, и какие вопросы могут вызывать воспоминания, в которых отмечается, что уже в юности легендарный разведчик разбирался «в разных вопросах»?

Никаких, если бы не одно обстоятельство. Автор этих воспоминаний И. Овчинников в те годы был уполномоченным райотдела ГПУ. Вот я и думаю, к какому из своих начальств – лесному или гепеушному – по приезду в Кудымкар Николай Кузнецов представился первым?

Ну и что? Кроме кудымкарского чекиста, у Кузнецова было множество других знакомых. Такова уж особенность жизни малых городов – все друг друга знают.

Но не всем так доверяют, как доверяли Кузнецову. Приведу только один эпизод из его кудымкарской жизни,

когда по поручению «местной оппозиции», недовольной активной деятельностью Кузнецова, группа парней с дубинами набросилась на него, а он оказался вооружен револьвером. Кстати, а где мог научиться обращению с револьвером не служивший в армии Кузнецов?

– Не возникало ли проблем в подготовке Кузнецова к роли немецкого офицера из-за того, что он не служил в армии?

– Наоборот, ему очень помогло это обстоятельство, – развеял мои сомнения С.Л. Окунь. – Попробуйте отвыкнуть от воинского приветствия, принятого в нашей армии. После нескольких лет службы этот ритуал выполняется автоматически. А возьмите стойку «смирно», которая у немцев совершенно не такая, как в других армиях.

Да, интересная получается картина. Самый призывной возраст – от 19 до 23 лет – прожит Кузнецовым в Кудымкаре, а у него ни одной мысли о предстоящей воинской службе. А может, ему не предстояло, потому что уже был на службе?!

Ну, мало ли что! Это все предположения, а нужны доказательства.

Доказательства? Есть и доказательства.

Они приводятся генерал-майором Н.Щербининым в книге «Подвиг пермских чекистов».

«...Осенью 1932 года в Коми–Пермяцкий окружной отдел ГПУ поступило заявление Кузнецова о готовящемся заговоре кулаков против Советской власти. В Николая Ивановича стреляли, он чудом избежал смерти. Так начиналась чекистская деятельность Кузнецова. Это был талант, это было призвание».

Особенно в изучении иностранных языков. Спустя короткое время после приезда в Кудымкар, свидетельствует Ф.Пермякова, знакомая Н.Кузнецова той поры, «он не говорил по-русски даже с нами, только на коми». Более того, коми–пермяцкий поэт Степан Караваев утверждает, что «коми морт Микоу» («человек по имени Николай») даже писал стихи на их родном языке.

И нет ничего удивительного в том, что в Кудымкаре он усиленно занимается немецким языком, шлифует свое произношение с преподавателем педучилища и готовится к поступлению в институт иностранных языков. Удивительное заключается в другом. Спустя некоторое время, без каких-либо видимых (видимых – да, а невидимых?) причин Кузнецов резко меняет свое решение и начинает мечтать о карьере инженера-конструктора.

О годах учебы Кузнецова в Уральском индустриальном институте, впоследствии УПИ, в посвященных ему книгах говорится скороговоркой: в таком-то году поступил, в таком-то окончил... Но при первой же попытке наполнить содержанием тире между датами поступления и окончания возникает много недоуменных вопросов.

Почему Кузнецов не пожелал стать инженером-конструктором по лесотехническому оборудованию, что подходило по профилю к его нынешней специальности. Благо в Свердловске и факультет соответствующий имелся. Нет, он поступает в том же самом Свердловске в Уральский

индустриальный институт учиться на инженера-металлурга. То есть на специальность, с которой он ни в малейшей степени не соприкасался в своей предыдущей жизни.

Бывает?

Кстати, как он вообще поступил в институт, не имея среднего образования? Из Талицкого лесотехникума его ведь выперли со справкой. Ах, да! В книге «Разведчик Николай Кузнецов» говорится: «Позже Кузнецов продолжил образование и получил диплом». Надо понимать это так, что потом он досдал экзамены по ряду предметов, защитил дипломный проект – тема его непременно указывается в дипломе...

Увы, не сходится это по датам. Не мог Кузнецов, как об этом пишется в вышеупомянутой книге, в 1932 году окончить первый курс заочного отделения индустриального института. А отсюда следует, что, учась вначале на заочном, а потом на вечернем отделении, Кузнецов затратил на обучение времени меньше, чем студент дневного факультета Уральского индустриального института.

Вундеркинд?

Из производственной характеристики Николая Кузнецова. «Принятый на должность расцеховщика в бюро технического контроля конструкторского отдела тов. Кузнецов Н.И. ... с 5 мая 1935 года ... проявил себя как хороший работник с первых дней». Но тем не менее такой «хороший работник», который «в целях создания бесперебойного снабжения цехов чертежами работает не покладая рук», за три года работы на Уралмаше не продвинулся ни на ступеньку по служебной лестнице и с должности расцеховщика, одной из низших инженерных должностей, был переведен в Москву, в министерство.

Полноте, да кончал ли вообще Николай Иванович Кузнецов Уральский индустриальный институт? А как же широко известный факт защиты Кузнецовым диплома на немецком языке? Не было этого?

«Летом 1936 года мы встретились с Николаем Ивановичем в сквере, напротив заводоуправления, – вспоминает мастер Уралмашзавода А.В. Конев. – Он протянул мне газету «За тяжелое машиностроение». Я быстро пробежал глазами отчеркнутую заметку. В ней говорилось о том, что Кузнецов защитил диплом инженера на немецком языке».

Да что это я в самом деле! Учился – не учился... Прямо гадание на кофейной гуще. Не проще ли обратиться с официальным запросом в Уральский политехнический институт?

Запрашивали и не раз. И каждое новое поколение кузнецоведов получало от очередного ректора УПИ в качестве ответа пожимание плечами и поднятый вверх палец: «Мол, поинтересуйтесь там, наверху».

А давайте попробуем действовать от противного и согласимся с тем, что Кузнецов был обычным студентом в Уральском индустриальном институте. Значит, тогда существовала учебная группа, в которой он числился, и, соответственно, соученики и преподаватели. Ау, где вы, друзья учебных лет Николая Кузнецова? Где преподаватели, ко-

торые не могли не помнить студента с потрясающим знанием немецкого языка? Покажите мне воспоминания хотя бы одного из соучеников или преподавателей Н.И. Кузнецова в институте. И это при том, что существуют целые вороха воспоминаний тех, кто учился с ним в школе, техникуме, дружил, работал на заводе, жил по соседству...

Так, выходит, все это неправда и разведчик Николай Кузнецов не учился в индустриальном институте?

Я тоже вначале так думал, но потом изменил точку зрения.

Почему?

Давайте рассуждать логически. И примем за постулат, что Кузнецов в институте не учился, и его заочничество в Кудымкаре – просто удобное прикрытие для частых отлучек из города.

Но, будь он липовым инженером, обман был бы вскоре раскрыт его коллегами, немецкими инженерами. Не могли же те, кто подставлял его немецким специалистам, не понимать, что подстава будет легко обнаружена, если Кузнецов не пройдет спецподготовки по инженерному делу.

«Спец.» – вот, пожалуй, верное слово, которое все объясняет. Вначале, где-то в 1934–35 годах, Кузнецов учился в спецшколе спецорганов. Потом проходил спецподготовку в спецгруппе по инженерному делу в Уральском индустриальном институте. Вот почему нет никаких воспоминаний соучеников Кузнецова по институту – все они тоже были «спец». А обучающие их преподаватели, естественно, дали подписку о неразглашении.

Думается, и заметка в газете о защите диплома на немецком языке появилась не без участия спецорганов. Уж очень она работала на легенду Кузнецова. И позволяла объяснить его пристрастие к языку желанием расширить свой профессиональный кругозор – вот и диплом инженера на немецком языке защитил.

Кстати, о немецком языке. Здесь не обойтись без именного представления участников «немецкого кружка» Кузнецова. О них, «советских немцах», мало что известно. Хотя роль их в судьбе разведчика огромна. Именно им Кузнецов обязан своим блестящим знанием немецкого языка.

Представляю, какое сильное впечатление произвела на деревенского паренька Никошу Кузнецова при первом своем появлении в классе учительница немецкого языка Нина Николаевна Автократова. Всем своим видом и поведением она резко отличалась от других учителей Талицкой школы-семилетки. Подчеркнутое изящество в одежде, кружевной зонтик, который она носила в жару, культура речи, достойные манеры... – все говорило о принадлежности ее к иной, более красивой жизни, от которой, правда, мало что осталось. Не было мужа, талантливого врача, который превратил Талицу в уральскую Швейцарию, куда стремились туберкулезные больные со всего Урала. Федора Михайловича Автократова расстреляли красные за принадлежность к партии кадетов. Не было большого и уютного дома, из которого новая власть ее выкинула. Не стало симфоничес-

кого оркестра, существовавшего в Талице до революции, что для нее, завзятой любительницы серьезной музыки, было особенно огорчительно...

Но зато у нее прорезался педагогический талант, и к тому же будучи по-настоящему образованной – Н.Н. Автократова училась в Швейцарии – она умела пробудить у школьников интерес к своему предмету.

Вот что написал мне в письме о педагоге Н.Н. Автократовой бывший в то время учителем математики и химии Василий Михайлович Углов: « По моей большой просьбе Нина Николаевна Автократова позволила мне посетить несколько ее уроков. Вела она занятия живо, интересно, без всякого напряжения, старалась охватить работой всех учеников.

Особенно было заметно ее стремление научить ребят говорить по-немецки. Дисциплина в классе была идеальной.

И постепенно увлечение Никоши Кузнецова учительницей немецкого языка перешло и на сам немецкий язык. Хотя на первых порах это увлечение носило комический характер. Со своим закадычным другом Колей Прохоровым он решил придумать собственный тарабарский язык.

– Мы стали говорить на этом тарабарском языке дома, в школе, на улице, вызывая всеобщее недоумение, – вспоминает Николай Константинович Прохоров. – Устроен язык был очень просто. Достаточно было изучить таблицу, по которой одни буквы заменялись на другие. Вот, к примеру, как выглядело на тарабарском языке мое имя Коля. «К» заменялось на «Т», а «Л» на «С» и получалось «Тося». Загадочно и непонятно.

От дальнейших изысканий в этом направлении Никошу отвратила Н.Н. Автократова, посоветовавшая не заниматься ерундой, а развивать разговорные навыки с «талицикими немцами».

Это, пожалуй, был отправной момент, своеобразная точка отсчета, начиная с которой «немецкий фактор» начинает играть определяющую роль в жизни Кузнецова. Что это так – видно на примере судьбы его закадычного друга Коли Прохорова. Все в их жизни было похоже: учились в одном классе, а во время учебы в школе Никоша Кузнецов несколько лет жил в семье Коли Прохорова, оба окончили один и тот же Талицкий лесотехникум, оба стали чекистами...

Наверное, и дальше их судьбы, как и судьбы многих людей их поколения, мало бы отличались друг от друга. И подполковник государственной безопасности в отставке Николай Иванович Кузнецов, так же как сейчас Николай Константинович Прохоров, силится бы вспомнить, кто такие были «талицикие немцы». Впрочем, тогда этими «талицикими немцами» вряд ли бы кто-то и заинтересовался.

Хотя надо сказать, что, несмотря на их во многом решающую роль в формировании интереса Кузнецова к немецкому языку, биографы разведчика упоминали о них как-то вскользь. И, в сущности, до недавнего времени о них почти ничего не было известно.

Надеюсь, что добытые мною с большим трудом краткие биографические сведения об этих во всех отношениях достойных людях помогут нам понять феномен разведчика Кузнецова.

– Мой отец Франц Явурек, – рассказывает дочь первого из «настоящих» немцев, встреченных Кузнецовым, Софья Францевна, – родился в 1884 в Дрездене. Пятилетним ребенком он остался без родителей и воспитывался у чужих людей. В 1914 году, будучи в составе чехословацкого корпуса, он попал в русский плен. В 1924 году, имея уже семью, он переехал в Талицу, где стал работать преподавателем труда в школе–семилетке. Там с ним и познакомился школьник Кузнецов. Отец владел тремя языками: немецким, французским и английским. Затем в 1932 году его приняли в Московский институт иностранных языков на заочное отделение международного языка эсперанто...

С другим «талицим немцем» Кузнецов познакомился в аптеке. Вильгельм Краузе был ее заведующим.

– Папа родился недалеко от города Хелм (Холм) в 1886 году в немецкой колонии, – сообщила мне его дочь Юлия Вильгельмовна. – Раньше эта часть Польши принадлежала России и потому отец был призван служить в царскую армию. Так он попал в Тюмень, где закончил курсы фармацевтов и осенью 1924 года был направлен в Талицу открывать аптеку.

У папы было хорошее произношение, он говорил на берлинском диалекте, так что Николай Иванович обучался хорошему немецкому языку.

Последним из немецких знакомых Кузнецова был лесничий Эдуард Гунольд. Вот что написала мне о своем отце Анна Эдуардовна Коростелева (Гунольд): «Папа родился в 1890 году в бедной семье в Берлине. Он рано лишился родителей и воспитывался у старшей сестры Анны. В 1914 году он попал в русский плен, и, затем, судьба забросила его на Урал. Здесь он работал лесником, а затем начальником участка.

Папа был очень добрый, не пил, не ругался, и мы, дети, его просто обожали. Он научил тогдашнего школьника Никошу Кузнецова немецким песням».

Нина Николаевна Автократова, Франц Явурек, Вильгельм Краузе, Эдуард Гунольд – теперь мы знаем членов «немецкого кружка» Николая Кузнецова. Затем к ним добавились «уралмашевские немцы» – Йост, Мунг, Бухер, Затлер....

И это все? И всей этой самодеятельности было достаточно для того, чтобы спустя время Николай Иванович Кузнецов заговорил на пяти(!) диалектах немецкого языка, стал по-немецки образованным человеком?..

Трудно поверить, что те, кто подводили его к «уралмашевским» немцам, упустили из вида то, что последние четыре года, находясь в Кудымкаре (1939–34), из «иностранных» языков Кузнецов пользовался в основном языком коми. Косвенно мои сомнения подтвердил Николай Константинович Прохоров.

– В тридцатых годах я случайно повстречался в Свердловске с Кузнецовым. Внешне он мало изменился, но

по тому, как он разговаривал, держался было видно, что Никоша здорово прибавил. При мне он позвонил кому-то по телефону и разговаривал на великолепном немецком языке.

Заметим, что эта встреча состоялась до знакомства Кузнецова с немецкими инженерами.

Поиски мои облегчились тем обстоятельством, что тот, кто занимался языковой подготовкой Кузнецова, был, судя по результатам, специалистом высочайшего уровня. Таких всегда бывает немного, тем более в таком городе, каким являлся в то время Свердловск.

О том, какой это был «немец», вернее, «немка», свидетельствует одна из старейших преподавателей иностранных языков города Свердловска Екатерина Александровна Чарушникова:

– В то время я работала техническим переводчиком и преподавала немецкий язык в Промакадемии. Однажды я зашла за сестрой, которая училась на курсах иностранных языков и попала на урок Веселкиной. Темой занятия был инфинитив, простой инфинитив. Но сколько же нового я узнала для себя, будучи уже довольно опытной преподавательницей, об этом простом инфинитиве. Ее знания немецкого языка потрясали.

Это о ней, заведующей кафедрой иностранных языков Уральского индустриального института города Свердловска Ольге Михайловне Веселкиной, писал известный русский художник М.В.Нестеров, кисти которого принадлежали портреты таких знаменитостей, как ученый И.П.Павлов, хирург С.С.Юдин, скульптор В.И.Мухина: «На лето есть у меня и другие планы, написать портрет с необыкновенно интересной, умной и полной дамы...» И дальше: «... Портрет, задуманный мной на это лето, не написан: модель, Ольга Михайловна Веселкина, в Мураново проболела больше месяца и вчера уехала на место службы... Мы, однако, от мысли о портрете не отказались. Если будем живы, здоровы и проч., то приступим к написанию его на будущей год».

– Особенно отцу нравились глаза Ольги Михайловны, – вспоминает дочь художника М.В.Нестерова. – «Ах! какие у нее выразительные глаза!» – временами восклицал он. Кажется, глаза Ольги Михайловны попали в несколько картин отца.

Какой же она была, Ольга Михайловна Веселкина? Познакомившись с ее жизнью поближе, можно понять, что значила для Николая Кузнецова встреча с ней.

Родилась О.М.Веселкина в семье одного из высших сановников Российской империи. Образование она получила блестящее. Была воспитанницей привилегированного Екатерининского института благородных девиц, окончила историко-филологические курсы Герье, вошедшие после революции в состав МГУ. Слушала лекции в Сорбонне и стажировалась по педагогике у лучших специалистов в университетах Франции, Германии и Швейцарии.

Все это вместе – знатное происхождение, природный ум и европейское образование – позволили ей занять видное место в великосветском обществе.

По матери Ольга Михайловна Веселкина находилась в родстве с Михаилом Юрьевичем Лермонтовым. Она сохранила и передала в дар государству некоторые семейные реликвии, связанные с именем великого поэта. Среди них особую ценность представляет портрет Лермонтова кисти художника Ф.О. Будкевича, писанный по заказу Афанасия Алексеевича Столыпина, родного брата бабушки поэта Елизаветы Алексеевны Арсеньевой.

Ей же принадлежит честь спасения некоторых рукописей Пушкина в революцию. Она устроила их покупку у престарелой дочери Пушкина Марии Александровны Гартунг рукописным отделом Румянцевского музея.

Думается, что ее арест в 1924 году, в то время она занимала должность заведующей иностранным каталогом библиотеки Румянцевского музея, ныне Российской государственной библиотеки, по подозрению в участии в антисоветском заговоре и последующая высылка спасли ее от дальнейших репрессий. Таким образом она очутилась в Свердловске, оставшись в 51 год без средств к существованию, без какой-либо поддержки со стороны родных и друзей, в чужом городе. Какой же жизнестойкостью и силой духа должна была обладать эта великосветская дама, чтобы, начав с положения домработницы в семье уралмашевского инженера В.А. Батманова, которому предстояла служебная командировка в Германию, и Ольга Михайловна в короткий срок подготовила его по немецкому языку, — стать впоследствии профессором, автором многочисленных научных разработок в области изучения иностранных языков, членом методической комиссии Минвуза. Ее труд «Правила перевода слов в немецком предложении при помощи нумерации» высоко котировался среди ведущих специалистов страны. Сотрудниками основанной ею кафедры иностранных языков Уральского политехнического института бережно сохраняются основные принципы обучения немецкому языку, разработанные О.М. Веселкиной.

Все эти принципы были с успехом применены при обучении Николая Кузнецова, в том числе и последний — защита на немецком языке.

Выказав особый талант к ведению тайной деятельности и выдающиеся способности в овладении иностранными языками, что было подтверждено многочисленными успешными операциями, в том числе и с немецкими специалистами с Уралмаша, Николай Кузнецов неминуемо должен был попасть в поле зрения центральных органов. Что и произошло в 1938 году.

Чем занимался Н.И. Кузнецов до того момента, когда он стал обер-лейтенантом Паулем Зиббертом?

Достоверно установлено, что большую часть времени из трех предвоенных лет он провел в Западной Европе, был задействован в операциях против финнов во время советско-финской войны, передавал дезинформацию в немецкое посольство...

В общем, как сказал мне С.Л. Окунь: «Николай Иванович Кузнецов еще до войны наработал столько, что его можно было бы смело вписывать в историю разведки».

О.М. ВЕСЕЛКИНА

Н.И. КУЗНЕЦОВ

Н.Н. АВТОКРАТОВА

НЕМЕЦКИЙ КРУЖОК КУЗНЕЦОВА

Ф.Ф. ЯВУРЕК

АРИФМОГРИФЫ

1. Его первое стремится вверх; второе и третье – союзы;
цБлюе – столица.
1, 2, 3, 4, 5, 6 – столица.
3, 2, 1, 4, 3, 2 – холодное оружие.
2, 3, 2, 1, 6, – житель жаркой страны.
1, 4, 3, 3, 6 – воевавший съ римлянами до Аннибала.
2. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – известный русский писатель
1, 2, 6, 7, 3, 9 – птица;
1, 7, 6, 5 – возвышенность;
3, 7, 1, 5 – часть человеческого тБла;
2, 4, 1, 9 – мБсто, гдБ разводять огонь;
5, 3, 3, 5 – женское имя;
6, 2, 3, 5 – рБка во Франци;
6, 2, 1, 9 – имБють нБкоторые животныя;
1, 6, 5, 3, 9 – мБра аптекарского вБса;
3. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 – знаменитый химик;
8, 7, 6, 7, 3, 9 – часть одБжды;
2, 3, 6, 7 – вечера мудренБе;
1, 6, 2, 3, 9 – первый римский консул;

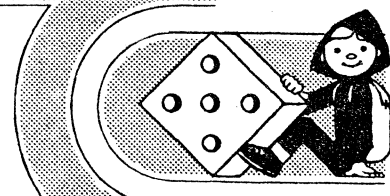
чальныя буквы ихъ, въ видБ акростиха, составили фамилию русского поэта?

АРИФМЕТИЧЕСКИЕ ЗАДАЧИ

1. НБкто написалъ подъ рядъ всБ числа от 1 до 1000. Сколько разъ ему при этомъ пришлось написать цифру 3?
2. В 67-м году историк Иосиф, преследуемый войском императора Веспаслана, спрятался с 40 своими воинами-евреями в пещере. Враги окружали их, спасения не было. Тогда Иосиф предложил своим единоплеменникам отдаться в плен. Но это предложение так возмутило их, что они решились лучше умереть, убивая друг друга, чем сдаться врагу. Они стали в кружок и убивали через два третьего. Какое место должен был занять Иосиф, чтобы остаться в живых?
3. Хлебные зерна Сессы.
Один арабский писатель, Аль-Сефадн, рассказывает, что царь персидский спросил Сессу, изобретателя игры в шахматы, какую награду желает получить он. Сесса ответил, что он желал бы получить одно хлебное зернышко за первую

Рубрику ведет Мария КОНОВАЛОВА

ПЕРСИДСКИЙ ЦАРЬ ПРОИГРАЛ. А ВЫ? СЛОВОБОРЬЕ

- 4, 5, 8, 9 – дикий звБрь;
6, 7, 3, 9 – часть лица;
7, 6, 5, 4, 9 – птица;
1, 7, 6, 9 – дремучий лБсъ;
4, 7, 3, 9 – мБра вБса;

АКРОСТИХИ

Врагъ	Лена	Оса
Уха	Городъ	Ива
Ода	Урокъ	Ось

Къ каждому из вышесказанныхъ словъ слБдуетъ приставить по одной буквБ такъ, чтобы образовалось столько же новыхъ словъ. Какъ должны быть размБщены эти слова, чтобы начальныя буквы ихъ составили, в видБ акростиха, фамилию русского поэта?

2. Дано восемь словъ: томъ, онъ, два, оса, азъ, ода, иль, ротъ. Къ каждому из этихъ словъ слБдуетъ приставить по одной буквБ такъ, чтобы образовалось столько же новыхъ словъ. Какъ должны быть размБщены эти слова, чтобы на-

клетку шахматной доски, два — за вторую, четыре — за третью и т. д., все удваивая до шестьдесят четвертой клетки. Царь расхохотался, услышав такую просьбу, но затем должен был сознаться, что такой награды дать он не может. Почему?

4. Некто имеет бутылку, объемом равную 12 стаканам и наполненную вином. Он хочет отлить своему приятелю 6 стаканов, но для отмеривания у него нет ничего, кроме двух бутылок – одна в 7 стаканов, другая в 5. Каким способом может он отмерить 6 стаканов?

5. Цыган продает на ярмарке свою лошадь, но продает на странных условиях: он просит копейку за первый гвоздь в подкове лошади, две – за второй и так дальше, все удваивая до последнего, 24-го гвоздя. Сколько хочет выручить цыган за свою лошадь?

Ответы см. в "УС" № 3

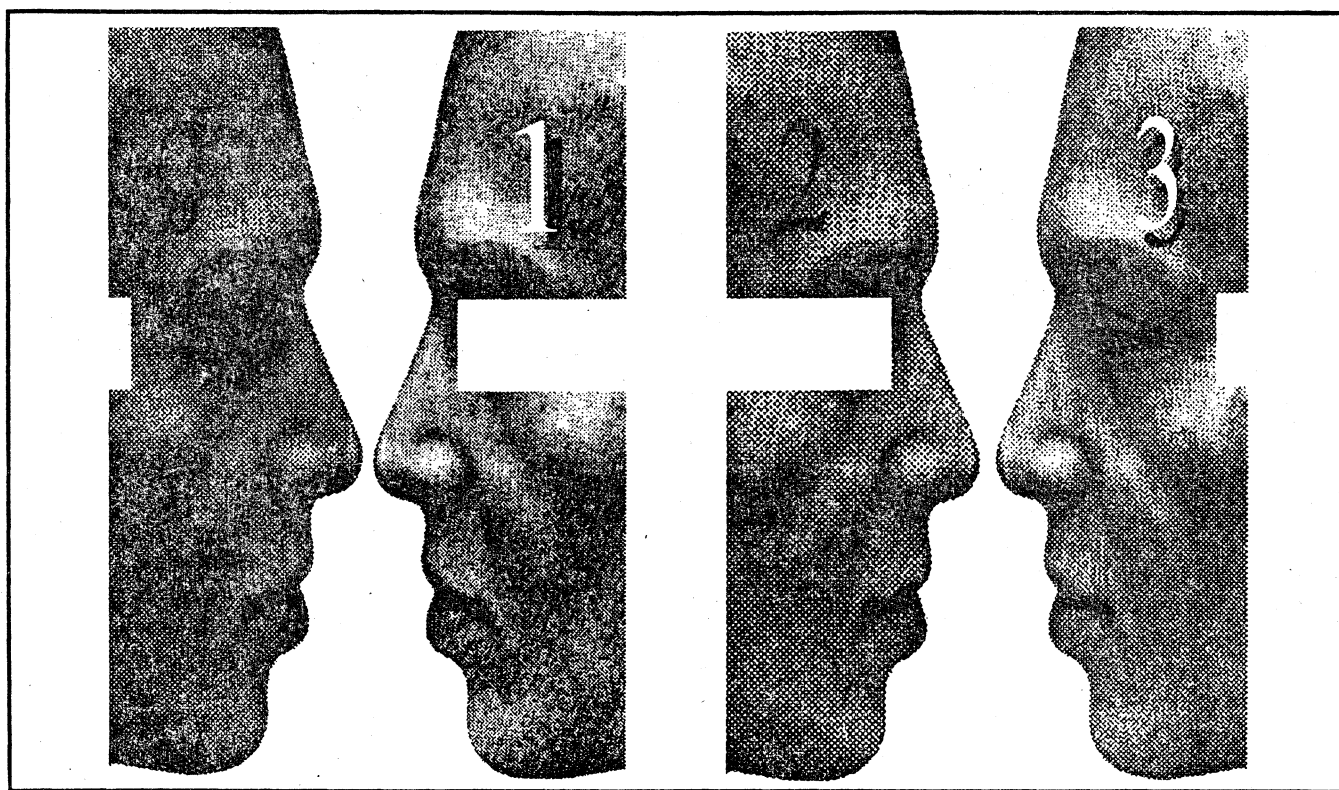
Андрей ИЛЬИН

ТАЙНЫЕ ЛЮДИ

Записки невидимки

ПОВЕСТЬ

Оформление Сергея ГРИГОРЬКИНА

Запись II. ПО НОВОМУ КРУГУ

Дверь. Еще дверь. Ярко освещенный коридор. Вестибюль. Электронное табло. Время 14.37.16.

Тридцатисекундная пауза. Сейчас меня наблюдают. Сверлят электронными зрачками камер. Сверяют время. Допустимое отклонение — плюс-минус пять секунд. Шестисекундное опоздание или забегание — штрафные баллы. Десяти — санкции. Минута — автоматическое отчисление.

— Можете войти!

Дверь на себя. Коридор. Зона спецконтроля.

Продолжение. Начало в № 1 — 1995 г.

Привычно вытащить личный жетон. Развернуть вверх "лицом", толкнуть в щель приемника-опознавателя. Где-то там в его глубине хитрый механизм разомкнет электронный запор, из монолита жетона выдвинется прозрачный язык с моим слайд-портретом, личным кодом и свежими пароль-секретками. Сбросить с лица "паранджу". Замереть фас. Повернуться. Замереть профиль. Четко доложить.

— Курсант Зевс, код 24 СЖ, допуск третьей степени, прибыл!

Пауза. Голосовая идентификация.

— Проходите!

Турникет. Длинный коридор с одинаковыми без названия и цифр дверями. Есть в этих гладких, без привычных ручек, замочных скважин, выступающих петель, дверях, что-то пугающе-неприятное. Не узнают их глаза, не воспринимает сознание. Двери — это когда можно взяться рукой, повернуть ключ, постучать. А здесь... Здесь все как в страшной сказке, все шиворот-навыворот.

Двадцать шагов. Остановиться возле знакомой — глаза б на нее не глядели — двери. Подождать. Где-то там, в начале коридора дежурный-невидимка сличит график занятий, допуски, коды, нажмет кнопку, засов бесшумно утопит в стену. Открыто.

— Проходите!

Учебная комната без мебели, без окон, на стенах большие экраны. Все. И сидеть мне в этой пустоте, недвижимо, не шелохнув ни единым пальцем, под неотрывными взглядами скрытых наблюдателей час, или сутки, или двое. Упражнение, равное самой изощренной пытке. Зачем? Чтобы стать незаметным в засаде и исчезающим в преследовании? Чтобы закалить волю? Развить наблюдательность? Черт его знает. Конечной правды я все равно не дознаюсь.

Сегодня установка на ограничение пространства. Я сажусь на пол, поджимаю ноги к груди, чтобы занимать как можно меньше места. Шевелю руками-ногами, стараясь каждой мышце найти наиболее комфортное положение. Расслабляюсь. Замираю. Как просто сказать "замираю". Как невероятно трудно научиться замирать! У большинства неподвижность ассоциируется с отдыхом, у меня — с самой трудной работой.

На предварительных занятиях я наблюдал за поведением насекомых, за многочасовым замиранием богомола, когда невозможно отличить его одеревеневшее тело от сухой ветки. Ходят возле него мухи-жучки в упор не различая смерть свою и, вдруг — мгновенный бросок и бьется в челюстях маленького хищника чья-то уходящая жизнь. Если бы я мог добиться подобного результата!

Завожу в голову внутренний хронометр, беру под наблюдение экраны. Это д.п. нагрузка — чтобы не одни мышцы напрягались.

С богом!

Час.

Второй.

Третий.

То на одном, то на другом экране время от времени появляются геометрические фигуры. Моя — вытянутый треугольник. Он может вспыхнуть в любой момент на любом экране. Он может оказаться перевернутым вверх тормашками или мгновенно мелькнуть среди нагромождения других фи-

гур. Я должен его заметить и учесть. По количеству пропусков судят о степени моего внимания. Сиди, выпучивай глаза словно филин в ночи и попробуй не заметить то, что заметить обязан!

Правый экран — есть. Левый — есть. Снова правый. Еще. Лицевой. Левый. Лицевой. Все это боковым зрением не поворачивая головы не сдвигая зрачки глаз.

Лицевой — есть. Есть. Есть...

Пятый час.

Шестой.

Застывшие окаменевшие мышцы. Упертый взгляд. Тихое, практически незаметное дыхание. Неподвижность.

Но уже ползет по коже изморозь мурашек, немеют пальцы ног, ноет поясница, затекает шея. Сиденье кончилось — начинаются муки. И шевелются в голове зловередные мысли.

Может, я ошибся? Может, зря позволил себя уговорить? Неужели первой Учебки с ее непонятной муштрой мне было мало? Правда, та Учебка и эта... Сравнимы ли пионерский и исправительно-трудовой лагеря? А ведь название одно.

Подвел меня полковник своими погонами и густой плашкой боевых наград на груди. Подставил.

— Молодцом! — одобрительно кивал он, листая мое личное дело, — на вашем курсе лучшие результаты. Тесты, практика... Молодцом!

А, пожалуй, и было мне чем гордиться. Несмотря на неудачное начало — случайное опознание, побеги, стрельбу и прочие мишурные приключения, за которые, кстати, мне сняли в итоге баллы, я успел в остаточный срок удачно, говоря нашим профессиональным жаргоном, "слепить биографию" и натурализоваться не где-нибудь, а в областном центре, подколымить (скорее для легализации денег, чем для заработка) с бригадой шабашников, купить дом-развалюху и разменять его на комнату в коммуналке, заимев в друзья-соседи зам. начальника районной милиции (я же не жил-площадь искал, в первую голову страховку, связи, прикрытые!), устроиться на перспективную работу, поступить на заочное отделение в институт, через совместное хобби (преферанс, собаководство, охоту и пр.) обеспечить высокопоставленными друзьями, организовать личную жизнь (опять-таки выбирая не невесту, а родителей) и настолько слиться со средой, что другой жизни и желать не мог — на гражданке так не барствовал, ей-богу! Жить бы мне поживать, да добра наживать, но отыскивали меня отцы-командиры, выдернули из налаженного быта. А причиной тому послужили, как оказалось, мои замечательные успехи. Других, говорят, не тронули, оставили в покое — жи-

вите как хотите. Тем их служба и завершилась. А мне мало показалось!

— Ого и благодарность от МВД?! Эти-то каким боком? — удивился полковник. — За содействие в задержании особо опасной преступной группы!.. Хорошо.

Скорее плохо, подумал я, вспомнив крутую разборку моих криминальных подвигов. Что для всякого законопослушного гражданина было доблестью и даже геройством, для меня обернулось нарушением служебных инструкций — не высывайся, не громыхай там, где можно уйти тихо!

— Очень хорошо. Но, говоря по чести, все это школярство первой ступени. Главное впереди. Должен сообщить вам, собственно, для этого я сюда и прибыл, что из всего потока вы единственный допускаетесь к продолжению учебы. Ваше право сказать да или нет.

— А что остальные?

— Остальные переходят в разряд "консервов", то есть отправляются по домам и ждут... ближайшей войны. Конечно, интересный подход к делу — возможно вы понадобитесь в войне, которая возможно случится! Хороша перспектива для профессионала! Если в будущем (каком — ближнем, дальнем?) разразится война и противник, не дай бог, захватит часть нашей территории, а агент к тому времени не потеряет своей квалификации или не сопьется и не обрстет, как пень опятами, кучей детей, то его, бедолагу, засунут в самолет и сбросят в тылу врага для вживания и последующего выполнения агентурной и разведработы. Кабы, если, вдруг... Все это смахивает на утопию, возвращенную опытом последней войны — массивная заброска агентов, самостоятельное — как хочешь так и выкручивайся, внедрение, многолетняя работа на территории противника... Не уменьем так числом? Разве это агенты — пушечное мясо второй категории! Возможно ли сохранить навыки, которые некуда применить? Агент, не тренирующий себя делом, тот же пианист-любитель: теоретически знает все, по какой клавише бить, на какую педальку жать, только вот музыка получается ни уму, ни сердцу, так, посредственное таперство, пальчики-то деревянные, не гнутся, в растопырку торчат!

С другой стороны, не содержать же целую Учебку единственно для отбора пары-тройки толковых ребят в год. Накладно! А так, вполне приличные цели из серии "если завтра война". На такое грех денег жалеть.

Но это их проблемы. А наши... Я предлагаю вам настоящее дело, не эти игрушки в песочнице. Дело живое и потому опасное. Дело для настоящих мужиков. Для таких, как мы с вами!..

Вот этой фразой, рассчитанной на мое еще почти детское самолюбие и приколот меня полковник, как натуралист букашку к тетрадному листу. Сплоховал я, пропустив выпендрож вперед расчета. Поспешил!

Седьмой час.

Восьмой.

Десятый.

Бегут, скачут фигуры, слезятся глаза, наливаются свинцом тело, немеет кожа. Незаметно, бесшумно я напрягаю и расслабляю различные группы мышц, не давая им затечь. Главное — сохранить работоспособность. В любое следующее мгновение я должен быть готов к действию. И еще я должен ловить и подсчитывать свою фигуру, чувствовать время, бороться с усталостью, сном, безразличием. И еще... Кругом я должен, должен, должен. Я вечный должник Конторы. Хода назад нет, мне это доказали наглядно. Не дураки писали правила этой жестокой игры. Знали как "обрубать хвосты". Только вот хвостом тем был не кусок меха на копчике, а вся моя прошлая жизнь!

— Вы согласны?

— Да!

— Вы хорошо обдумали свое решение?

— Да!

— Распишитесь.

"Обязуюсь не разглашать служебную информацию. В случае нарушения признаю правомерность применения ко мне высшей меры согласно статье... по законам военного времени..."

Подписываюсь.

"Обязуюсь докладывать по инстанции о любых недружеских контактах. В случае нарушения..."

Подписываюсь.

"Обязуюсь прервать всякие отношения с близкими и дальними родственниками и знакомыми... В случае..."

Подписываюсь.

— Только не думайте, что это формальность, — предостерег "вербовщик", — все положения, оговоренные в документах, имеют силу закона и в каждом пункте применяются буквально. Кроме того, мы оставляем за собой право любой параграф договора подтвердить действием.

Недооценил я поначалу этот пунктик. Пропустил мимо ушей. Думал, так, обычная бюрократия. А он был основой основ службы, в которой мне предстояло "трубить" всю отпущенную судьбой и начальством жизнь!

Наш договор не был стопкой бумаг, которая могла сгореть или утратить свою силу, которую, передумав, можно было выбросить в мусорную корзину. Бумаги были лишь макушкой огромной

пирамиды взаимного подчинения и принуждения. Контора умела удерживать свои кадры. И выцветшие чернила личной росписи здесь значили очень немало!

— Мужайся, курсант! — предупредил очередной кадровик-секретчик, — тебя ждут не самые приятные испытания. Ты готов?

— Да!

— Ты должен понять, что цели, которым мы служим, не разрешают прошлого. Мы не принадлежим себе. Мы всецело, со всеми потрохами с дня сегодняшнего до последнего принадлежим Учреждению. Для нас нет вчера, но только сегодня. Мы не можем позволить себе чувства, в том числе родственные. Это не совместимо с исполнением стоящих перед нами задач.

— Я понимаю!

— Ни черта ты не понимаешь! — вдруг сошел с казенного тона "вербовщик". — Постоянно, изо дня в день, до крышки гроба тебя будут ставить перед выбором: Или-или. И каждый раз с тебя будут требовать не слов, не бумажного росчерка — действия! И каждое такое действие будет все дальше вытеснять тебя из круга привычной жизни, обрезать последние пути к отступлению. Тебе разрешат больше чем прочим, но заставят платить стократ!

— Я понимаю!

— Ты готов пожертвовать прошлым?

И подчиняясь инерции игры в супермена, не в силах остановиться ценой признания собственной слабости и не представляя, чем уже завтра мне придется расплачиваться за собственное согласие, я сказал:

— Да!

— Тогда готовься к своей смерти!..

Я умер через неделю. Я умер для мира, для семьи, для друзей и, может быть, для себя самого.

Я умер.

Серую бумажку извещения, казенно-сочувствующие лица работников военкомата увидела моя мать.

"...числа ...года Ваш сын погиб в результате несчастного случая при прохождении срочной службы в в/части..."

— Успокойтесь, мамаша. Сядьте, мамаша.

Крепкие солдаты крутили в тесном проеме подъезда цинковый гроб. Гроб с моим телом.

И все это — растерянность и шок матери, скребуший по стенам гроб, всхлипы младшей сестры, растерянную суету соседей, молчаливое отчаяние отца, полотенце, венки, табуретки я видел сам! Я видел все снова и снова, прокручивая пленку на экране монитора.

Ах, как профессионален был оператор! Как

близко показаны глаза матери, как отчетливо слышен скорбный шепот голосов, как все натурально и в то же время художественно. Куда там "Мосфильму"! А ведь снимал он скрытой камерой!

Цинк, конечно, вскрывать не разрешили, ссылаясь на вид травмированного тела. Гроб металлической громадой встал посреди комнаты. Моей комнаты. Я видел знакомый диван, стол, книги и... собственный гроб. И снова: слезы, причитания, вой матери, скорбь знакомых, школьных друзей.

— Вы еще можете все отменить. Вы можете сказать нет. Мы найдем способ исправить... — шептал на ухо инструктор. — Вы можете...

Но отчаяние и упрямство, стыд и гордость и еще страх и какая-то безнадежная злоба стискивали мои зубы. Я не желал показать им свою слабость. Я молчал. Я молчал! И своим молчанием говорил — да!

Но мало им было пассивного согласия. Молчание для них не было знаком согласия. Согласием для них было — действие! И только оно!

Мужайся, курсант! Сжимай зубы и усваивай новые правила. Это называется "крещением"!

Через сутки, с помощью грима, жестов, одежды изменив свой облик, я должен был выехать к месту моего первого служебного задания — на собственные похороны!

Я должен был сам разработать легенду прикрытия, внешнюю маскировку, страховку, учесть пути отступления, найти как, присутствуя на собственном погребении, остаться незамеченным, с каких точек наблюдать за обрядом прощания, чтобы увидеть больше. И все это впоследствии изложить в рапорте с указанием деталей, подсчетом присутствовавших и случайно прошедших рядом людей, описанием их действий и реакций.

Я уже знал правила игры — оценки пойдут за все: оригинальность идеи, учет топографии места и психологических факторов, внешнюю маскировку, степень приближения к объекту — чем ближе я буду стоять к срезу своей могилы, тем больше наберу очков. Они правы. Частокол частных способен загородить общее. Азарт решения задачи сильнее потенциального ужаса ее итогового ответа. Наверное так изобреталась атомная бомба. И чем более красивое решение я отыщу — а кто откажется быть первым среди лучших — тем надежнее я увязну в липких тенетах Конторы. Они вязали меня моими собственными руками! Жестоко, но как неодолимо верно отрезали они мое прошлое! И не с кого, в случае чего, спросить — я сам выбрал, выковал свою судьбу. Выхода мне оставили только два — вперед или назад. Но где-то в глубине души я догадывался, что отступление — иллюзия. Ход назад исключен. Слишком

много. я узнал, слишком далеко зашли наши с Конторой отношения. Я решал конкретные задачи: как до неузнаваемости изменить лицо, походку, голос, какую выбрать одежду, в качестве кого, не привлекая внимания приблизиться к похоронной процессии. Я думал, разрабатывал, браковал варианты. Я решал десятки мелких задач, на самом деле решая одну-единственную — продажу своих тела и души Конторе.

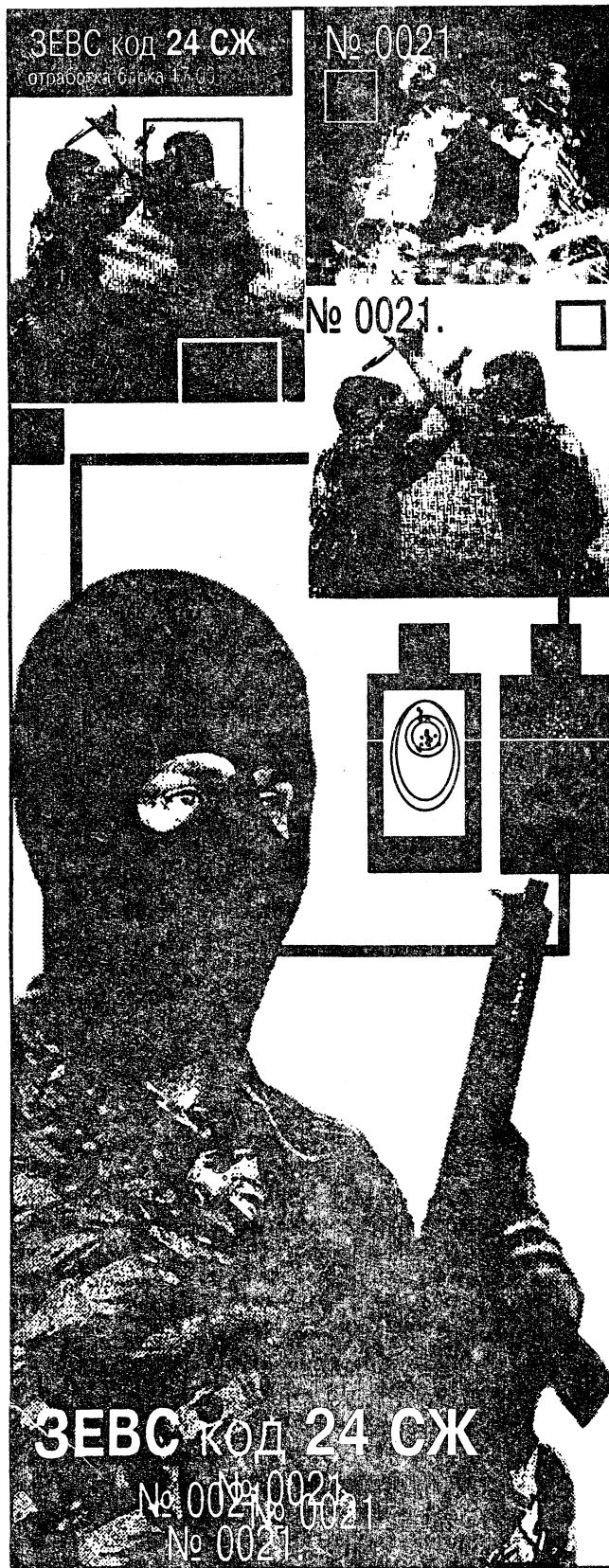
Сделка состоялась!

Двенадцатый час.

Экраны молчат. Меня провоцируют на сон. Я должен сопротивляться! Разминать мышцы. Думать. Петь про себя песни. Вспоминать. Только не спать! И я вспоминаю.

Процессия втягивалась на кладбище. Гроб несли десять человек. Интересно, что там внутри? Или, может быть, кто? Где можно надежно спрятать неудобное тело, как не в официальной могиле, прикрываясь словно щитом натурально плачущими родственниками. Я уловил дух Конторы и теперь не удивлюсь любым, самым фантастическим вывертам. Собственно говоря, я и сам стал ее частью, если при наблюдении за собственным захоронением меня посещают такие мысли. Что-то надломилось во мне в последние дни.

Остановились возле могилы. Замерли. Кто-то побежал за забытыми в машине табуретками. Держать "меня" было тяжело. Пот заливал глаза носильщиков. Я видел их рядом, буквально в сантиметрах от собственного носа, скользя панорамой по лицам. Вот одноклассник, с ним я полгода сидел за одной партой. С этим куролесил во дворе. Сосед по лестничной клетке. Друг детства. Я плавно двигал объективом теодолита. Это было мое изобретение, которым я, не без основания, мог гордиться — установить за ближними памятниками треногу с теодолитом, поставить возле могилы рейку и припав к окуляру внимательно и главное безопасно наблюдать за происходящим. Я мог легко перечесть участников, рассмотреть детали их одежды, выражения лиц, не выказывая себя. Конечно, натяжка здесь присутствовала — какого дьявола понадобился теодолит на кладбище? Но кто в такой момент обращает внимание на мелкие странности. Главное, я умыл своих кураторов. Они очень хотели втолкнуть меня в толпу скорбящих друзей и близких, подвести к краю могилы, посмотреть на мои дерганья. Не вышло! Подпортил я им удовольствие. С одной стороны я ближе к объекту, чем мог бы быть стоя где-нибудь сбоку под видом случайного могильщика, с другой, не нарушая поставленных условий, отстранен от происходящего. Я не участник, но лишь сто-

ронный наблюдатель. Таким меня и кушайте, коли не поперхнетесь!

Опустили гроб. На него, разрыдавшись, упала мать. Придвинулся, попытался ее успокоить отец. Могильщики расправили канаты.

Странно, ведь это моя мать, мой отец, а я словно каменный повозу объектом теодолита, замечая, рассматривая, запоминая. Может, от того, что наблюдаю окружающее как спектакль, заведомо зная интригу, зная, что все это лишь фокус, дурной розыгрыш, ведь я не там, в тесном нутре цинка, а здесь, живой и невредимый. А может от того, что догадываюсь, что сейчас меня "смотрят" со всех сторон. Очень им важно установить степень моей психологической устойчивости, поймать самый малый всплеск эмоций: дрогнувшую мышцу, шевельнувшуюся бровь, размытый слезой зрачок. Не дождетесь! Я машина, я лишь продолжение теодолита, я наблюдаю, замечая, фиксирую. Не более того!

Грохнул автоматный залп. Отметить, куда пошли солдаты, куда отлетели стреляные гильзы. Это детали. Это важно.

Гроб подняли, поставили на ломы, упертые в края могилы. Я вжался в окуляр теодолита. Близко, невозможно близко, увидел глаза матери, отца. Почему я не могу бросить свое укрытие, подойти и прекратить весь этот спектакль? Почему должен наблюдать страдание моих близких, изображая камнеподобного чурбана? Почему?!

Из под гроба выдернули ломы, опустили его в могилу. Все. Я не вышел, не прекратил, не объяснил. Я остался с теодолитом. Я остался с Конторой.

Нет, не прав я, не розыгрыш это был и не фокус. Это были мои похороны! Я действительно умер. Навсегда. И через это поступил в полную, безраздельную собственность Конторы. Стал инвентарным номером, как какой-нибудь стол или шкаф. Всего лишь цифрой в длинном ряду таких же цифр. Вещью. А прошлое мое, детство, надежды, мечты, стремления, меня самого, зарыли в землю и сверху, словно осиновым колом придавили надгробным памятником. Родился — черточка — умер. Точка.

Умер.

Внимание! Правый экран. Левый. Правый. Замелькали линии. Не пропустить, заметить, учесть. Прямо. Прямо. Крутить головой или двигать глазами безнадежное занятие. Очередность картинок рассчитана так, что если я начну вертеться, пытаясь догнать изображение, то неизбежно стану отставать, делать один пропуск за другим. Я учусь вылавливать контрольные фигуры боковым зрением, как хамелеон, одновременно глядя в три сто-

роны. С каждым следующим занятием я расширяю свой "кругозор", прибавляя в поле зрения новые градусы. Есть. Есть. Есть.

Как ноет одеревеневшая шея. Удивительно, раньше я предполагал, что первыми сдают ноги. Шевелить мышцами, не терять чувства времени, следить, учитывать, быть готовым.

Шестнадцатый час.

Семнадцатый.

Кажется, близок предел. Частые судороги глазных мышц тянут веки вниз. Я моргаю все чаще и чаще и не могу сразу разлепить глаза. Пропусков, я уверен, пошло гуще. Конечно, я в любой момент могу прекратить упражнение, но гордое упрямство, направленное, нет, не на них, на себя самого, заставляет меня продолжать. Я высиживаю еще час и еще. От постоянного перенапряжения ломит голову, словно кто-то маленький и злобный с каждым ударом пульса изнутри колотит в висок острым молоточком. Почти наверняка подскочило давление. Здоровья такая учеба не прибавляет. Это точно.

Правый экран. Левый. Лицевой. Лицевой. Лицевой.

Господи, сколько этих треклятых треугольников? Наверное ими, если приставить друг к другу, можно опоясать земной шар по экватору.

Лицевой. Левый. Лицевой.

Отныне я буду любить круги, многогранники, квадраты и люто ненавидеть любые фигуры с острыми внутренними углами. Хотя нет. Кажется, в прошлый раз был именно круг.

Двадцать первый час.

Почти сутки!

Я словно нашпигован острыми иголками. Моя кожа, мышцы, кости, кровеносные сосуды, даже, кажется, сама кровь протестуют против неподвижности. Они хотят двигаться. Они и должны двигаться! Они так устроены, что не могут иначе. Все мое тело требует движения. И лишь махонький кусочек головного мозга, может быть стограммовый, может быть еще меньший, где гнездится сознание, продолжает упрямяться, обрекая все прочие семьдесят килограммов тела на страдания. Он сильнее. И это суть. Он должен быть сильнее, иначе грош цена всем прочим десяткам килограммов!

Вспышка! Оглушительная сирена! Голос.

— Приготовиться к спаррингу!

И без всякого перехода, без паузы, тут же в распахнутую дверь впрыгивает инструктор по рукопашному бою. Он смеется! Ему весело! Его разогретое быстрое тело готово к бою. Ему нравится собственная сила и уверенность. Он жаждет драки как развлечения.

С трудом преодолевая онемение поясницы я вскакиваю на ноги. Раскаленные спицы боли прокальвают мой позвоночник, суставы, мозг. На мгновение в глазах темнеет. И именно в это мгновение меня настигает удар в челюсть.

Из своего заведомо проигрышного положения — мой противник свеж, а я весь как отсиженная нога, я извлекаю крупницы выгоды. Приняв удар, я искусственно падаю, чтобы получить мгновенную передышку, успеть очухаться, сгруппироваться, "завести" мышцы. Внешняя боль вытесняет внутреннюю, мобилизует организм. Нет, не зря я двадцать часов "мял" мускулы. Еще не коснувшись пола, я чувствую, как они начинают работать в полную силу. Я откатываюсь, но не встаю. Противник один — за что большое мерси учителям-мучителям. В прошлый раз на мне как на груше разминались трое! Значит на добивание он, хочет или не хочет, должен подойти лично. Вот я его и подожду.

Инструктор внимательно оглядывает меня — проверяет, не переборщил ли. Переборщил, переборщил — показываю я ему всем своим видом. Это уже не оговоренные 75 процентов максимума, а все 120! Может и челюсть сломана. То есть курсант выведен из строя. Не выдать тебе парень премии! Точно! Не веришь? Подойди — посмотри. Ну подойди, подойди.

Инструктор огибает меня со спины. Конечно, у меня нет шансов в единоборстве, на то он и инструктор, а я курсант, но разок, от души, врезать очень хочется. За все свои обиды, за двадцатичасовые муки и итоговую премию в форме оплеухи в левую скулу. Ну сколько же можно терпеть, ей-богу!

Инструктор, прикрывая лицо и корпус, слегка наклонился, готовый к мгновенному отражению возможной агрессии и нанесению добивающего удара. Я испускаю громкий, отвлекающий внимание стон, открываю затуманенные глаза и, одновременно, наношу своему условному противнику сильнейший удар ногой под коленки и внешней стороной кулака — в руки. Инструктор падает и тут же вскакивает. Но я уже на ногах. Я опередил его на какое-то мгновение. Но это мое мгновение, и я его использую с пользой для себя и немалым уроном для соперника.

Ну!

Сирена. Команда "Брэк"!

И летящая рука замирает в воздухе. Ну не дали душу отвести! Обидно, честное слово!

Инструктор мирно улыбается, протягивает руку. Бой закончен. Сколько он длился? Секунд десять? Учебке не нужны лишние драки. Хватит плановых. Сегодня спецов интересовала моя мы-

шечная форма, мои реакции после двадцатичасовой "сидячки". После первого моего полноценного ответа они прекратили потасовку.

— Сделал ты меня! — смеется инструктор, еле заметно подмигивая, намекая на "покупку" за рамками правил учебного боя.

Ну конечно, они меня будут мутузить вдвоем-троем, а я правила соблюдать. В кои веки раз выпала возможность отыграться, а они про правила.

— Еще не вечер, — машет на прощанье инструктор.

Это точно, думаю я, еще даже не день. Судя по впечатлениям последних месяцев еще только раннее утро. А когда наступит день и как я его умудрюсь пережить, знает только бог да еще Контора, что в конечном итоге для меня одно и то же.

На сегодня все. Отмучился! Пора домой. В обратном порядке я отсчитываю коридоры, вестибюли, крытые переходы между зданиями. Торчу у опознавателей и автоматических дверей. Я не встречаю ни одного "прохожего". Коридоры пусты, как послужной список новобранца. График перемещений внутри здания составлен так хитро, что наткнуться на живую душу практически невозможно. Я настолько привык к пустым помещениям, что если бы вдруг заметил человеческую фигуру, то принял бы ее за мираж и попытался пройти сквозь нее, как сквозь воздух.

За год с лишним пребывания в стенах Учебки я не видел ни единого собрата-курсанта! Занятия проходят строго в индивидуальных классах с глазу на глаз с преподавателем. Если проводились общие лекции, то лишь посредством мониторов, т. е. лектор читал толпе, а толпа, разбитая на индивидуумов, сидела по кабинетам, пялясь в мерцающие экраны. Хочешь задать вопрос — жми кнопку и говори в микрофон. А уж собраний, вечеринок, сборищ и т. п., типичных для нормальных учебных заведений мероприятий, здесь не могло быть в принципе. Курсанты не должны были знать друг друга. Ни под каким видом!

Иногда мне казалось, что в этой почтенной академии спецнаук я обучаюсь один. И все эти здания, спортивные залы, тир, тренажеры, преподаватели, инструкторы и прочая и прочая, предназначены только для меня.

Но нет, не дремала фантазия братьев-школяров, измученных как и я одиночеством. Они находили способы дать о себе знать. То на девственно чистом полу коридора можно было заметить нарочито оброненную бумажку, то в батарее парового отопления стукнет торопливая дробь коллеги по заключению. Как я теперь понимаю, начальство на подобные проказы смотрело сквозь

пальцы, в конце концов это тоже тренировало изобретательность. Нет, не один я здесь мучаюсь! И на том спасибо. Не так обидно.

Дохожу до своей "кельи". Автоматика открывает дверь. Вхожу. Снова шелкает запор. Падаю на койку. Здесь я сам себе хозяин. Сюда согласно неписанному правилу Учебки начальство не вхоже, хотя, уверен, глазок камеры где-нибудь впихнули, не удержались. Сбрасываю "паранджу". Маска — непрменный атрибут Учебки. Без нее выходить из комнаты я не имею права. Даже для преподавателей наши физиономии терра-инкогнита. Видеть благодарные улыбки своих учеников им не дано. Правда они подобных стремлений и не испытывают, усвоили: меньше знаешь — спокойней живешь.

Вот так странно все увязалось — уклад монастырский, а обмундирование, что в восточном гареме.

Тихий зуммер, пожалуй, единственный в этом заведении звук, радующий ухо. Прибыл обед! Но еще наверное с минуту я лежу не в силах заставить себя подняться. Двадцать часов сидячего "отдыха" изрядно измотали меня. Но и есть хочется. Те же двадцать часов без крошки во рту. Голод борется во мне с усталостью. Побеждают оба. Не вставая, в конце концов я дома, что хочу, то и делаю, я задираю жесткую шторку пищевого лифта, снимаю поднос, густо уставленный тарелками. Сегодня двойная пайка. Вообще-то в еде нас не ограничивают. Любые пожелания при составлении меню учитываются. Действительно, стоит ли нервировать курсанта еще и жареным луком, если он его терпеть не может? Нервы — это тоже собственность Конторы, и она лучше знает, как их рационально растратить. Отсюда и трогательная забота о подопечных. И еда по вкусу, и обстановочка — мебель-коврики-полочки с учетом пожеланий, и коммунальные удобства под боком, далеко бегать не надо (а то еще столкнутся возле писсуара однокашники, что тогда делать?) и книги по первому требованию и фильмы по ящику. Все что ни пожелаешь! Прямо элитный дом отдыха! Только потом, по набитому заказанным обедом животику, кулаком инструктора-мордворота хрясь и башкой о татами. И все удовольствия! И так месяцами! То по шерстке, то против, да так против, что чуть не с кожей!

Раз в две недели, но не когда захочешь, а когда по графику выпало — увольнительная. Посадят в машину без окон, словно вора-рецидивиста в ворован, час-два покатают по ухабам и высадят где-нибудь возле турбазовской танцплощадки — отдыхай. Откуда привезли, куда увезут — предста-

вить невозможно. Стыдно сказать, но я до сих пор не представляю, где Учебка находится!

Поплясал на дискотеке, потрепался с подружками, пострелял глазками и домой, в родной монастырь и чтобы секунда в секунду в условленном месте. Не то... Это называется личная жизнь.

А еще есть каникулы. Последние я провел в увлекательном турпоходе по заполярной тундре. А куда в самом деле направить стопы? Домой? Так нет его. Похоронили меня родители! Вот и отправляйся теперь отдыхать на выбор — на взморье Ледовитого побережья или роскошный песчаный пляж пустыни Каракумов. Познавай географию родной страны. Каникулы они тоже не без пользы...

А как вы хотели — служба она не сахар!

Все! Отбой! Сегодня не желаю ни читать, ни смотреть, ни слушать. Сегодня я полон впечатлений по... самую скулу.

— Спокойной ночи! — вслух желаю я себе и камере-невидимке и засыпаю едва коснувшись подушки. Снов я не вижу. У меня бодрствование, что у другого ночной кошмар!

Утром меня ожидает сюрприз. Внутренняя трансляция бархатно-нежным голосом дежурной дикторши объявило очередную гнусность. Они что, специально горькое содержание подслащивают сахарными голосами?

— Доброе утро. Курсанту 24 СЖ к 9.44 явиться в корпус Б, класс 7.

Что? Опять "сидячка"? Опять?! С ума они спятили? У меня еще после вчерашнего мышцы словно песком забиты. Нет, это невозможно! Я не желаю! Я не буду! Я отказываюсь. Категорически!

В 9.44 я стою у назначенного класса. В 9.45 выслушиваю учебное задание. На этот раз, кажется, повезло. Дуэль! Конечно, и тут не без замораний, но не таких тупых, как накануне. Здесь у меня будет противник, не какой-нибудь безликий экран, а живой, из плоти и крови и, значит, потенциально одолимый. Условия — проще не придумать. Комната, полная темнота, два, три, а возможно и больше людей. Задача — обнаружить, подсчитать, обезвредить. Каждому выдается контрольный пистолет, где вместо пули узко направленный световой импульс. И право на один выстрел.

Я вхожу в комнату, с минуту выбираю место где лучше "залечь", где сложнее вычислить мое присутствие. Углы? Слишком лобовое решение. Центр? А если нагло, у самой лицевой стены?

Поза? Конечно, можно улечься на пол, в таком положении можно "высидеть" противника неделями, но подняться, не произведя шума, сложно. Сидя, сгруппировавшись? Нет уж, увольте. Хва-

тило! Я сажусь на колени, подпираю подбородок ладонью левой руки. В правой у меня зажат пистолет.

— Готовы?

— Готов!

Гаснет свет. С легким шуршанием уползает вверх стена, разделяющая комнаты. Кто затаился там, в темноте? Инструктор? Или такой же курсант, как я? Сколько их? Один? Двое? Может насадили по углам десяток? С Конторы станется!

Сажусь недвижимо, словно степной идол. Дышу медленно, плавно, бесшумно. Это тоже надо уметь, этому надо учиться. Даже сердце мое, кажется, стало биться тише. А еще надо удержать кашель, как всегда, если нельзя, то сразу хочется, усмирить слюноотделение и возможные бурчания в животе. Говорят одного курсанта противник вычислил на третьей минуте по случайному "бульк" в кишках.

Тишина. Абсолютная тишина. А может быть там, в соседней комнате и нет никого? Наши преподаватели не без юмора, могут не отказать себе в удовольствии поглазеть на идиота, вступившего в единоборство с пустотой. Наблюдают сейчас меня в приборы ночного видения, похохатывают. Это для меня здесь темнота, глаз выколи, а для них залитая светом прожекторов арена цирка и я — натуральный рыжий. Смотрите, веселитесь, зрелище бесплатное!

Через шесть часов мне сидеть надоедает. Мой противник, если он есть, ничем не выдает себя. Я плавно повожу головой, словно башней локатора и уши у меня — антенны. Влево, насколько позволяют позвонки шеи, вправо. Влево. Вправо. Как назло рот переполняет слюна, но я ее не глотаю — выпускаю изо рта тонкой струйкой. Что, не эстетично — свесилась прозрачная струнка чуть не до пола, сползает на одежду? Зато практично! Мне результат важен, а не красота. Пусть дурак, которому жить надоело, сглатывает. В тиши для спеца такой звук что барабанная дробь. Раз сглотнул — и пуля в лоб. Тоже, знаете, эстетика мало, когда череп вдребезги. Вот и выбирай: противный, но зато живой, или ну очень симпатичный, но покойник. Я предпочитаю первое.

Так, все, пусть я проиграю, но сидеть больше не могу! Перехожу к активному поиску. Безусловно риск здесь больше, но и цена выше. Не люблю я набирать победу по баллам, мне бы кавалерийским наскоком — раз и в дамки!

Плавно разгибаю спину, позвоночник — он тоже может хрустнуть! Приподнимаюсь на коленях. Замираю больше чем на минуту. Перегрузок допускать нельзя. Ни дыхание, ни пульс не должны усилиться ни на йоту! Опираюсь рукой о пол, под-

нимаю, ставлю на пол правую ногу. Снова замираю. Медленно, медленно встаю, выпрямляюсь. Вот я и на ногах. Теперь у меня появился ряд преимуществ — более высокий слуховой обзор, свобода маневра, плюс дополнительные очки за активность.

Начинаю движение. Ползу стопой над полом, касаюсь большим пальцем, постепенно сползаю подошвой, переношу вес тела. Шаг — минута. Чтобы не скрипнуть суставом, не зашуршать одеждой, не сдвинуть воздух — по легкому дуновению ветерка можно просчитать противника. Еще шагок. Манеры и скорость слизняка, ползущего по листу лопуха. Тоже, знаете, не удовольствие такая походка. Не верите — можете попробовать.

Остановка. Получасовое прослушивание. Новый шаг.

Стоп! Где-то близко, совсем близко улавливаю движение. Даже не звук, какое-то непередаваемое напряжение пространства. Затихаю и слушаю. Слушаю до боли в ушах. Пытаюсь поймать мельчайшие звуки, колебания, вибрации. Суммирую ощущения.

Теперь уверен — мой противник здесь. 150—200 градусов, если вести отсчет от двери и пять-шесть шагов от меня. Как бы определить поточнее. Вообще-то слуховая пеленгация может давать точность до одного градуса!

Вытягиваю руку с пистолетом, указывая наблюдателям направление обнаружения. Я уже почти выиграл. Остался последний аккорд-выстрел. Но я не спешу, хочу бить наверняка. Иду на сближение.

Делаю шагок и вдруг понимаю, что в комнате нас не двое! Рядом, буквально в шаге от меня затаился еще один друг-соперник. Я улавливаю легкий сквознячок выдыхаемого им воздуха. Ба! Да он еще похоже "чайник"! За собственным сопением врага в упор не различает!

Указываю наблюдателям направление объекта и два пальца. Второй! Полная победа! Можно сворачивать игру, но очень хочется пострелять. Только вот кого избрать в качестве мишени? Этого, "вентилятора", или тихоню? Ах как жалко, что на двух противников отпущен только один заряд!

А что если? Меня захлестывает азарт молодого хулигана. А почему бы и нет!

Делаю шаг назад, отступаю, захожу "вентилятору" с тыла. Я буквально обнюхиваю его со всех сторон, а он ничего не чувствует! Он что, спит что ли? Встаю за спиной. Замираю. Чувствую, как мой подопечный вертит головой. Дурашка, здесь я, в десяти сантиметрах от твоего затылка. Интересный ждет тебя сюрпризец.

Меня распирает озорство. Сегодня я на коне, сегодня я блистаю!

Минуты две, чтобы не сгореть в последний момент, я поднимаю пистолет. Пора!

И тут я допускаю "промашку" — еле слышно хлопаю носом. Но это для обычного человека еле, а для профессионала, каким, похоже, является мой второй соперник, это шмыганье равно грохоту орудийного выстрела.

Мгновенная вспышка. Выстрел! "Вентилятор" поражен! Что и требовалось доказать.

Уже не спеша, со вкусом, как герой американского вестерна, я посылаю "пулю" в обезоруженного профессионала. Адьо, мой условно-безусловный противник! Вспышка! Вот так вот! И одною пулей он убил обоих! Классическая победа, достойная войти в анналы Учебки. Меня распирает самодовольство...

И тут к моему виску тихо прижимается дуло пистолета. Ах вот в чем дело?! Так вас было трое! Так вы проиграл?! Пренеприятно рушиться со сладких вершин победы в мрачную преисподнюю поражения.

Но как он меня подловил? Каким образом сумел приблизиться так близко? Ведь я ничего не чувствовал! Ни-че-го! Неужели он все это время сопровождал меня, прикрываясь моим телом, словно мешком с песком от выстрела? И в результате передудил противников чужими руками. Одна пуля — три трупа! Да, рановато я запросился в анналы.

Кто он? Узнать бы, посмотреть на него. Но, увы, это невозможно.

— Бой закончен! Всем вернуться на исходные позиции, — требует голос "за кадром".

Расходимся. Опускается стена или несколько стен? Зажигается свет. Я один в комнате, словно ничего и не было, ни победы, ни поражения.

Вот такая она — наша учеба. Порой кажется, что хуже быть не может, а нет, может! И уже следующая неделя это подтвердила.

Начало было традиционным — "курсант... время... комната..." В условленный срок я, ничего не подозревая, переступил порог класса и тут же, взамен "здрасьте" получил сокрушительный удар в солнечное сплетение.

— Добавить еще? — участливо поинтересовался дюжий молодец с явно читаемой на лице неблагоприятной наследственностью, наблюдая мои судорожные попытки схватить губами воздух.

— Очухался?

Серия ударов по меньшей мере в четыре руки. Били явно не по правилам — на все 100 процентов.

Что произошло? Какую провинность я допу-

стил, что со мной стало позволительно так обращаться?

Под руки меня потащили по коридору, открыли дверь, о которой, проходя здесь десятки раз, я и не подозревал, поволокли вниз по темной, бесконечной лестнице.

— Шевели ножками, поганец, — поторапливали мордвороты, подтверждая слова болезненными тумаками. Запас слов у них был явно меньшим, чем набор ударов. Они почти не повторялись, находя на моем теле все новые болевые точки. Я не сопротивлялся, это было бессмысленно. Я, насколько это было возможно, анализировал последние дни, недели, месяцы. Где зацепка, объясняющая происходящее?

Громыкнула обитая железом дверь. Очередная серия ударов и короткий полет от порога к бетонному полу.

— Кончай отдыхать!

Новые "заботливые" руки подхватили, подтащили, наподдали, уронили на табурет, который от падения моего тела даже не шелохнулся. Привинчен к полу, — отметил я. Это уже напоминало тюремные порядки.

— Руки на стол! Быстро! — заорал в самое ухо голос. В глаза ударил слепящий свет мощной лампы. — Руки!!

В полной растерянности, не в силах сопротивляться, я вытянул руки. Жесткие зажимы обхватили, стянули запястья.

Что за чушь? Что за фильмы ужасов? Меня решили убрать? Тогда зачем избивать? У меня хотят что-то узнать? Но тогда почему не спрашивают, а только бьют? Я не мог выдвинуть ни одной сколько-нибудь правдоподобной версии.

— Смотреть прямо! — потребовал голос и тут же услужливый кулак, доставший левую скулу, помог совершить поворот. Конечно, спасибо за работу, но, в принципе, я мог и сам справиться. От удара кожа лопнула и из раны закапала кровь.

— Выключите свет, — попросил я.

— Пожалуйста?!

Удар в печень. Бьют профессионально! Еще пара таких тычков и прощай старость. Похоже, состояние моего здоровья их интересовать перестало. С меня что, сняли инвентарный номер, списали по причине полного износа? До свидания, Контора? Я вообще-то не против, но есть ли из Конторы почетно-пенсионный выход? Что-то я стал сомневаться в последнее время.

— Смотреть прямо! — новый окрик.

Прямо так прямо. Один черт ничего не видно кроме режущего света в глаза. Тишина. Голоса в стороне. О чем они говорят? Что решают? Мою судьбу? Отчего такие крутые переломы? Чем я не

угодил начальству? Чем? Чем?? Снова использую паузу думать, вспоминать...

Металлическое звяканье инструмента. Батеньки мои! Похоже, они спятили с ума! Это уже напоминает дешевую оперетку — кусачки, хирургические зажимы, иголки. Меня пугают? Но откуда такие дешевые приемы? Не будут же они в самом деле применять такие показушно-варварские пытки. Или будут? Будут?!

Крепкие руки ухватили кончик моего указательного пальца. Мне стало страшно. Действительно страшно! За что такая жестокость? За то, что я чуть не полтора года верой и правдой, не думая сачкануть, не смея возмутиться пахал на Контору? За что??

— Что вы делаете? — уже почти закричал я.

— Не разговаривать! — гаркнули в ухо, ткнули кулаком под ребра.

Но на ребра мне было уже наплевать. Я смотрел перед собой. Уверенные руки перебрали инструмент, ухватили толстую иглу, придвинулись к моим пальцам.

— Сейчас будет немножко больно, — предупредил спокойный, приятный голос.

Я все еще сомневался. Я все еще надеялся, что это мистификация и сейчас, через мгновение, все прекратится, охранники расхохочутся, "хирург" отбросит иглу.

Но ровно через мгновение игла с хрустом вошла мне под ноготь. Во всю длину. Стремительная боль от кончика пальца по нервным цепочкам добежала до мозга и взорвала его изнутри.

— За что-о-оо!

Я кричал во весь голос, не стесняясь, не думая о том, как выгляжу со стороны, видя только иглу, торчащую из окровавленного ногтя и вторую, приближающуюся к следующему пальцу.

— Не надо-ооо!

Я сдался!

Обезболивающий укол, сочувственные похлопывания по плечу, все тот же уверенный голос.

— Согласитесь, боль для вас была вторична. Страшнее было непонимание происходящего, именно оно усилило болевой шок. Вы не знали, что происходит, чего ожидать в дальнейшем. Вы не были ни психологически, ни физически подготовлены к сопротивлению и потому сломались.

Мы сожалеем, что пришлось провести вас через подобное испытание. Но есть случаи, когда теория бессильна. Словами такое не объяснишь. Это надо почувствовать. Испытанные вами страдания не самоцель, но средство понимания всего психофизиологического механизма боли. Чтобы оперировать понятием, необходимо его понять. Познать боль можно лишь через боль. Собственную. Другого

пути нет. В противном случае вы никогда не сможете ни дозированно применить ее к другому, ни уберечься от нее сами.

Мы еще не раз будем возвращаться к сегодняшнему, не самому приятному для вас дню. Он станет точкой отсчета, если хотите, ключиком, отпирющим самые потаенные дверцы человеческого сознания.

Скажу больше, это не последняя боль, которую мы вам доставляем. Но прочую боль вы встретите во всеоружии. Мы научим вас ее побеждать. И сколь бы серьезней муки в дальнейшем вы не испытывали, эта, первая боль, будет вспоминаться как самая нестерпимая. Поверьте на слово.

А теперь первое задание по исследуемому предмету. Сегодня, не откладывая, опишите все, что с вами случилось, отметьте, что на вас оказало наибольшее отрицательное действие. Проанализируйте свое поведение, реакции. Предложите другие возможные варианты развития событий. Что бы вы, уже прошедший опыт болевого шока, изменили в своем поведении. Как бы защитились. И помните, нас интересуют детали. Детали рисуют целое! Детали! Все ясно?

— Ясно, — отрапортовал я.

"А все-таки есть в нем что-то садистское, раз выбрал такую работенку, — думал я, шагая по коридорам. — Поди нравится навздевывать таких, как я, на иголки. Не поверю, чтобы не нравилось! Умеет Контора подбирать кадры. Энтузиасты своего дела! Мать их..."

В последующие дни я вплотную знакомился с пыточной историей человечества. Разнообразие и хитроумность механических приспособлений заставляли удивляться изобретательности человеческого разума и, одновременно, сомневаться в нем.

Я рассматривал и "примеривал" к себе "испанский сапог", дыбу, реберные крючья, клинья, вбиваемые меж лучевых костей нижнего скелета, шипастые ошейники и десятки других пыточных механизмов.

— Все подобные варварские приспособления назначены не столько для причинения физических страданий, сколько для морального угнетения жертвы, — втолковывал мне преподаватель-пыточник. — На самом деле их реальное КПД невелико — быстро достигается болевой пик, после которого потерпевшему уже все равно, высокая степень стихийной смертности, побочный травматический эффект. А вот моральное воздействие... Оцените их внешний вид — нарочито грубые формы, черные тона, обилие непонятных механических частей. Все это внушало слаборазвитым жертвам почти мистический ужас. Плюс к тому глубокие мрачные подвалы, освещенные чадающими

факелами, "случайные" кости-черепа, внешний вид прошедших муки узников. Как здесь не сломаться? А еще умно поддерживаемые ужасные легенды, сплетни, слухи вокруг всего, что касается подземных казематов. А еще публичные мучительные казни. С самого рождения целые народы психологически готовились к болевому подчинению. Сломив население в целом, уже не трудно было добиться требуемого результата от отдельного его представителя.

Сегодня, за счет общего интеллектуального и эмоционального развития человечества, возросла действенность чисто психологических приемов. Для современного человека ожидание боли зачастую страшней самой боли. Развитое воображение сильнее действительности. Человек — самопожиратель! Причем, чем выше его интеллект, творческое начало, тем он сильнее в борьбе против самого себя. Ему не требуется выламывать суставы, изрезать кожу на ремни. Применение самой пытки в какой-то степени капитуляция, признание собственного бессилия дознавателя. Оставьте клиента один на один с самим собой, настройте на нужный лад, добавьте внешний антураж — побренчите инструментом, взбрызните стены и мебель кровью, хоть куриной, побольше грубости в обращении. Положитесь на его фантазию. Он сам придумает и гораздо лучше вас, ЧТО можно с ним сотворить и КАКОЙ боли это будет стоить! Все, клиент созрел! Теперь любой булавочный укол будет для него ударом стилета. Нет более изобретательного палача, чем наше собственное воображение. Ну так и доверьтесь ему! Кроме всего прочего это позволит не опускаться до чисто физических методов.

С другой стороны сдержанность в фантазиях многократно уменьшает силу болевого воздействия. Сама по себе чистая боль в примитивных попытках не столь уж неодолима. Вспомните религиозных фанатиков, терзавших себя порой до смерти. Раны, полученные в бою и в пыточной камере при абсолютной их идентичности болят по-разному! Во втором случае к чисто физическим страданиям добавляется сильнейший фактор унижения, страха — не вы и не случай управляет вашей судьбой, а чья-то злая воля. Так подходите к любой причиненной вам боли, как к элементу боя, где мучение есть лишь фрагмент пути к победе!

В подтверждение сказанного я хочу предложить вам один опыт. Вы знакомы с гипнозом? А сами когда-нибудь испытывали его? Тогда считайте вам повезло...

Через пару десятков минут я с помощью приглашенного спеца-гипнотизера и металлического

блестящего шарика, помещенного перед самым носом, уснул.

Во "сне" мне было хорошо и спокойно и, наверное, очень не хотелось выбираться обратно в мрачноватую реальность предмета "Спецметоды воздействия и защиты" (ах как туманно, нет чтобы сказать прямо — "Пытки, как средство достижения результата"!), если меня, как потом сказали, пришлось "возвращать", чуть не двадцать минут.

— Проснитесь! Проснитесь! Откройте глаза! Вы меня слышите?

Век бы не слышал! И столько же глаз не открывал!

— Проснитесь...

Ладно, проснусь.

То, что я увидел, меня по меньшей мере удивило! Перед моими глазами торчали мои пальцы, густо утыканные иголками, торчащими из под ногтей! Самое удивительное, что мне почти не было больно! Я видел ногти, иглы, густые (но гораздо менее обильные чем раньше) капли крови и не ощущал решительно никакого беспокойства. Что за ерунда?

— Вы ничего не чувствуете?

Я отрицательно помотал головой.

— Вот видите, а несколько дней назад от одной иглки вы чуть не потеряли сознание! Это подтверждает исключительную действенность психологических факторов. Событийность одна и даже многократно усиленная в данном случае, а реакции совершенно разные. Так значит болью управлять можно! Смотрите, смотрите на свои пальцы! Вот доказательство! Вы можете победить! Вы сильнее боли!

Потом я смотрел пленку, где мне загоняли под ногти иглы, а я, погруженный в гипнотический транс, смеялся, разговаривал, подставлял пальцы, помогал экспериментаторам советом!

Что же изменилось? Убрали страх, растерянность, внешний антураж? И боль ушла! Значит, можно?!

Можно!!

— Не спешите впадать в эйфорию, — охладил мой пыл преподаватель, — есть пытки, которым противостоять невозможно. Я смогу перечислить три десятка мест на вашем теле, где самовнушение и даже гипноз не срабатывают.

— Например?

— Ну, хотя бы ваше мужское отличие. Кроме того, не следует забывать о новых методах. Нельзя также сбрасывать со счетов продолжительность пытки. У всякого сопротивления есть свой предел. Вы можете терпеть час, два, сутки, но это не значит, что ваши противники ограничатся этим сро-

ком и не захотят продолжить свои упражнения еще час или еще сутки. В этом случае методы психологической регуляции не помогут. Но это не значит, что вы беззащитны. Что делать конкретно? Взять в союзники недругов! Всеми возможными способами помочь им в их нелегком деле!

На мгновение я опешил. Сдаться?

— Нет, усилить действие пытки! Довести ее до пика непереносимости и... потерять сознание. Потеря сознания — единственное, что сводит на нет любые, самые изощренные мучения. Научитесь управлять этим процессом. И здесь мы минус поменяем на плюс. Превратим ваши страхи, развитое воображение, так подведшие вас неделю назад, из противников в союзники. Защитимся от силы — слабостью!

Вернитесь памятью в день боли. Вспомните свои конкретные ощущения. Не даром же вы страдали! Ну же, напрягитесь! Вам нужны эти воспоминания! Вытащите их из себя и усильте. Усильте! Вам больно! Вам больнее, чем в прошлый раз! Гораздо больнее! До черноты в глазах! Вы не можете больше терпеть. Все! Отключка! Блаженная темнота, где вас не достанут враги!

Вы все поняли?

Я понял все. Я быстро научился управлять своим сознанием и болью. Я научился даже отключаться от вида канцелярской кнопки, подложенной на стул! Я представлял садящийся зад, железное острие, протыкающее мякоть кожи, раздрающее ткани мышц, нестерпимую вспышку боли от удара железа по клубку нервных окончаний.

И еще я вспоминал иглу, с хрустом входящую под ноготь...

А ведь верно, как ни крути, без той опереточной пытки мне было бы не обойтись. Все мое нынешнее умение сконцентрировалось на кончике обыкновенной швейной иглки. Той иглки!

Прочие предметы программы были сплошной скукой: наблюдение, организация своей и обнаружение чужой слежки, уголовное законодательство, тактика допроса, топография, ведение следственных действий, опознание — попробуй по словесному описанию из сотен лиц, проецируемых на экране, выловить единственно нужное! — методы выживания в пустыне, тундре, тайге, психология знакомства. Мало? Тогда еще система конспирации, шифры, коды, пароли, тайники, технические разведывательные средства, типы оружия, оперативный анализ.

И еще старые, но на новом уровне предметы: языки, грим, прыжки из окон, подъездов и автомобилей, схроны, изготовление документов, ориентирование на местности, карманные кражи, вождение транспортных средств, изготовление

взрывчатых веществ из предметов бытовой химии и лекарственных средств, которые можно купить в любом магазине, разработка легенд, походка и пр. и пр.

Мало? Тогда специальные дисциплины, о которых, увы, я рассказывать не имею права даже на смертном одре. Хотя нет, об одной, поверхностно, я упомянуть отважусь.

Приемы ведения рукопашного боя. Рукопашка!

Нет, это не самбо, не каратэ, не кунг-фу и не прочие эффективные, но совершенно бесполезные в нашем деле виды единоборств.

— Это очень хорошо, что ты не имеешь навыков восточных боевых искусств, — говорил инструктор на вводном занятии, — полтора дана довольно, чтобы навсегда закрыть тебе путь в наши пенаты. Владеющий приемами самообороны никогда не сможет по-настоящему освоить спецметоды. Учить его, все равно что прыгуна в длину заставить прыгать в высоту. Как ни бейся, он всегда будет норовить сигануть под планкой.

Ты не должен мыслить руками и ногами. Ты не должен драться. Ты должен поражать! Отбить даже самый мудреный удар противника, значит проиграть бой! То, за что рукоплещут в боевых искусствах, у нас наказуемо! Предугадать действия противника, вовремя поставить блок, ответить ударом на удар, все это гарантирует тебе поражение!

Ты должен либо избежать конфликта, чреватого столкновением, либо позволить себя избить и даже убить, ни словом, ни жестом не выказав своего умения, не демаскируя себя, ибо сохранение тайны твоей профессии бывает важнее твоей жизни, либо безоговорочно уничтожить противника. Компромисса здесь быть не может. Ты не должен уметь драться. Ты должен уметь убивать и умирать!

Что подводит опытного борца? Автоматизм, выработанный годами тренировок. На любую опасность он реагирует мгновенным ударом или защитой. Он всегда готов к самоспасению, и это его слабое звено.

Ты не должен защищаться, ты должен думать, анализировать, выбирать и лишь потом действовать. Даже тогда, когда в живот летит пуля! Если ты не знаешь, что делать, лучше бездействуй. Получай свои плюхи, ножи, кастеты, пули, но не действуй автоматически. Вытравливай из себя порочную психологию самообороны. Для тебя выполнение задания важнее жизни. Именно поэтому мы безжалостно выбраковываем курсантов, чрезмерно увлекшихся боевыми стилями, и именно поэтому курс самообороны вы получаете не в начале учебы, а через два года, когда испортить ва-

ши приобретенные привычки уже нельзя. Уйти, убить или принять смерть — это главный закон спецзащиты.

С сегодняшнего дня ты будешь учиться умирать и убивать. Это не самое приятное времяпровождение, но без этого ты не сможешь двинуться дальше.

И начались занятия, которые поначалу вызвали состояние, похожее на шок.

— Твое главное оружие — руки. Оно всегда с тобой, всегда безотказно. С его помощью можно отключить противника на минуту, или уничтожить навек. Сильнее руки может быть только огнестрельное оружие. Не дай вам бог набивать ладони или кулаки! Бесспорно, удар набитым до жесткости ребром ладони действенен. Но стоит ли подобное преимущество неизбежной демаскировки образа? Иметь такую, со специфическими мозолями руку, все равно что носить на лацкане пиджака значок "Агенту — отличнику боевой и политической подготовки!"

Исходите из того, что ваши руки, ноги да и все тело ничем не должно отличаться от рук, ног и тел тысяч других людей. Вы должны быть неузнаваемы в толпе — серенькая личность на сером фоне. Невидимка! Именно поэтому в нашу школу заказан путь людям слишком или недостаточно высоким, чрезмерно красивым или наоборот, уродливым. И именно поэтому мы не позволяем нашим курсантам "качаться". Специфически развитые мышцы — та же визитка, по которой можно точно установить, где и чему обучался их владелец.

Вам не нужна мышечная масса — вам нужна артистичность, умение расслабить противника, убедить его в своей беспросветной тьюфячности, отличная реакция, пара дюжин хорошо поставленных смертельных ударов и еще фантазия, позволяющая любой случайно завалившийся в кармане предмет превратить в оружие. С этого, как более простого, и начнем.

Скоро я убедился, что нашпигован вооружением, как средней руки арсенал. Кто бы мог подумать, что дверные ключи, металлическая фурнитура одежды, зажигалки, авторучки, шнурки и даже денежная мелочь могут быть смертельно опасны?! И еще я понял, что человеческая жизнь в руках профессионала хрупка, как яичная скорлупа.

Меня научили метать ножи, гвозди, вилки, бритвенные лезвия и даже, с целью экономии боезапаса, их половинки. Использовать в качестве колюще-режущего оружия бутылки, жестяные консервные банки и крышки от них, стулья, спички и, что уж вовсе удивительно, специфически

сложенный картон! Устраивать из подручных материалов хитроумные ловушки и западни.

Но все же главным моим оружием оставались ноги, руки, зубы и... голова.

— Думать! — настаивал инструктор. — Во всех случаях вначале принимать решение и лишь потом действовать.

Я, по наивности, предполагал, что рукопашка — это умение победить, а меня, в первую очередь, учили проигрывать! Инструкторы колотили меня в четыре, а то и в шесть кулаков, а я должен был действовать строго в рамках заданной мне легенды, ни единым намеком не разрушая разыгрываемый образ. Я бестолково размахивал руками, скулил, молил о пощаде, безоговорочно принимал пинки, тычки, удары. Или сопротивлялся на уровне уличной драки, искусственно лез под удары, которых мог легко избежать. Били меня на совесть, без скидок на игру. Единственное, что мне разрешалось — пассивно и незаметно для противника оберегать жизненно важные (нет, не для здоровья, для выполнения задания Конторы!) органы. Чем большие успехи я проявлял, тем с большим усердием меня молотили инструкторы, поочередно вооружаясь то брусками от скамеек, то лыжными палками, то милицейскими дубинками.

Однажды, за попытку профессионального сопротивления — ну сколько можно терпеть, когда все в морду, да в морду — я получил трое суток гауптвахты!

Методично, изо дня в день, из меня, в самом буквальном смысле, выбивали безусловный рефлекс защиты: автоматически отвечать ударом на удар. Меня учили жертвовать целостностью своего организма, здоровьем, жизнью во имя каких-то еще неизвестных мне высших целей. Меня учили безропотно умирать.

И лишь когда во мне задавили тысячелетиями воспитанный инстинкт самосохранения, мне разрешили самозащиту.

Но, опять-таки, это не соответствовало ни боксу, ни каратэ, ни прочим видам борьбы. Спарринги проходили мгновенно — один-два удара противников в полной тишине и — подбивай бабки. Ни эффектных выпадов, ни воодушевленных криков, ни блоков, ни захватов. Один удар — одна смерть! Или одно поражение. Со стороны это немного напоминало соревнование профессиональных фехтовальщиков — никаких тебе длинных, красивых боев, к которым привыкли по приключенческой литературе — сближение, короткий выпад, сирена. Три секунды! И вся дуэль! Скучно было бы Дюма писать свои романы, а нам, соот-

ветственно, читать, если бы д'Артаньян умел фехтовать на таком уровне.

— Долгий бой — это проигранный бой! Это драка, — не переставали внушать мне инструктора. — Забудьте про кулаки. Они для уличной потасовки. У вас есть пальцы. Взгляните на них, оцените их форму. Чем они хуже кинжала или копья? Прикиньте, вот площадь кулака, вот пальца. При равной силе удара поражающее действие пальца, за счет точечной площади давления, действительней по меньшей мере в двадцать раз! Кулаком вы толкаете, пальцем — бьете! Какие последствия может иметь удар в живот кулака и какой пальца, при одинаковой скорости полета руки? Что нанесет большее разрушение?

Взгляни, этими пальчиками можно разделить человека, как хирургическим ножом. Одним мгновенным ударом я могу воткнуть тебе палец в шею и вырвать сонную артерию, могу, через глазницы достичь мозга, могу... Не морщись, курсант! Тебе многое не понравится из того, чему мы тебя будем учить. Я предупреждал, мы учим не драться, а убивать! А это далеко не самое благородное занятие, с таким умением на ринг или на сцену не выйдешь!

Вот тебе моя ладонь. Попытайся ударить в нее выставленным указательным пальцем. Сильнее. Еще сильнее! Больно? Это потому, что ты боишься его сломать. Ты ощущаешь его непрочной плотью, а надо — стальным кинжалом. Вспомни гвоздь, если ты уверен в себе, если он стоит абсолютно прямо, ты вбиваешь его одним единственным ударом молотка. Раз — и все! Если нет — будешь колотить бесконечно и он будет идти вкривь-вкось, будет гнуться и, в конечном итоге, сломается. Кажется, невозможно вбить в монолитный бетон дюбель, и не выйдет, сколько бы не пробовал, но монтажный пистолет делает это одним выстрелом! Тот же дюбель! Значит можно? Все дело в том, как бить!

Научись держать палец прямо, напряги, зафиксируй сустав жесткой оболочкой мышц и тогда он не сломается, не сложится как перочинный ножик при ударе, он станет монолитен и станет оружием! Главное не бояться, не допускать сомнения. Хрупка не кость и не сустав — хрупко сознание. Победи его, а с противником ты справишься.

Палец мне "поставили" быстро, а вот с головой помучились. Не мог я себя заставить вбивать палец в горло, в открытые глаза человека. Даже на манекенах обмякала рука. Но научили — не мытьем, так катаньем!

Меня убеждали, заставляли, наказывали.

— Лев на что царь зверей, а ничего, дрессиру-

ют, с тумбочки на тумбочку скачет, что твоя кошечка! А вначале тоже, наверное, не мог!

С утра до вечера по несколько часов кряду я долбил пальцем боксерские груши с нарисованными на них лицами. Так выработывалась привычка. Все труднее затормаживался палец в реалистично исполненный зрачок, все жестче получался удар.

"Доломали" меня на тренировках, проводимых в... морге. Здесь пали последние моральные барьеры.

— Исполни удар четче, решительней, — требовал инструктор, — никакой подготовки, никаких замахов. Мгновение — удар! Повтори на "муляже".

А "муляжом" тем был человек, хоть и мертвый, но человек! Не груша какая-нибудь!

Не буду вспоминать ни тех ощущений, ни тех звуков, ни... Наверное, из всех лет учебы это были самые тяжелые для меня занятия. Но поставленной цели инструкторы добились. Стараясь до минимума свести эти треклятые тренировки, не получить не дай бог "переэкзаменовку", я работал не за страх, а за совесть, выполняя любые требования преподавателей. Наверное, на это и был расчет — чем большими душевными сомнениями терзается курсант, тем долше он сам себя мучает бесконечным повторением пройденного другими материалом. Отличники выскакивали из этой неприятной ситуации первыми. И я, волей-неволей, стал отличником. Не сидеть же мне годами в морге, где каждый лишний час — наказание!

Ах, Контора, умеет она выдумывать дополнительные стимулы! Умеет ломать людей под себя. И уперся бы, да себе дорожке выходит!

И снова спецсвязь, тактика боя в закрытых помещениях, взрывные устройства, яды и противоядия, языки угрозы и нападения (из серии — стреляй, бей, обходи, нападай, справа, сзади и т. п. на полусотне языков стран и народностей), схроны, физподготовка, но так, чтобы и марафон пробежать, и подтянуться после того (!) полста раз, и при всем при том мышцу не накачать!

Порой мне казалось, если по настоящему изучить все эти предметы не хватит жизни! То есть окончится учеба — и сразу на заслуженный отдых. Нет, без юмора, заслуженный! После такой учебы работа молотобойца покажется отдыхом! И так не год, не два, не три!

Но всему бывает конец, даже учебе. Выпускного экзамена, в привычном понимании слова, не было. Был "контракт", вроде того, с собственными похоронами. И подпись под ним, как положено — кровью!

Условия были традиционными. Придумай легенду, измени внешний облик, мимику, походку,

манеру говорить, стань другим, чем есть. Войди в камеру и в доверие к сидящему там ЗК, пойми его, узнай всю его жизнь, выведай то, что не смог следователь, подружись с ним, стань ему необходимым и... лично приведи приговор в исполнение.

И не узнать, что важнее для Конторы — мое умение неделями "держат" контроль, а это значит каждое мгновение контролировать свою речь, жесты, помнить то, что ты говорил минуту и месяц назад или один единственный конечный выстрел. Жирная точка в конце договора.

Снова они будут наблюдать, не дрожит ли палец на спусковом крючке, не стиснуты ли сверх положенного скулы, не набухает ли в глазу слезинка. Очень им интересно, насколько я адекватен в предложенных обстоятельствах. И если хоть на самую малость поддамся чувствам, меня, несмотря на затраченные на мою персону годы и средства, спишут в брак. Экзамен не выдержал.

И, а куда деваться, я придумал легенду и вошел в камеру, как коллега по статье и собрат по несчастью. Долгими ночами я вел с ним разговоры. И хоть там, на воле, он был убийцей, здесь, за каменными стенами изолятора, он стал лишь человеком, ожидающим смерти. Ожидающим мучительно, бесконечно, с отчаянием безнадежности и постоянно возвращающейся надеждой на чудо. В этом ожидании, возможно более страшном, чем сама смерть, он пересматривал и перекраивал свою жизнь, словно собирался писать ее набело. Но я-то лучше кого бы то ни было знал, что этого шанса ему не дано. Ведь я был его палачом. И одновременно был его последним и самым близким другом, ибо ни с кем до меня он не оставался так надолго с глазу на глаз, ни с кем не делил изо дня в день кров и пищу, ни с кем не говорил о самом заветном.

Я был другом! Я был палачом!

Я узнал его биографию, привычки. Я узнал больше, чем следователь, чем его сестры и братья, чем даже его мать. Камера смертников располагает к откровенности, ведь возможно это последние твои беседы, последние сказанные на Земле слова. Не произнеся их сейчас, ты не сможешь их сказать никогда. Могут ли быть тайны на краю могилы? Можно скрывать какую-то информацию, чтобы не навредить себе в дальнейшей жизни?

С каждым днем мне все сложнее становилось выдерживать партитуру роли. С каждым днем я себя чувствовал все более неуютно. Не только он, но и я привыкал к нему. Да и можно ли этого избежать, сидя друг против друга в замкнутом пространстве камеры? С кем еще говорить, к кому еще привыкать? В такой ситуации любой человек

становится полпредом всего человечества. Не только я, но и он становится мне другом.

Другом, которого я должен буду убить!

Я не мог спокойно смотреть на его бритый затылок, в который мне предстояло упереть ствол пистолета. Я не мог смотреть на свой палец, который нажмет курок. Я инстинктивно прятал его во время еды, беседы. Как будто дело было в пальце! Я пытался убедить себя в том, что он убийца, что он заслужил наказание, что я не палач, но лишь обезличенная правая кара. Я рисовал в воображении ужасные картины его преступления. Я пытался накачаться злобой. Тщетно! Здесь он не был убийцей, здесь он был жертвой. Моей жертвой!

Если бы я мог ему открыться, стать самим собой, перестать каждоминутно разыгрывать идиотский фарс заданной легендой роли! Если бы я был уверен, что в камеру не пролезли чужие глаза и уши! Но я был уверен в обратном! И говорил не что хотел, а что должен был и делал то, что надлежало, а не казалось верным.

Каждый вечер, засыпая, мы ждали лязга засовов и команды — "Выходить без вещей!". Ждали с одинаковым ужасом и он, и я. В своей противоположности мы были равны. Тот ожидаемый выстрел был одинаково смертельным для обоих. Ни он, ни я не знали, когда это произойдет. Порой, наблюдая его мучения, слыша его ночные, сдерживаемые стоны и всхлипы, я желал привести приговор в исполнение как можно скорее. Из милосердия. Иногда хотел отказаться от своей роли, пусть даже ценой пожизненного невыхода из этой камеры. Меня мотало из стороны в сторону, как дерево в бурю.

— Почему так вышло? Почему именно я? Почему? — постоянно задавал себе безответный вопрос мой друг-сокамерник.

— Почему? Почему именно я? — словно эхо повторял я про себя тот же вопрос.

И не мог ответить.

— На выход! Без вещей!

Дождались!

Поменялся, побелел лицом мой товарищ. Затряслись кончики пальцев, задрожала нижняя губа. С трудом, опираясь на стол, он поднялся. Выдавил на лице неестественную, ненужную улыбку.

— Вот и все...

Подошел, думая о чем-то, точнее очень понятно, о чем. Подал руку, сказал:

— Спасибо тебе. Спасибо. За эти месяцы. За все...

Что мне ему было ответить? "Пожалуйста", чтобы спустя минуту выстрелить ему в затылок. Промолчать, не заметить протянутой в последнем

прощании руки? Но ведь не со мной он прощается, а через меня с миром, с недоступными близкими, с жизнью!

Не дать?

Дать?

Дать правую, чтобы убить левой?

Одновременно принять облик дьявола и бога? Возможно такое?

Для стороннего наблюдателя это была секундная, почти не заметная глазу, пауза. Для меня — бесконечно трудный и бесконечно долгий нравственный выбор.

Я подал руку. Сжал встречные пальцы своего, все же как ни крути, товарища, который стоял на самом краешке жизни и уже занес ногу для шага туда...

— Держись!

Заклоченного вывели, а мне вручили пистолет. Механическими движениями я проверил обойму, дослал патрон в ствол. Я безропотно выставил руки, когда на меня надевали клеенчатый фартук и, сверху, халат. Я вышел в коридор и пошел вслед процессии, движущейся к камере, где зеки не сидят, но умирают. Я переждал казенную часть — читку приговора, отклонение просьб о помиловании, на негнувшихся ногах, но продолжая играть лицом и походкой требуемую роль, я встал через надзирателя за спиной соседа по камере, дождался, пока открылась дверь, пока он шагнул внутрь, пока отступил в сторону разделявший нас человек, поднял пистолет. Я не верил, что выстрелю. Но я выстрелил!

Наивный мальчишка! Я хотел отделаться мгновением — нажатием курка. Хотел спрятаться за обезличенным выстрелом, словно это не я держал пистолет, а кто-то из тех, для кого эта работа привычна. Я хотел "сачкануть"! Нет, мне была уготована другая участь. Договор с дьяволом не может быть легок!

Выстрел! Звон отброшенной гильзы. И ничего!

Приговоренный сильно вздрогнул, вжал голову в плечи, обмяк, но не упал! Я промахнулся? Я промахнулся с такого расстояния?! Нет! Патрон был холостой!

Невероятно длинная, несколькосекундная пауза наполнила камеру. Зачем? Зачем это? Зачем?!

Быстро, словно надеясь, что чудо произошло, словно боясь упустить миг удачи, заключенный обернулся! Он увидел черный провал пистолетного дула и как его часть, как его продолжение он увидел меня! Своего сокамерника! Своего последнего друга!! Своего исповедника и духовника!! Своего Иуду...

Вот зачем был холостой патрон! Затем, чтобы я взглянул в его понимающие, растерянные, не-

навидящие глаза! Затем, чтобы я сделал выбор сознательно. Выбор между человеческими чувствами и долгом. Между тем, что хотелось и тем, что надлежало. Между нежеланием и приказом! Или-или! Нет, у Конторы не бывает осечек! Контора их просто не допускает!

Выбирай, курсант!..

Я выстрелил ему в лицо.

Потом я сидел за столом, на котором стояла початая бутылка водки и за которым, по другую сторону, меня уговаривал очередной, судя по возрасту, выправке, повадкам высокий в иерархии нашей службы, чин.

— Прости, парень, за испытание. И постарайся понять. Без этого нельзя. Мы не можем рисковать делом, в которое завязана не одна твоя, но многие головы.

В реальной работе тебе придется иметь дело не с бумажными мишенями, не со спарринг-партнерами — с живыми врагами, которых, если потребуют обстоятельства, придется лишить жизни. Это будет не игра — драка. Драка не на жизнь, а на смерть! Любые твои колебания, секундные нравственные боренья — посметь или не посметь убить живого человека — могут быть обращены ими в свою пользу. И тогда погибнешь ты, а с тобой наше общее дело. Мы должны быть уверены в своем воспитаннике. Должны знать на 101 процент, что в критических обстоятельствах он исполнит свой долг несмотря ни на какие внутренние колебания, а переживать будет после, в свободное от службы время.

Пожалеть тебя сегодня, смягчить форму проверки, значит завтра подставить тебя под чужую несомневающуюся пулю или кастет. Жалость убыточна в первую очередь тебе.

Скажу больше. Нельзя исключить возможность, что когда-нибудь тебе придется применить оружие не только к врагу, но и к предавшему дело другу. Таковы жестокие реалии нашей профессии. И в этом случае твоя рука должна быть особенно тверда. Сможешь ли ты смирить свои чувства, перешагнуть барьер страха, отвращения, жалости мы хотим знать сейчас. Сейчас! Завтра будет поздно!

Но не подумай, что цель наша сделать из вас хладнокровных убийц и очки набирает тот, кто меньше испытывает колебаний и с большим удовольствием палит в затылок своему многонедельному сотоварищу по камере смертников. Нет. Таких мы отсеиваем еще с большей безжалостностью, чем "отказников", не нашедших в себе сил

спустить курок. Палачи нам не нужны. Человек, легко отнимающий чужую жизнь, неизбежно начнет трудноразрешимые проблемы своей работы решать убийством. И тогда возле него не останется никого, кроме горы трупов.

Ты должен запомнить, вам дается великое право судить и исполнять приговор, но не дается право делать это легко. Смерть необратима, ошибку не исправить. Всякий раз, когда ты будешь принимать обрекающее кого-то на смерть решение, пусть вспомнится тебе человек, с которым ты несколько недель провел в камере смертников, и убить которого, несмотря на заслуженность кары, на то, что ты лишь исполнял волю закона, тебе было ох как нелегко! Пусть эта жертва станет точкой отсчета, самой весомой гирей на чаше весов, взвешивающих чужую жизнь!

Знай, сегодняшнее испытание было необходимо нам, но, не в меньшей степени, тебе. Ты его прошел с честью. Поздравляю!

Спустя месяц я завершил учебу.

Торжественного собрания, выпускного бала, поздравлений и речей не было. Ну ладно, это можно перенести, но не было и диплома. Как будто я не учился как проклятый все эти годы.

— А вы как хотели? У нас не институт, не ПТУ, не техникум, — утешил инструктор-кадровик. — Мы никаких бумажек не выдаем. Да и как мы можем выдать документ несуществующего учебного заведения? Нас нет! Не существует в природе! И вас нет. И меня. Ничего нет! Пустота, вакуум, бездушное пространство. Зарубите себе это на носу.

Действительно, какой диплом? У меня фамилии, биография и те отсутствуют. На кого выписывать документ? На умершего несколько лет назад, оплаканного и зарытого на городском кладбище солдата срочной службы? Чушь! Куда не кинь, везде Контора натыкала клиньев. Неизвестно кто учился несколько лет, неизвестно где! А теперь будет неизвестно чем заниматься! Веселенькая перспектива для "молодого специалиста"!

— А что мне делать дальше? — задал я не самый умный в своей жизни вопрос, чтобы получить не самый умный, но зато исчерпывающе полный ответ:

— Не задавать идиотских вопросов! Идите и ждите.

Через неделю я получил первое свое, "выпускное" задание.

Продолжение следует

Ведущий рубрики
Максим ШИШКИН

«ТАРЕЛКИ» В «ТРЕУГОЛЬНИКЕ»

Когда мы ехали в «М-ский треугольник» в июле 1993 года, мы вышли из поезда на станции Шамары, где, у реки, и познакомились с очевидцем НЛО. Им оказался местный механизатор Боровских Геннадий Константинович, 63 года. Вот его рассказ.

«25 ноября 1992 года в 17.30 я спустился с горки, вижу – навстречу идут односельчане. Тут обратили внимание на НЛО, который представлял собой «пулю» с четырьмя лучами назад. Он появился над горкой, что на противоположной стороне реки (азимут горки – с 0 по 45 градусов, – прим. авт.). Направление движения – с запада на восток. Объект летел медленно, зашел в небольшую тучку. Казалось, он летит над поселком; расстояние до НЛО было около 150 – 200 метров».

Диаметр «пули» Геннадий Константинович сравнил со своим домом (около 5 метров). Длина объекта равнялась длине лучей (угловая – 20 градусов). Лучи шли параллельно друг другу и земле, постепенно «затухая» на концах. Угловая высота объекта – 10 градусов, азимут в начале наблюдения – 340, в конце – 30 градусов. Наблюдение длилось одну минуту.

Наблюдали троим, все местные. Соочевидцы – Вотинов Николай Михайлович и его жена Ольга.

НЛО в тот день наблюдали и в других местах. В то же время в Екатеринбурге над пустырем около перекрестка улиц Бардина и Амундсена видели белоголубой шар, сзади которого расходился «белый туман». Он вскоре исчез, после чего пролет продолжила светящаяся «звездочка». Очевидцев было несколько.

Наиболее точно виденный объект описал наш коллега С.Вохмин, член группы «Поиск», который был с нами в экспедициях в пермскую «Зону» (второе название «М-ского треугольника», данное по повести братьев Стругацких «Пикник на обочине») в 1992 и 1993 гг. Объект представлял собой «эллипс» со свечением, придававшим ему форму шара. За НЛО под углом в 45 градусов расходился светящийся шлейф.

Неопознанный объект наблюдался не только в Екатеринбурге, его видели и в Серове, Нижнем Тагиле, Туринске, Асбесте, Алапаевске, Красноуральинске и т.д.

Здесь я не буду приводить сообщения очевидцев по этому случаю, так как,

как говорится, «слухами земля полнится»; скажу лишь о характерных чертах наблюдавшегося объекта.

Летел он с запада-северо-запада на восток-юго-восток: траектория, близкая к направлению с запада на восток. Имел форму шара с лучами назад (по одним сведениям, их было четыре, по другим – целый световой поток), либо «звездочки», позади которой тянулся вышеупомянутый длинный «хвост», либо «пули». Некоторые очевидцы рассказывают, что видели «серп», который висел некоторое время, а потом впереди него появилась «звездочка», движущаяся на восток.

Угловая высота положения объекта по отношению к горизонту колебалась в зависимости от близости города наблюдения к траектории его движения. Для Екатеринбурга она составила 45 градусов, для Красноуральинска – 75. Это сразу наводит на мысль: линейная высота объекта над землей должна быть очень большой.

Все эти данные наряду с тем, что описания объекта в разных городах сходятся, приводят к его возможному объяснению. Факты говорят в пользу наблюдения очевидцами пролета ракетносителя со сбросом второй ступени. Место запуска – космодром Плесецк, расположенный на северо-западе России.

Сначала объясню, что это собой представляет. Ракетноситель – «звездочка» (виден так из-за большой высоты над поверхностью Земли), или «пуля» (при освещении его солнечными лучами), летит по своей типичной траектории – примерно с запада на восток. Как известно, сброс второй ступени происходит при пролете носителя над Уральским хребтом (на самом деле поднимается по вертикали ракета не пролетает параллельно земной поверхности – это Земля вертится), чаще всего ступень падает в Тюменской области. Лучи за объектом, или «хвост» – не что иное, как шлейф горящих газов, выбрасываемых

из сопел ракетносителя. Они могут быть видны и как четыре луча, исходящих из шара, соответственно количеству сопел ракеты. «Манипулировать» эти лучи могут под воздействием сильного ветра, который в верхних слоях атмосферы намного сильнее, чем у поверхности Земли. Ветер в пять часов вечера в тот день был западный, его скорость над Екатеринбургом, в нижних слоях атмосферы – 6 метров в секунду. Так что под его воздействием шлейф газов мог постепенно рассеиваться в стороны, создавая впечатление «манипуляции лучами», или «полиморфизма», что и было замечено некоторыми очевидцами.

Неожиданно объект «превратился» из «кометы» в «серп» – произошел сброс ступени. «Серп», т.е. свечение расходящихся газов, естественно, некоторое время мог оставаться недвижим из-за высокой плотности воздуха. Сам же носитель не был виден за этим облаком и появился только тогда, когда газы рассеялись. Являл он собой все ту же «звездочку»...

Теперь обратимся к информационному бюллетеню космодрома Плесецк, в котором представлены данные о запусках космических аппаратов за 1992 год; под номером 29 читаем: «Дата запуска – 25.11.; время пуска (московское) – 15.19; ракета-носитель – «Молния»; космический аппарат – «Космос-2222». Фактические параметры начальной орбиты (второй виток): наклонение, град. – 62,864; период обращения, мин. – 708,15; максимальная высота, км – 39268,0; минимальная высота, км – 624,0. Назначение космического аппарата – в интересах МО России»...

Итак, как оказалось при анализе, за этими наблюдениями «НЛО» скрывался обычный запуск космического аппарата.

Но вернемся к «М-скому треугольнику». Совместная экспедиция свердловских уфологов в 1992 году, в которой принимали участие представители исследовательских групп Екатеринбурга и Красноуральинска, проводила, в частности, опрос местного населения в связи с наблюдениями НЛО. Приведем такие случаи (записаны со слов очевидцев).

Сторож на лесопилке (50 лет, себя не назвал) наблюдал во время своего дежурства в феврале-марте 1989 года летящий со стороны Перми голубой шар. Объект летел медленно и бесшум-

но, оставляя за собой белый шлейф. Потом пропал.

Тот же сторож наблюдал НЛО над пермской «Зоной» в виде «сигары», под которой выдвигались пять коротких лучиков. Сама «сигара» была белая, а лучи под ней – красные.

Этому очевидцу «повезло» на встрече с непознанным: во время беседы он нехотя рассказал еще один случай ...

«Иду я по полю, потом появился луч с неба и освещает меня. Затем он начал кувыркать меня по полю. Луч целенаправленный, цвет бело-голубой, прозрачный. После этого неделю болели все суставы, был сильный страх»...

Если сложить все рассказанные и описанные в прессе наблюдения НЛО в «Зоне», то получится довольно-таки объемная картина: создается впечатление, будто НЛО летают там каждый день, и не только во время медитаций.

Тем не менее, вот – свежие наблюдения НЛО в «М-ском треугольнике», рассказанные на заседании группы «Поиск», посвященном обработке результатов летних экспедиций 1994 года. Очевидец – Анна Филлипова, сотрудник группы.

«Мы приехали в «Зону» 16 июля 1994 года, а это наблюдение было произведено где-то 20 июля. Было около 12 часов ночи, достаточно темно. На небе – средняя облачность, Луна, которая изредка исчезала за облаками. Мы расположились на берегу реки Сылвы у Центрального лагеря (т.н. «Долина ужасов», – прим. авт.) и смотрели на противоположный берег, сидя у костра. Витя встал, отошел, посмотрел туда, что-то сказал, рассуждая сам с собой, и вдруг позвал: «Эй, идите смотреть НЛО!» Остальные ребята, сидевшие у костра, долго хохотали, решив, что их разыгрывают (как раз накануне был разговор на тему розыгрышей, – прим. рассказчика). Я встала спиной к костру и тоже стала смотреть...

На противоположном берегу лес поднимался горкой, и над ним я увидела свет. Сначала я подумала, что это, возможно, Луна, но та оказалась совсем в другом месте. Надвигаясь, я увидела объект в виде звездочки. Обзор при наблюдении был очень узким. Сначала «звезда» стояла на месте, затем «растеклась», разделилась на три части (звездочки), образовав равнобедренный прямоугольный треугольник. Расстояние между ними было, как мне кажется, несколько метров. Было видно, что объект перемещается. Но когда мы отклонились в стороны, то объект исчезал. А если стоять прямо и не

двигаться, то его было хорошо видно, и он перемещался.

Вдруг все резко погасло, тут же появилась «звезда» (какая была в начале наблюдения, в том же месте). Я сбегала к костру и позвала Веру – журналистку из екатеринбургской газеты «Главный проспект»; вернувшись, мы вместе наблюдали, как эта звезда повторила движение треугольного объекта, исчезла, появилась вновь в том же месте, откуда начинала уже дважды свое движение, а затем, погорев секунды четыре, погасла».

В своей публикации об этой поездке в «М-ский треугольник» Вера упоминает о другом случае наблюдения НЛО, по-видимому, «списав» первый НЛО на «обыденность происшедшего». На этот раз объект они наблюдали все вместе. Рассказывает А.Филлипова:

«Этот случай произошел 24–25 августа 1994 года. Дело было ночью (часа в два-три). Нас было трое; все смотрели на звезды и вдруг увидели очень яркую звезду, которая по прямой траектории пересекла небосвод. Один говорит: «Это НЛО», другой – дескать, спутник.

Объект двигался быстро, но небо пересек чуть медленнее падающей звезды, параллельно горизонту. Угловая высота местоположения этой «звезды» составляла примерно 45 градусов над линией горизонта.

Во время наблюдения я находилась в «Долине ужасов», лицом по течению реки. Сначала я думала, что это действительно спутник, т.к. траектория движения объекта была ровной. Но вот, пройдя почти через весь небосвод, «спутник» остановился на секунду (успела это зафиксировать), затем пошел вниз по углом 45 градусов к прежней траектории и в обратную сторону. Тут я прекратила наблюдения и пошла за биноклем, а пока его искала – все закончилось. Тем не менее, другие в это время смотрели и видели, что он дважды менял скорость, затем скрылся за горизонтом, появился вновь и исчез».

Не только местные жители или уфологи сталкиваются в этих краях с необычными явлениями. Однажды мне поведали такую историю. В те годы очевидец работал помощником машиниста, а зовут его – Владимир Павлович Иванов.

Это случилось в сентябре 1984 года на железнодорожной линии Свердловск – Пермь. Наблюдение велось из окна электровоза ВЛ11. Приблизительно в 21 час обратили внимание на яркий свет прожекторов с южной стороны полотна (движение поезда было с востока на

запад, – прим. авт.). Примерно в двух километрах заметили приближающийся яркий объект серебристого цвета. При его приближении двигатели электровоза прекратили работу, датчики показывали отсутствие энергии. Тем не менее, поезд продолжал движение с прежней скоростью (75 – 80 км в час: измерялась по скоростемеру), причем в горку. Объект в это время был на расстоянии 1 км, летел над кромкой леса параллельно поезду. Было хорошо видно, что он представляет собой металлическую конструкцию, по форме напоминающую два сложенных вместе блюда. На «лицевой» стороне ясно был виден контур «двери», или люка. На поверхности объекта различались металлические пластины, отдаленно напоминающие чешую; литые, но не налегающие друг на друга. Вниз от объекта шел мощный, расширяющийся конусом, прожекторный луч белого цвета, а справа сбоку выходили три параллельных луча трех цветов: красный, зеленый и синий. Яркость объекта была сравнима с яркостью Луны в полнолуние при хорошей погоде, а линейные размеры субъективно составляли длину полутора секций электровоза ВЛ11.

«Во время наблюдения явственно чувствовался запах озона, радиоаппаратура самовозбуждалась, по рации были слышны помехи – треск и писк, приборы отказали, датчики не показывали наличие тока в сети, генератор ГУ выключился... Все это слишком явно говорит в пользу сильного электромагнитного излучения со стороны объекта, что зачастую подтверждается другими многочисленными наблюдениями.

Объект летел почти бесшумно: через форточку слышался лишь шелест. По его поверхности пробежали цветные блики. Траектория движения предположительно приравнивалась к дуге, само движение объекта было плавным, но с ускорением. Угловые размеры объекта составляли примерно 1–2 градуса.

Совместное движение параллельным курсом продолжалось около 3–4 минут (время фиксировалось по часам и скоростемеру), после чего объект плавно отошел в юго-западном направлении и исчез вдали. Общая продолжительность наблюдения по времени – 5 минут.

В заключение хотелось бы отметить, что железнодорожное полотно находится в 10 км от «М-ского треугольника», который расположен к югу от дороги. И НЛО там железнодорожники видят часто...

Андрей ЩУПОВ

ХОЛОД МАЛИОГОНТА

ПОВЕСТЬ

Рисунки Анны АНДРОСОВОЙ

ГЛАВА 9

Если можно городской мирок вообразить в виде огромного яблока, то слухи — это вечноживые юркие червячки. И попробуйте совершить такой подвиг — не узнать того, о чем осведомлены все — от соседей по подъезду до случайных попутчиков в троллейбусе. Еще не добравшись до места работы, Александр оказался посвящен во все последние новости города.

Снова подскочили цены на мебель и ковры. Уже третий раз за последние полгода. В связи с аварией на молочной фабрике в магазинах предлагают один кефир.

И наконец, что было солью и сутью всех бесед, в городе хоронили Лесника. Об этом говорили полушепотом, с оглядкой на близстоящих. Говорили по-разному — кто с невольным восторгом, кто с подчеркнутой брезгливостью. Лесника, как и всякого мафиозо, хоронили помпезно, хотя и без музыки. Стандартные оркестры мафия презирала, предпочитая скорбную тишину. В это утро в Уткинске были раскуплены все цветы. Нежным растениям суждено было устлать дорогу до кладбища. Везли Лесника не в автобусе, а в специальном правительственном катафалке. Трудно угадать, кто расстарался и распорядился, но сопровождала колонну конная милиция. Об этом рассказывали с особым жаром. Прорва машин-иномарок, влившихся в похоронный кортеж, удивляла значительно меньше. А более

всего толковали, конечно, о «халявских» поминках, проводимых под открытым небом, на которые зазывались все знакомые и незнакомые. На столах, расставленных у кладбищенских ворот, в изобилии царствовала «Смирновская», в качестве закуски предлагались болгарские маринады и голландская ветчина... От всех этих шепотков у Александра начала кружиться голова. Он вышел из транспорта на остановку раньше и дошагал до родного отделения на своих двоих.

План мероприятий созрел у него еще утром. Но, увы, удача ему не сопутствовала. План дал первую трещину тотчас по

прибытии, ибо начинать следовало с ближайших коллег, но именно самых ближайших на месте не оказалось. Поразмыслив, следовательно решил обождать. Коротая время, налил в стакан кипятка, не найдя заварки с сахаром, бросил на дно желтовато-стеклянный камешек «Барбариса». В одном из ящиков стола обнаружился пакет с сухарями. Мышей в отделе, к счастью, не водилось. Наблюдая за углубленно работающим Казаренком, Александр покормил аквариумных рыб, ногтем зазывно постукивая по стеклу. Чешуйчатая гольтьба обрадовалась и простым крошкам. После исчезновения главного кормильца — майора Борейко — за ними практически не ухаживали. Но, как все сущее на Земле, они нуждались в заботе и ласке. Тихо потрескивал и пузырил леденец, мутная глубь стакана окрашивалась в лимонно-болотный цвет. Расположившись в углу, практикант Антоша доводил до сведения забжавшего одно-

Окончание. Начало в № 1

курсника информацию о масштабах проводимых похорон. Александр досадливо крикнул. Похоже, его потчевали одним и тем же блюдом. «Смирновская», катафалк и конное сопровождение... Это начинало уже надоедать, хотя он вынужден признать, что Мамонт действительно постарался на славу. Дела переходили в его руки, подобный жест он вполне мог себе позволить. Только вот какво придется нынешнему обывателю? Как известно, смена власти — явление удручающее. В данной печальной конкретике она и вовсе не радовала.

— Уф! Всем присутствующим пламенный комсомольский! Ага! Уже и чай пьем?..

— Долгонько гуляете! — Казаренок приподнял лобастую голову, осуждающе оглядел отпыхивающегося Дмитрия.

— А кто сказал, что гуляем? Самым законным образом патрулировали по улицам. Все ж таки событие не рядовое. Вон — Санек знает. Между прочим, патрулировали не в одиночестве. Знаете, с кем?

— С девочками из барачного поселка.

— Фи! До чего нелепое предположение!..

— Ладно, не тяни душу, выкладывай.

Дмитрий все-таки выждал томительную паузу, снисходительно оглядел сослуживцев.

— Так вот, мсье Казаренок! Патрулировали мы с ополченцами Мамонта. Можно сказать, рука об руку. Мы с резиновыми дубинками, а они с обрезам и наганями. Так-то, господа хорошие. Сегодняшний день объявлен днем моратория на преступления. Кто осмелится и нарушит, тому крышка. То же будет и на девятый день, и на сороковины.

— Во дают! — Глазки у Антоши восхищенно сияли. — Вот таким макаром нас и умоют всех!

— Верно, умоют. Еще парочка подобных выкидонов, и Мамонт станет первым корешком мирного населения. А в нашу сторону будут множественно поплевывать.

— Отпуская при этом грязные матюки, — добавил Дмитрий.

Антоша с сокурсником несолидно захихикали.

— Дмитрий, — позвал Александр. — Будьте добры, приблизьтесь.

— С нашим удовольствием! — Разболтанной походкой всеобщего любимчика Губин подошел к столу. Похозяйски потрогал стакан, проверяя температуру, цопнул из пакета сухарь. — Не люблю, когда горячо. Придется всухомятку.

— Есть дело, Дмитрий, — внушительно произнес Александр, — и есть риск. Ищу подельников.

— А что по этому делу мыслит Митрофанушка?

— Митрофанушке лучше держаться от этого дела подальше.

— Ясно, не дорос еще, — Дмитрий с важностью кивнул. Сухарь хрупнул в его крепких зубах. Глянув на шкодливое лицо приятеля, Александр подумал, что перевести разговор в серьезное русло будет не просто.

— Вот что, Дмитрий... — он не договорил. В кабинет ворвался разгоряченный Ростислав Чилин.

— Вы в курсе, что половина оперативников всего города провожает Лесника в последний путь?

Александр чертыхнулся. Нервно потянул к себе стакан и отхлебнул. Горло обожгло огнем, чуть позже запылал желудок. Пока он отпыхивался, Дмитрий сурово выговаривал Чилину:

— В курсе, осведомлены, знаем. И нечего подымать волну. Видишь, человек чуть не захлебнулся. Я сам только что с похорон, а Казаренок постоянный слушатель «Би-Би-Си», так что вы, сударь, как всегда, опоздали.

— Кто же знал, что вы такие грамотные!

— А разве страна не должна знать своих героев?

— Она знает, Дим-Димыч, не сомневайся. И Митрофанушка, кстати, тоже.

— При чем здесь Митрофанушка?

— А при том: о Борейко до сих пор ни слуху, ни духу.

— Ну и?..

— Что «ну и»? Разве герои не обязаны работать по-стахановски?

— Ты намекаешь, что все дела Борейко спихнут на меня?

— Я почти уверен в этом, — Челентано хмыкнул. — Сашок, как шепчут по углам, до сих пор якшается с мафией, Казаренка отрывать от дел безнравственно, а ты...

— А он временно поступает в мое распоряжение, — вмешался Александр. — Ситуация такова, что мне требуется помощник, возможно, даже не один.

— Сожалею, сэр, но... — Дмитрий шутливо развел руками. Чилин выглядел раздосадованным.

— Сашок, никто не ценит тебя так, как я, но пойми, Митрофанушка не даст санкций, а без них...

— Можешь не беспокоиться, он их даст и не пикнет.

— Даже так? Гмм... — Челентано в раздумье подергал себя за нос. — Но надеюсь, вы обойдетесь без меня? Как-никак, человек я семейный, без пяти минут дед и с положением...

— С положением или в положении? — Губин повертел рукой возле уха. — Извините, не расслышал.

Практикант Антоша гыгыкнул из своего угла. Челентано одарил его свирепым взглядом.

— Здесь, конечно, не костел, молодой человек, но тем не менее я попросил бы...

— Остыньте, уважаемый. Он не нарочно. — Дмитрий блажелательно кивнул Александру. — Так что там у вас, дружище? Какой-нибудь кот в мешке? Похожий на тигра, но рычащий, как мышь?..

— Прервись, — Александр нервно взялся за стакан, но, вспомнив свой печальный опыт, отодвинул его подальше. — То, что я расскажу, коснется, пожалуй, всех, так как речь пойдет о Леснике и его противниках...

В висках неприятно кольнуло. Кабинет поплыл перед глазами, фигуры людей расплоснулись, поползли вкривь и вкось, совсем как в кривом зеркале. Секундой позже все снова восстановилось, и только под левой грудиной вздрагивало и трепетало, напоминающая о пережитом. Однако!.. Александр с трудом перевел дыхание. Раньше с ним такого не случалось. Видимо, ныряние в фонтаны и сражения с призраками бесследно не проходят...

Эй, Сашок! — Дмитрий склонился над Александром. — Почему укусное лицо? Комара проглотили?

Александр и впрямь сидел стиснув зубы. Ощущение нахлынувшей нереальности не покидало его. Он не знал, в чем дело, но что-то здесь явно было не так. Все эти смешки, разговоры ни о чем... И потом! Он предложил им серьезную беседу! И что произошло? Его с полным спокойствием проигнорировали.

— Дмитрий! — следовательно собрался с духом. — Я хотел поговорить с тобой о Леснике.

— О Леснике? Что ж, давай... — разом поскуцнев, Губин заболтал по-детски ногой, бессмысленно следя за мелькающей туфлей. От внимания Александра не укрылось и то, что Чилин, зевая, направился к своему столу. Их абсолютно не интересовало то, о чем он собирался им сообщить! Александр медленно трезвел.

— Дело в том, что я знаю, кто прикончил Лесника. Знаю, кто обосновался в гостинице «Центральная», и догадываюсь, что случится в дальнейшем, если мы не вмешаемся.

Он внимательно наблюдал за коллегами. Ничто не изменилось. Казаренок писал, Чилин продолжал зевать. В руках Дмитрия возник портсигар. Золоченая крышка подскокила с треском. Как ни в чем ни бывало приятель раскуривал «беломорину».

— Действительно знаешь?

— Знаю.

Дмитрий окутался дымом, прищурившись, помахал ладонью перед лицом.

— Что ж, молодец, коли знаешь.

— Дело набирает обороты. Возможно, придется подключить ребят из госбезопасности.

— Не надо, Сашок. — Дмитрий задумчиво разглядывал кончик папиросы. — Можешь, конечно, обижаться, но в подобные игры мы не играем. Мафия, Минитмены, Коза-Ностра — ну их всех к дьяволу! Митрофанушка сваял дурака, когда отпустил тебя к Леснику. Но ведь у тебя своя голова на плечах. Зачем ты лезешь в это болото? Хочешь, чтоб засосало?

Казаренок усерднее прежнего зашелестел бумагами, Антоша за спиной Александра возобновил спор с приятелем.

— Ты предлагаешь забыть обо всем?

— Не я, а мы, — Дмитрий холодно улыбнулся. — Мы предлагаем тебе забыть обо всем.

— Значит, будем праздновать труса?

— Худой мир лучше доброй ссоры, а праздник — это всегда праздник... — Прислушайся, Сашок. Тебе дело говорят, — это подал голос зевающий Чилин.

— Он прав, — Дмитрий энергично закивал. — Эй, Сашок! Ты куда?

— Пойду, подышу воздухом, — Александр вяло мотнул головой. — А заодно над словами вашими подумаю.

— Подумай, подумай!.. Это никогда не помешает.

Выйдя на лестницу, он прислонился к перилам. Силы куда-то ушли. Казалось, вот-вот явится болезненное озарение, а с ним и начнутся основные муки. Челентано, Казаренок, Антоша... Что могло с ними произойти? Каким образом ЭТО происходит?.. Чувствуя, как гулко колотится сердце, Александр двинулся на-

зад. Перед дверью чуть задержался. Ему вдруг почудилось, что ручка расположена не с привычной стороны — не слева, а справа. Или так было всегда?.. Он потянул дверь на себя, осторожно заглянул в комнату. Вот оно! Самое страшное! Лицо, в которое не хочется смотреть. Они словно ждали его. Все разом заморожено обернулись в его сторону. Александр встретился с глазами Дмитрия.

— Может быть, хватит, Сашок? Это ведь не игра, и ты прекрасно знаешь, что мы не актеры.

— Знаю... — голос казался хриплым, каким-то чужим. Александр чувствовал, что лицо и тело начинают гореть, словно по ним прогулялась крапива. Устремленные со всех сторон взгляды излучали жгучую энергию. Нечто болезненное вторгалось в мозг, шарило гибкими пальцами меж полушарий. Он был абсолютно гол, и жадные руки ощупывали сантиметр за сантиметром. Не в силах терпеть дольше, Александр отпрянул назад и хлопнул дверью. И тут же увидел еще одну. Чудовищным образом двери двоились, располагаясь друг против друга. Вместо одной лестницы теперь появилось сразу две.

— Что с тобой, Сашок?

Кто-то тронул его за локоть, и Александр стремительно развернулся. Словно сработала стальная пружина. Он готов был ударить, броситься бежать, просто поднять крик. Дмитрий Губин удивленно хлопал глазами.

— А... Это ты.

— Кто же еще? Конечно, я!.. Там тебя Митрофанушка обыскался, да и я, признаться, тоже. Куда ты провалился? Сидел, сидел рядом, а потом исчез.

— Чего хочет Митрофанушка? — Александр пытался справиться с волнением.

Дмитрий пожал плечами.

— Наверное, интересуется подробностями смерти Лесника, но... Ты уверен, что ты в порядке? У тебя даже руки дрожат.

— Да, все в порядке, — Александр сцепил пальцы в замок. — Должно быть, перебрал вчера малость.

— Поминки? Понимаю, — Дмитрий шагнул к одной из дверей. — Так ты заходишь?

— Немного погоды, Дим...

— Ага, — Дмитрий озадаченно взглянул на дверь номер два.

— Ты что-то там видишь? — с надеждой спросил Александр.

— Еще бы. Огромное пятно. Вчера его не было.

— Пятно и больше ничего?

— Да вроде нет. А что я должен увидеть?

Волосы на голове у Александра шевельнулись. Дверь, которую он видел, а Дмитрий нет, на глазах бледнела. Секунда-другая, и она слилась с окружающим фоном.

— Вот так фокус! — приятель чертыхнулся. — Довольно странные блики... Что это было, Сашок?

— Во всяком случае, не блики, — оторвавшись от перил, Александр почти втолкнул Дмитрия в кабинет.

— В чем дело? Может, ты объяснишь?

— Сейчас узнаешь, — Александр прикрыл за собой дверь. Окинув помещение взором, облегченно вздохнул. Вопрошающий взгляд Казаренка, недоумение на лице Челентано — все было живым и привычным. — У меня есть что рассказать вам...

Дверь за спиной зловеще скрипнула.

— Вы в этом уверены, капитан? Казаренок, я же просил вас!..

— Товарищ полковник, — щеки канцеляриста слегка покраснели. — Он появился только что, перед вами. Поэтому передать приглашение...

— Ничего. Главное, что он здесь, — в голосе Митрофанушки появились скрежещущие нотки. Челентано сочувствующе прикашлянул, скосил глаза на Александра.

— Занимайтесь своими делами, — объявил Митрофан Антонович. — А капитана Дыбина прошу зайти ко мне.

Стоило ему выйти, как, подчиняясь смутной догадке, Александр рванулся за ним.

Он не ошибся. Коридор был пуст, и снова от площадки спускались две абсолютно одинаковых лестницы. Каменной походкой Митрофан Антонович входил в кабинет, которого не было и не могло быть. Галлюцинации продолжались. Вопреки всем законам природы происходило невероятное, и это невероятное тянуло к нему свои щупальца, затягивая в осьминожье объятия. В следующее мгновение случилось еще более страшное. Пространство сложилось пополам, Александр покачнулся.

Он стоял на границе двух комнат. С зеркальной точностью одна повторяла другую, и люди, работающие слева, сказочным образом обзавелись братьями-близнецами справа. Коридор с лестницей исчез и пропал, провалился в тартарары. Кабинет вывернулся наизнанку, сумев вывернуть и продублировать образы живого. В единственном числе оставался замерший на пороге человек... — сам Александр Евгеньевич. Движением ошарашенного ребенка он поворачивал голову справа налево, пытаясь отличить правду от вымысла. В панике Александр ухватился за косяк, и в эту секунду сходство картин разрушилось. В поведении людей справа что-то изменилось, в движение вторгся знакомый ритм замороженности. Манекен, игравший роль Димы Губина, медленно скрестил на груди руки.

— Вы отчаянный человек, Александр Евгеньевич, но в данном случае совершаете ошибку. Зарубите себе на носу: мы никому ничего не объясняем. Мы только предупреждаем. И ваша задача — принять предостережение, сделав соответствующие выводы,

— Оргвыводы, — поправил с места Казаренок.

Александр посмотрел на коллег слева, но те попрежнему не показывали ни малейших признаков беспокойства.

— Они ... Они не видят нас? — пролепетал он.

— Вас действительно это интересует? — лжеЧелентано зловеще улыбнулся. — На вашем месте я подумал бы о другом.

— Ну зачем же так? — лжеДмитрий снисходительно качнул головой. — Если ЧЕЛОВЕКА интересует фено-

мен пространственной кривизны, можно удовлетворить его любопытство. Они действительно не видят и не слышат нас.

— До тех пор, пока мы этого не захотим, — с усмешкой добавил лжеКазаренок. Практикант Антоша и его приятель с готовностью захихикали.

— Кто вы такие? — выдал из себя Александр. — Что вам от меня нужно?

— Я же предупреждал! Начнутся волнения, обмороки, вопросы... И кто будет отвечать на эти идиотские вопросы? Вы, Бином, или, может, вы, Зиновий? Ей-богу, Панкратило прав! С ними следует поступать жестче, а все эти ваши церемонии до хорошего не доведут.

— Что вы хотите сказать, милейший? Что человек — тварь пастозная? Так это мы знаем без вас. И знаем, что, протягивая руку, мы рискуем шеей. Но тем не менее, не мешало бы припомнить, из чего вы сами произрастали.

— Но Панкратило велел...

— Напугать? Это мы сделали. Чем вы недовольны?

— Но он же не остановится! Взгляните на него. Дрожит-то он, верно, дрожит, но догадываетесь, о чем собирается спросить?

— О том, кто мы такие и куда подевался майор Борейко.

— Это еще кто такой?

— Поинтересуйтесь у него. Он вам подробно объяснит. А там, глядишь, завяжется дружественная беседа.

Александр раскрыл рот, но слова вышли из него только со второй попытки.

— Значит, майора Борейко тоже вы?.. — Ну уж нет, это ваши дела! — визгливо закричал Антоша. — Слышали, как он подъехал! Тоже, значит, мы... А сейчас нам поведают историю о пропавшем кошельке, о собаке, укусившей пьяного, о всех последних авариях. Какого дьявола мы его слушаем?!

— Только не надо ругаться, — лжеЧелентано поморщился.

— Но нас действительно беспокоит судьба майора, — осмелел Александр.

Глаза фантомов блеснули, и следователь вновь ощутил их жгучее тепло. Лицо пылало, как от ожога. Голос куда-то пропал.

— То, что волнует вас, уважаемый Александр Евгеньевич, далеко не всегда согласуется с нашим волнением, — отчеканил лжеЧелентано. — Вам сообщили то, что следовало сообщить. Не проявляйте излишнего любопытства: А если сомнения в нашем всеисилии еще не рассеялись, вас с удовольствием навесвят повторно. И не удержусь, чтобы не перефразировать вышесказанное: то, что доставляет удовольствие нам, далеко не всегда радует наших клиентов.

— Но я...

— Все, разговор окончен! — лжеЧелентано взмахнул рукой, и Александр вновь испытал стремительное головокружение. Лица, столы и окна — все рванулось куда-то в сторону, пыльным осенним вихрем влилось в стену и исчезло. Перед глазами восстановилось привычное: серые, отшлифованные за долгие десятилетия ступени. короткий пасмурный коридорчик.

Пошатнувшись, Александр уцепился за перила. Сбоку суетливо подскочил Дмитрий.

— Я же сразу сообразил, что с тобой не все ладно. А ну-ка присядь! Сейчас спроворим чаек, поищем каких-нибудь таблеток...

ГЛАВА 10

Ключ в скважину вошел не сразу, заставив его попрыгать и помучиться. Оказавшись в прихожей, он зажег свет и чертыхнулся. Его шляпа и плащ почему-то валялись на полу. Водрузив их на вешалку, Александр заглянул в ванную и ополоснул руки. Присутствовала как холодная, так и горячая вода. Поддавшись искушению, он присел на край ванны и, отрегулировав температуру, подставил ладони под струю. Так же он поступал в далеком детстве, когда родители собирали его в школу. Уступая сладкой неге, грелся под низвергающимся потоком, впадая в состояние коллапса. Вставать, идти куда-то казалось нелепым и ничемным. Бурление воды завораживало мозг, тепло подымалось от согреваемых ладоней к плечам и выше, достигая лопаток, искристо покалывая позвоночник. Родителей подобные забавы отчего-то всегда раздражали. Почти насильно ему совали в руки мыло и зубную щетку, выговаривали, указывая на часы и собственную готовность к предстоящим будням. Уоонив голову на грудь, Александр погрузился в давно забытое дремотное состояние. Возможно, после сегодняшней встряски он как ни в чем другом нуждался в подобной процедуре.

— Ага!.. Мы-то думаем, он здесь пи-пи, ка-ка, а этот романтик ручки греет!

Вздвогнув, Александр очнулся. В ванную заглядывал верзила лет двадцати пяти с широченными плечами и лбом, легко прикрываемым двумя сдвинутыми пальцами.

— Тащи его сюда!

Значит, как минимум, двое... Додумать Александр не успел. Верзила сгреб его мощной дланью и поволок к выходу. Весовые категории были столь неравными, что от мысли воспротивиться Александр немедленно отказался. В комнате, на диване и в кресле, расположились еще трое. Увы, их оказалось несколько больше, чем он ожидал. Журнальный столик заменил подставку для ног, книги и журналы были разбросаны по полу. Да и не только книги. Должно быть, от скуки эти парни основательно прошлись по его вещам. Прибирать же за собой их, вероятно, никто и никогда не приучал. На полу, среди окурков и плевков, поблескивали осколки кухонного фарфора. Судя по запаху и следам на ковре, они успели попробовать кофе и перекусить. Удивительно, до чего легко и быстро люди осваивают новые места. Вчера еще пышная тайга, сегодня леспромхоз и трубы, завтра редкостная помойка... Тот же феномен наблюдался и здесь.

— Что за бардак вы тут устроили!

— Нишкни, малыш! — верзила тряхнул следователя так, что у «малыша» лягнули зубы. Один из сидящих на диване — кучерявый, похожий на цыгана, подал верзиле знак. Александра грубо подтолкнули вперед.

— Не буду испытывать твое терпение. Обрадую сразу: мы привезли тебе привет от Мамонта.

— Спасибо, — процедил следователь. — Что дальше?

— А дальше ты оценишь этот ответ по достоинству, — кучерявый достал нож. — Должно быть, Мамонт в большой обиде на тебя. Потому как услуга, о которой он нас просил, несколько специфическая...

В руке говорящего щелкнула зажигалка. Медлительными кругами он повел лезвием над голубоватым язычком пламени. Заметив напряженный взгляд Александра, пояснил:

— Ничего страшного. Это не кастрация. Всего-навсего маленькая отметина на твоих плечиках. Как видишь, инфекции мы не занесем.

Парень, держащий следователя за ворот, громко заржал.

— Что еще за отметина?

— Одна-единственная буква, — кучерявый улыбнулся, показав прокуренные зубы. — Та самая, с которой начинается расчудесное слово «мама». Таково, малыш, пожелание хозяина.

— Он хочет, чтобы ты не забывал его, — вставил сосед кучерявого, детина в кепи велосипедиста и радужных очках. — С этой буквы начинается не только «мама», но и его имя. Надеюсь, это ты сообразил?

Александр сообразил. Как сообразил и кое-что другое. Бедная квартира страдает еще больше — по той простой причине, что он не позволит им прикоснуться к себе.

— По-моему, вы в курсе, что я работал на Лесника.

— Нас это не касается, малыш. Работал, не работал, чего уж теперь... Лесника нет, и мир его праху. Теперь хозяином Мамонт, и мы выполняем его указания.

— А на твое звание, мусор, нам тоже плевать, — меланхолично добавил велосипедист.

— Доплюетесь, — Александр с угрозой посмотрел кучерявому в глаза. — Ты слышишь меня, смуглявый? Как тебя по кликухе-то?

— Что? — брови кучерявого изумленно поползли вверх. — А я-то считал, что поладили. Выходит, нет?

— Выходит, нет, — Александр старался говорить твердо. — И ваш квартет я запомню, в этом не сомневайся. Придет время, из-под земли достану. А там и расквитаемся.

С кресла легко поднялся жилистый человек. В темном облегающем свитере, с гладким лоснящимся черепом. Погладив себя по темени, он степенно приблизился к пленнику.

— Готическое «М», как и договаривались... — кучерявый подбросил нож в воздух. Жилистый поймал его на лету. Подчиняясь кивку велосипедиста, верзила рванул со спины следователя пиджак. Сукно треснуло в его пальцах, оголяя тело.

— Начинай, Винт.

Уже на последнем слоге правая нога Александра сработала футбольным крюком. Хватанув ртом воздух, Винт бухнулся на колени и завалился на бок. В ту же секунду Александр заехал локтем в широченное тулово своего охранника. Он угодил в панцирь из мышц и

сала. Верзила только крикнул. Кулак его ответно описал дугу и опустился на затылок капитана. Это был конец. Мир взорвался бенгальскими брызгами, улыбающееся лицо кучерявого понеслось навстречу. Чья-то распашнутая пятерня, еще один удар, и от дивана он полетел к креслу.

— Вроде кто-то отирается у двери, — кучерявый настороженно поднял голову. — А ну тише, лбы!

Александр почувствовал, как чья-то рука зажала ему рот. Он с удовольствием цапнул бы ее зубами, но не сумел даже пошевелить челюстью. Держал его, по всей видимости, все тот же слоноподобный страж.

— Нас нету, — с дурашливой театральностью пропел обладатель кепи и радужных очков.

— Заткнись!.. — бритоголовый Винт с кряхтением поднимался, не спуская со следователя побелевших от ненависти глаз.

В дверь громко постучали. Выдержав паузу, постучали более настойчиво. Кучерявый со злостью ткнул Александра в бок, свирепо зашипел:

— Кто это может быть, лягаш?

Скорее всего вопрос был риторическим, однако верзила решил иначе, разжав липкую лапищу и позволяя пленнику удовлетворить любопытство босса. Милое детское доверие! Как часто тебя наказует коварство... Отчаянно заблажив, Александр сполна использовал предоставленную возможность. Пара оглушающих мгновений, после чего ладонь вновь стиснула челюсть, чуть-чуть не раздавив ее. Лягая кучерявого по коленям, Александр бешено продолжал извиваться.

— Вот пакостник! — вожак группы вскочил, спешно натягивая на пальцы кастет. — Это неважная шутка, малыш, и ты за нее ответишь...

Заглушая последнюю фразу, из прихожей донесся грохот вышибаемой двери. В ореоле щепок и брани в комнату ворвались Маципура и Цой.

— Лещ? Я так и думал, — губы Маципуры скривились в недоброй усмешке. — Не прошло и суток, а ты уже вылизываешь Мамонтовы штиблеты.

— Убирайся! — кучерявого трясло не то от ярости, не то от страха. — Какого черта ты сюда заявился?!

— Это наш человек, — Маципура указал на Александра. — Скажи своим бакланам, чтобы отпустили его. И вообще постарайся забыть этот дом.

— Мамонт попросил меня об одолжении, и я...

Шагом манекенщицы в комнату вошла Регина. Оглядевшись вокруг, поморщила нос.

— Вольно, Лещ. Не трать энергию на болтовню. Даю полминуты на то, чтобы очистить помещение.

В эти минуты она выглядела просто замечательно! Уставившись на девушку, Александр перестал брыкаться.

— Вот как? Очистить помещение?... — глаза кучерявого неприятно сузились. — А может, ретироваться тебе и твоим оруженосцам? Винт мог бы указать дорогу.

Бритоголовый успел подобрать нож и теперь с рычанием устремился в атаку. Маципура попробовал встретить его правой, но Винт довольно ловко уклонил-

ся. Круговой выпад, и лезвие полоснуло по руке телохранителя.

— Цой!

С таким же успехом Регина могла выкрикнуть «фас». Скользя между бельевым шкафом и отступающим Маципурой, кореец вылетел на середину комнаты. Александр так и не увидел, что же он сделал с Винтом, но бритоголовый уже падал. А потом хрустнули очки на шутнике-велосипедисте, и он вместе с креслом опрокинулся на пол. Кучерявый сунулся было с кастетом, но маленькая ножка корейца отшвырнула его к окну. Продолжая держать Александра перед собой, как щит, верзила сделал попытку прорваться к коридору. По пути жертва уцепилась за стол, но гигант этого даже не заметил. Впрочем, не заметил он и другого. Юркий кореец на четвереньках, совсем как паук, подбежал к бритоголовому и, подобрав нож, метнулся за беглецом. Он был уже рядом, когда верзила попробовал достать его ботинком. Цой, казалось, только этого и ждал. С цепкостью кошки всеми четырьмя конечностями он прилип к колену великана. В уши Александру хлынул заполосный вой. Ощувив неожиданную свободу, он рванулся из рук мучителя. Развернувшись, наотмашь ударил в челюсть. Маленьким мячиком Цой уже откатывался в сторону. У стены он складным образом развернулся и, очутившись на ногах, пренебрежительно отшвырнул финку бритоголового. Верзила со стоном цеплялся за мебель, тщетно стараясь устоять. К нему качнулся Маципура, но Александр удержал его.

— Я сам...

— Не надо, Саша. Побереги голову.

Голос прозвучал насмешливо, и Александр поневоле сник. Он и в самом деле собирался боднуть верзилу.

— Похоже, я повторяюсь, — пробормотал он.

— Повторяетесь, Александр Евгеньевич. А кроме того, нужды в подобном самоистязании нет. Цой делает работу только на отлично.

Словно в подтверждение слов Регины, верзила ухватился за шторы и с мученическим подвыванием рухнул на ковер. По брюкам у него текла кровь.

— Что с ним такое? — удивился Александр.

Ему ответил Маципура.

— Сухожилия. Цой перерезал этому ублюдку сухожилия. Теперь парню хромать всю жизнь. Примета верная, так что найти его будет проще простого. И вам в том числе.

— Это верно... — Александр задумчиво поглядел на Цоя. — Как бы то ни было, я твой должник.

— Мне кажется, мы тоже немного поучаствовали в этом?

— Разумеется, — Александр усмехнулся. — В любое время каждому из присутствующих с удовольствием пожму руку.

— Так уж и каждому?

— Виноват! Разумеется, кроме лежащих на полу и, некоторым образом, дам.

— Разве дамы в благодарности не нуждаются?

— Он хочет сказать, что дамам руки не жмут, а целуют, — хмуро пробурчал Маципура. Он сидел в

кресле, и Цой умело перебинтовывал ему раненное предплечье.

— Так в чем же дело? — Регина деловито протянула кисть. Александр взглянул на девушку и вспомнил сегодняшний сон. Краска выступила на щеках, он неуверенно кашлянул.

— Твои архаровцы меня смущают.

— Эти архаровцы только что спасли твою жизнь.

— Меня не собирались убивать.

— А кто же тогда так истошно визжал?

— Мда... Тут трудно что-либо возразить... — Александр достал из кармана платок и тщательно вытер губы и щеки. — Вот теперь действительно готов.

— Момент, к сожалению, упущен, — опустив руку, Регина обвела комнату изучающим взглядом. — Мы должны поговорить и немедленно.

— О чем?

Не отвечая, Регина обернулась к Маципуре. Цой уже заканчивал с перевязкой. Розовым узором кровь проступала сквозь бинт, но на пол уже не капала.

— Как только уладите с ранами, займитесь комнатой. Нужно немного прибраться, а прилипал Мамонта вышвырнуть на улицу.

— Может быть, вызвать подкрепление?

— В этом нет необходимости, — Регина загадочно посмотрела на Александра. — Наша беседа не затянется.

..За окном каркнула пролетевшая ворона. Сидящие вздрогнули. Единственный звук на протяжении последних пяти минут. Тишина давила невидимым прессом, и Сан-Саньч, приглашенный на странное собрание, явственно чувствовал ее тяжесть. Он устроился в кресле, по-детски нахохлившись, спрятав ладони между колен. Открыв рот, он решил было что-то сказать, но его опередил Александр.

— Что, черт подери, вам не нравится?

В голубых глазах Регины блеснул упрямый огонек.

— Экстрасенсы?.. Это же смешно!

— Почему? Потому что малопонятно? Вот уж действительно смешно!.. Вы слышали когда-нибудь о собаках-ищейках?

— При чем здесь собаки?

— При том, что у ищейек превосходный нюх. Они чувствуют, чего не чуем мы. То же самое с экстрасенсами. Левше проще управиться с левой, и если у нас под рукой будут эти ребята, мы проведем переговоры на равных. Или по крайней мере попытаемся провести.

— Переговоров не будет, — холодно повторила Регина. — Не будет, потому что они убили Лесника.

— Я тоже за пулю, — рубанул Маципура. — На что способны эти кудесники, мы приблизительно знаем. Но так или иначе, они материальны. Стало быть, их можно прикончить, как всякого смертного. Возможно, подходить к ним вплотную неразумно, я и сам не решаюсь, но если воспользоваться услугами снайпера...

— Господи! Что вы такое предлагаете! — Сан-Саньч испуганно всплеснул руками. — Ведь это убийство, понимаете?! Я не говорю уже о том, что пострадаете

31) скорее всего вы сами. Если, конечно, правда все то, что вы о них рассказываете.

— Вы считаете, что пуля их не берет?

— Я не имею об этом ни малейшего представления. Так же, как и вы. Потому что ни вы, ни я до сих пор не знаем, кто ОНИ такие. А все эти устрашающие истории лишний раз свидетельствуют в пользу продуманных действий.

— Вы называете продуманными действиями помощь экстрасенсов?

— Во всяком случае, некоторый опыт у них имеется. В своей практике мы сталкивались и с вампирами, и с колдунами...

— Вампиры? — Маципура оживился. — Это вроде кровососов, верно? — он переглянулся с Цоем.

— Не в буквальном смысле, конечно. Я имел в виду энергетических вампиров. Их пища — жизненный тонус. Колдуны, в сущности, те же вампиры, но рангом повыше. Во многом мы еще не разобрались, но мне

приходилось убеждаться, что энергетическое влияние вполне можно блокировать. Я уже сообщал Александру Евгеньевичу, что в нашем штате имеются довольно сильные парапсихологи. Объединяя усилия, они способны локализовать самые мощные энергопотоки. Не очень продолжительное время, но тем не менее... Кроме того, существует система знаковых амулетов, рекомендации по наговорам...

— Ага! Гадание на кофейной гуще и прочее, прочее, — не выдержав, Маципура фыркнул.

— Вы собираетесь острить до вечера? — осведомилась Регина. Взор ее обратился к председателю Центра аномальных явлений. — Вы действительно можете гарантировать нам подобие экрана?

— Видите ли... — Сан-Саньч замаялся. — Гарантировать что-либо в подобном предприятии весьма затруднительно. Окультизмными науками я занимаюсь более шестнадцати лет и, тем не менее, вынужден признать, что в основном это движение наощупь. Особых открытий мне

не удалось совершить, но одно я все-таки для себя уяснил: многое, о чем толкуют с усмешкой и недоверием, на деле обладает реальными магическими свойствами. В частности это касается икон и амулетов...

— Чушь! — громко сказал Маципура.

— Не перебивай его!

— Ваше дело верить или не верить, но в ряде случаев мы в самом деле выкручивались из весьма сложных ситуаций посредством церковного реквизита. Помогали не только иконы, но и другие старинные вещицы. И не только старинные... Я понимаю, сказанное звучит неубедительно, но большинство экстрасенсов сходятся в том, что и амулеты, и иконы, и даже письменная каббалистика располагают собственными энергетическими аурами. Аура — суть то же поле, и не так уж удивительно, что в определенных ситуациях подобные поля способны выполнять защитные функции.

— Великолепно! — Маципура потряс забинтованной рукой. — Тогда дело проще ржавого шурупа! Для начала потрошим все близлежащие церквушки на предмет икон и прочих реликвий, а затем обкладываем гостиницу, как горчичниками...

— Прекрати! — окрик Регины заставил его умолкнуть. Видно было, что она решается на что-то важное.

Регина взглянула на Сан-Саныча.

— Где сейчас ваши помощники? По-прежнему у гостиницы?

— По крайней мере мы договаривались, что они будут ждать там. Правда, прошло немало времени...

Регина порывисто поднялась. Губы ее были сурово поджаты.

— Мы едем, — объявила она.

Все пошло наперекосяк с самого начала. У Маципуры неожиданно возобновилось кровотечение. В испуге он наблюдал, как кровь проступает сквозь марлю, масляными каплями капает на пол. Недолго думая, Цой перетянул руку жгутом, а Сан-Саныч посоветовал согнуть ее в локте. После стремительных поисков Александр нашел наконец еще один перевязочный пакет, и кореец ретиво взялся за работу. Регина хотела было оставить телохранителя в квартире, однако последний решительно воспротивился. Но это было только во-первых. А во-вторых, битых пятнадцать минут они провозились с машиной. Новенькая лоснящаяся «Вольво» упорно сопротивлялась, ни в какую не желая заводиться. Даже невозмутимый Цой в конце концов распахнул капот, называя машину старым рыдваном, стал молотить по ней кулаками. По нелепому капризу железный механизм все-таки опомнился и завелся. Они выехали со двора и, попав на центральную улицу, влились в пестрый урчащий поток.

Сан-Саныч сидел слева от Александра и мелко дрожал. «Вольво» неслась, обгоняя соседей, стрелка спидометра хищно подбиралась к стокилометровой отметке. Первым обеспокоился Маципура.

— Не на пожар едем, — буркнул он. — Застанем, значит застанем, а нет, так нет.

Не отвечая, кореец прибавил скорости. Александр отметил про себя, что машину он ведет превосходно.

Даже на той скорости, что они себе позволили, «Вольво» двигалась без рывков, мягко огибая рытвины, пропуская клетчатые кругляши люков чисто между колес.

— Через пару минут будем на месте, — свирепо прошептал водитель. И ошибся.

Человек бросился им наперерез, когда они уже сворачивали с шоссе. Размахивая руками, он что-то громко кричал. Спидометр все еще показывал пугающие цифры, и положение не спасла даже великолепная реакция Цоя. Визгливо заверещали тормоза, и шины прочертили два длинных змеиных следа. Сидящих в кабине мотнуло вперед. Вскинув перед собой руки, Александр ощутил посторонний удар. Человек, возникший на дороге, на мгновение взвился вверх и, с грохотом перекатившись через кабину, упал где-то позади.

— Амба, — хрипло прокомментировал Маципура. На его побледневшем лице выступили капли пота. Почти с отвращением он взглянул на перебинтованную руку. Кровь больше не бежала.

Сан-Саныч тем временем тщетно боролся с дверцей. Александр помог ему справиться с замком и выбрался следом.

Бедолага пешеход лежал шагах в двадцати от машины — лицом вниз, распластав руки, словно парящая птица. Приблизившись к нему, Сан-Саныч робко тронул лежащего.

— Может, кто-то из твоих экстрасенсов? — Маципура опустил глаза на короточки. — Он ведь что-то кричал нам.

Александр почувствовал, что сердце в груди болезненно сжимается. Он неотрывно глядел на ноги пешехода, на его брюки, на его обувь. Он, без сомнения, УЗНАВАЛ их!

— Возможно, он еще жив? — Сан-Саныч постарался перевернуть человека. Маципура ему помог. Голова пешехода неловко мотнулась, и в ту же секунду Регина вскрикнула. Лицо с разбитым подбородком и ссадиной на лбу было знакомо всем пятерым. Перед ними лежал Дыбин Александр Евгеньевич, следовательно четвертого отделения милиции...

Где-то, пока еще очень не близко, заголосила приближающаяся сирена. Никто из них ее не услышал.

ГЛАВА 11

— Черт возьми, Дмитрий! Я не пьян! Бери всех, кого сумеешь поймать. Ребят Борейко, Савченко и других. Обязательно заскочи по адресу, что я назвал. Без этих людей мы бессильны... Что? К дьяволу Митрофанушку! Послушай... А-а, это уже Чилин? Что?.. И ты туда же?! — Александр раздраженно сунул рацию сержанту ГАИ. — На! Попробуй втолковать им, что ни портвейна, ни водки здесь нет и в помине. Эти олухи мне не верят.

Дежурный неуверенно, ломким голосом принялся докладывать.

— Я бы тебе тоже не поверил, — Мамонт изучал Александра холодным немигающим взглядом. — Ни за что бы не поверил, если б не это...

Он говорил о теле, лежащем на дороге. Они оставили его на месте. За последние пятнадцать минут

мало что изменилось, если не считать подъехавшего гаишника и машин, выстроившихся сверкающей колонной под пирамидальными тополями. Высыпавшие из иномарок вооруженные гаврики тарасились на своего предводителя и терпеливо ожидали команд. Необычность ситуации до них скорее всего не доходила.

Александр шагнул к Мамонту.

— А ты не подумал, что у меня может быть брат-близнец?

— Брат-близнец? — Мамонт хмыкнул. — Это было бы чересчур.

— Чересчур?!..

— Саша, — позвала Регина. — Не задирайся.

Кинув в ее сторону косой взгляд, Мамонт с сожалением признал:

— Она права. Не время и не место. Хотя Винта я тебе когда-нибудь припомню.

С гримасой брезгливости Александр отвернулся, не терпеливо кивнул сержанту.

— Ну что, убедил их?

— Честно говоря, не совсем понял, — милиционер тягостно переминался с ноги на ногу. Конечно же, не от холода. Трясущейся рукой он вернул рацию и тут же ухватился за кожаную портупею. То ли для того, чтобы скрыть предательскую дрожь, то ли для того, чтобы чувствовать близость кобуры.

— Але, Чилин? — Александр ощутил прилив усталости. Денек выдался на славу, по-настоящему паровой. Пять лет жизни можно смело вычеркивать... — Ты слышишь меня?.. Так вот, это не просто гипнотизеры и телепаты, это намного хуже. Твои дзюдоисты с пукалками «Макарова» ничего тут не сделают. Поэтому обязательно заверни к аномальщикам. Сан-Саныч их уже предупредил. Что?.. Тогда дай мне Губина, что ли!..

Мамонт с усмешкой прислушивался к перипетиям разговора.

— Похоже, с вами каши не сварить, — он чуть повернул голову, и к нему немедленно подбежал один из гавриков. — Передай остальным: едем к гостинице. Прямо сейчас. Там на месте и разберемся.

— Подожди! — Александр оторвался от рации. — Ты что же, ничего не понял до сих пор? Да ведь тебя с твоими молодчиками в порошок сотрут.

— Разве не ты первый порадуешься такому событию? — Мамонт недобро прищурился. — А на твои заботы мне плевать. У меня свои методы договариваться с оппонентами.

— Что ж, езжай, желаю удачи. Попугай их своими погремущками...

— А гранатомет? У нас ведь есть еще гранатомет!

У Александра потемнело в глазах. Рядом с Мамонтом стоял Зиновий Громбальд. С массивным стволом РПГ за плечами, с шаловливым выражением на лице.

— Так шарахнем, что мокрого места не останется, — Громбальд с пыхтением опустил гранатомет к ногам, приветливо всем улыбнулся. — А еще имеется парочка пулеметов системы Дегтярева. Ураганная вещь! Несколько устаревшая, зато проверенная в деле.

Овеянная, так сказать, славой побед и поражений, вдоволь нюхнувшая порошу...

— Кто это? — левая бровь Мамонта изумленно поднялась. — Тоже ваш человек?

— Я ничейный! Ей-богу, ничейный! И в то же время самый что ни на есть свой, — Громбальд с готовностью зашелестел бумагами. — Вот и паспорт, и метрика о рождении, справки об образовании, проездной...

— Кто этот клоун? — закипая, повторил Мамонт. Гаврики, столпившиеся у машин, напряженно зашевелились. Александр открыл было рот, но слова застряли в горле. Он не мог вымолвить ни звука. Знакомое оцепенение сковало по рукам и ногам. А Громбальд уже тряс опешившему мафиози руку.

— С большим, признаться, удовольствием!.. Все-таки знакомство не из обычных, так что имеет честь представиться: Громбальд Зиновий Цезаревич! Или Кесаревич, как хотите. Некоторым образом лучший друг Саши Дыбина, хотя он, вероятно, об этом не подозревает. Словом, можете называть меня Зинкой, но лучше не надо. Это для близких, а мы ведь с вами еще только-только...

— Я!.. — Мамонт захрипел. Возможно, с ним происходила та же история, что и с Александром.

— Знаю, знаю! Вас мне и представлять не надо. Мамонтов Анатолий Валерьевич, тридцать шесть лет, две перенесенных операции. Детская, извиняюсь, грыжа и классический аппендицит. Аппендицит, кстати сказать, чистый, без сепсиса. Перитонит был не за горами, но прозорливый врач Никодищенко Матвей Григорьевич из сороковой больницы...

— Прочь! — взревел Мамонт. Выдернув руку из цепких пальцев Громбальда, он хлестнул говоруна по лицу. Двое из шестерок немедленно присоединилось к хозяину, с усердием отвесив Зиновию по оплеухе.

— Это я вам тоже припомню, — зло развернувшись, Мамонт зашагал к машинам.

— Господи!.. Что за нравы! Как пал менталитет! — Громбальд размазывал по лицу слезы и кровь. — Бьют среди бела дня и кого бьют? — калеку! Инвалида жизненных депрессий...

Регина, Маципура, Цой и гаишник с ужасом взирали, как ерзает на земле тот, кто еще совсем недавно стоял на своих двоих. Старая история повторилась. Словно ящерица, отбрасывающая хвост, Громбальд отказался от ног, сменив их на маломерки, которые едва бы подошли и ребенку.

— Это один из них, — выдохнул Александр. Дар речи вернулся к нему.

— Значит, они все знают?

— А как же! — Громбальд петушком подскочил на своих миниатюрных ножках. Лицо его лучилось торжеством, следы крови исчезли сами собой. — Такая уж у нас служба! Знать все наперед и задолго. Когда там еще светопредставление случится, а мы уже, как говорится, тут, на месте... Помните арию Фигаро? Славная ария... К примеру, интересуетесь вы погодой на завтра: что, мол, и как — снег или землетрясение? Вам тут же докладывают — коротко и

ясно: мороз минус тридцать, возможен сход лавин, местами капель с гололедом. Вы отвечаете «мерси» и надеваете телогрейку с коньками. Все! Недоумение улажено, вы полностью укомплектованы. То же самое и у нас. Симпозиумы — вещь не частая. Их надо готовить, их надо возвращать, подобно редкостным кактусам. Здесь вам все-таки не Мадрид и не Мадрас. В тутошних гостиницах вполне могут прожить и самые настоящие крысы. А если есть крысы, то гости к вам не приедут. Они люди почтенные и к крысам питают антипатию, — Громбальд доверительно взял Регину за локоток. — Вы только представьте себе: почетного гостя приглашают в этакий караван-сарай! Он, наивный, собирает вещи, покупает билеты на все виды транспорта, приезжает, а тут — клопы! Или того хуже — непростиранная простынь. Наш гость в ужасе. Он хватается за голову и выбегает в коридор. И что же он там видит? Лакей-вор подглядывает в замочные скважины, а попутно расставляет капканы на жирных крыс. Ясное дело, до клопов ему нет дела, а сводница-коридорная вместо служебной помощи начинает строить глазки и вскользь осведомляется насчет наличия валюты. Гость в панике, он готов звонить в милицию, хотя точно знает, что милиция не поможет. Не верите мне, спросите у Саши. Милиция не ловит крыс и тараканов, у нее есть дела поважнее — например, протоколы и отпечатки пальцев. Вот и скажите, что нашему гостю делать? Что? — Громбальд страдальчески закатил глаза. — Разумеется, ответа вы не знаете. А вот я знаю. Нашему гостю ничего другого не остается, как плюнуть и уехать. Прежде всего потому, что он гость и приехал для решения важных вопросов. И он не обязан спрашивать у коридорной швабру, дабы отбиваться от крыс и тараканов. Он, то бишь Гость, есть важная персона, и более чем стыдно предлагать ему спать на мокром в присутствии насекомых, да еще в обнимку с коридорной, которую и обнять-то уже невозможно. Бррр... А если вдобавок течет батарея и не закрывается форточка? Да ведь он замерзнет, наш гость! Не умрет, конечно, и не заболеет, но ведь обидится!.. А когда обижаются магистры, поверьте мне, это страшно. Потому что где-нибудь в Никарагуа или славном Гондурасе немедленно начинают затеваться теракты и летят чьи-то головы. Я вижу, вы понимаете меня. У вас жесткий характер, но добрая душа, — Громбальд слезливо ширкнул носом. — Нежное сердце — такая редкость, дорогая моя. И ваша скорлупа его не спасет. Первые трещины я замечаю уже сейчас...

— Послушайте, Громбальд! — Александр шагнул к человечку.

— Зачем же так официально? Как-никак старые знакомые, я почти полюбил вас. Как сына, как внука... Да, да, Саша! Вы могли бы быть моим внуком! А тот фонтан... Ведь это не я, ей-богу! Я и сейчас казнюсь, что не удержал Панкратило...

Маципура выдернул из-за пазухи револьвер. Раньше, чем кто-либо успел что-нибудь сообразить, хлоп-

нул выстрел. Театрально взмахнув руками, Громбальд кувыркнулся на землю.

— Ты... Ты... — Регина потрясенно переводила взор с Маципуры на расprostертое тельце. — Зачем ты это сделал?

— Разве непонятно? Он же мозги нам всем вкручивал!

На глазах у Регины выступили неожиданные слезы. Кусая губы, она умоляюще взглянула на Александра.

— Когда же это все кончится!.. — пальцы ее сжались в кулачки.

— Успокойтесь, ничего особенного не произошло, — Александр шагнул к убитому. — Вставай, Зинка, хватит паясничать.

Громбальд открыл сперва один глаз, затем другой. На лицо его легла скорбная тень, но тут же и пропала.

— А ведь кое-кому стало меня жаль, — торжественным тоном произнес он. Опершись о землю, сел.

За спиной у Александра послышались убегающие шаги. Бежал не выдержавший напряжения гаишник. Они смотрели ему вслед и молчали. Бережно отряхнув пиджак и коротенькие брючки, Зиновий поднялся.

— Если бы со своего боевого поста убежал я, меня назвали бы дезертиром, — гордо заявил он. И без видимой связи с первым добавил: — Но кое-кому я все же не советовал бы стрелять повторно.

— Вот как? — губы Маципуры дрогнули. — Что ты мне делаешь, лилипут?

Громбальд со значением поглядел в глаза телохранителю.

— Отпрызу правую руку, — просто сказал он. — Или пожалуюсь Панкратило.

— И все-таки Сашка спятил, — Челентано тщетно пытался укрепить под мышкой кобурку. — Сообщаю сразу: ни единому его слову не верю.

— Как бы то ни было, что-то там стряслось, — Дмитрий подмигнул взволнованному Казаренку. — Остаешься за главного. Антон! Не шалить и фантиками не сорить!

— Я и конфет-то не ем!

— Смотри, ведро мусорное перетряхну, проверю!.. Ну что, Николай, где там твои гвардейцы? Если Сашок не шутил, возле гостиницы затевается основательная свалка.

— Сейчас подойдут.

— Отправляйтесь, пожалуй, прямо туда. А я быстренько заскочу за экстрасенсами.

— Экстрасенсы! — Челентано фыркнул. — Дождется, что пронюхают Кешкины лаборанты. До конца жизни будут смеяться.

— Не дрейфь, смех — дело хорошее, авось не помрем. Если Сашок сказал надо, значит надо. Ого! Это еще что такое?

В кабинет, пятась, как рак, проник Петя-Пиво. Следом за ним раскачивающимся кавалерийским шагом вошел высоченный усач в плаще, в диковинных ботфортах и широкополой шляпе.

— Эй, гражданин!..

— Предпочитаю, чтобы меня звали по имени, — громовым голосом объявил усатый. И тут же представился: — Панкратило! Пан Панкратило. Можно и без «пана».

Наткнувшись на стул, Петя-Пиво сел. Выглядел он до чрезвычайности плохо.

— Гмм... Чем, собственно, обязан? — брови Челентано озадаченно сошлись на переносице. Он несколько растерялся.

— Не «чем», а «чему», уважаемый. Впрочем, фольклор — вещь переменчивая... — Панкратило подхватил одно из кресел за спинку, со стуком поставил на середину комнаты. Усевшись, по-хозяйски закинул ногу на ногу.

— Есть, господа, небольшое дельце! — сообщил он. — За тем, в общем-то, и забежал. Отниму у вас максимум минут двадцать-тридцать...

— Ни минуты и ни секунды! — отрезал Челентано. Он сумел-таки взять себя в руки. Мгновения первой ошарашенности прошли. — Если дело спешное, с вами разберется дежурный, а сейчас прошу немедленно покинуть помещение!

— Забавно, — Панкратило усмехнулся. — Вы считаете, ваш дежурный еще на что-то способен?

— А ну брысь!.. — это вырвалось у Казаренка, который вдруг разглядел, что через порог одна за другой сигают кошки. Черные, серые, полосатые, они, мяуча, озирали собравшихся и довольно организованно рассаживались вокруг усача.

— Попрошу не шикать! — Панкратило нахмурился. — Это, как у вас выражаются, со мной. Некое подобие свиты.

— Не знаю, как там у нас выражаются, но всю эту свиту вы заберете с собой и сию же секунду! Если, конечно, не хотите неприятностей.

— Неприятностей? — Панкратило расхохотался. Дмитрию Губину почудилось, что от смеха незнакомца в окнах задрожали стекла. Впрочем, так оно и было. Коля Савченко обратил к Чилину недоумевающее лицо.

— Да выставить его отсюда, и все! Там же Саша ждет...

— За Сашу вашего не волнуйтесь. С ним обязательно разберутся. И не только с ним. Все, что от вас требуется, это всерьез заняться Мамонтом и его людишками. Это мое главное предложение.

— Кто вы такой? — Челентано шагнул вперед. — Ваши документы, гражданин!

Одна из кошек встала на его пути, грозно урча. Другие заметно придвинулись к ней.

— Легче, легче, капитан! — Панкратило замысловато покрутил пальцем. — Учтите, это не явка с повинной, это визит доброй воли. Я мог бы и не разговаривать с вами. Если пожелаете, я уйду...

— Нет уж! Теперь вам придется ответить на все наши вопросы!

Закинув назад голову, Панкратило вновь расхохотался.

— Прекратите же этот идиотский смех! — Челентано отшвырнул ногой приблизившуюся кошку.

Замолчав, Панкратило поднялся. Лицо его менялось на глазах. Сначала оно стало просто злым, а

потом... скулы его быстро поползли вишь, нос уменьшился вполовину, глаза утонули под черепными дугами. Какое-то мгновение он походил на пещерного человека, но стоило присутствующим моргнуть, и все снова вернулось на свои места. Только усы Панкратило продолжали воинственно топорщиться.

— Я превращу вас в индюшку, капитан. Досрочно. А возможно, в болотную жабу. Интересно, что вы сами предпочитаете?

Коля Савченко прыгнул на усача, выставив перед собой ступню. Видимо, он дошел до точки. Никто не успел остановить его. И конечно же, коллеги не ожидали того, что произошло в следующую секунду. Без усилия уклонившись от ступни, усач встретил атакующего кулаком. И когда Коля Савченко, призер городских соревнований, мастер спорта по айкидо, рухнул ему под ноги, пан победно сообщил:

— Нокаут. Так это, кажется, называется?

Челентано не дал ему договорить. Выхватив пистолет, он выстрелил вверх широкополой шляпы Панкратило.

— На пол, дрессировщик!..

— Чушь! — прорычал усач.

— А я сказал: на пол!

Удивительным образом усы у Панкратило исчезли, и вместо них стали стремительно прорастать два желтых, загибающихся кверху клыка.

— Господи! — Казаренок слепо зашарил по поясу, сию же секунду отыскав кобуру. Впрочем, оружие нашлось у всех. Начало было положено. Первую пулю в чудовищного гостя всадил Дима Губин. К нему присоединились остальные. Высоченного кавалериста больше не было. Стреляли в какое-то полуживотное с выпирающими бивнями, с огромными мускулистыми лапами, с горящими желтым огнем глазами. Оглушающе рыча, Панкратило попробовал добраться до Чилина, но тот метнулся за стол. Одна из пуль угодила чудовищу в лоб, Антоша швырнул в него тяжелым табуретом. Огласив комнату тигриным ревом, Панкратило начал отступать к выходу. Кровь хлестала из его тела ручьями. Открылась и закрылась дверь, выстрелы смолкли.

— Черт побери, где он? — держа пистолет наготове, Дима Губин приблизился к порогу. — Никого... Ни здесь, ни на лестнице.

— А пятна крови есть?

— Вроде нет...

— И кошки куда-то пропали.

— Плевать на кошек! Усач — вот что важно!

В комнате плавали серые дымные клубы, остро пахло пороховой гарью.

— А ведь Сашка-то про них говорил, — неожиданно сказал Чилин. — Будто бы в гостинице они обособились. Целая шайка. А я, дурак, не поверил.

— Не ты один...

— А пули их все-таки берут, сволочей. Иначе не стала бы удирать эта зверюга.

— Знать бы, куда она удрала.

Дмитрий Губин проверил обойму.

— Надо же! Весь магазин расстрелял и не заметил.

— И у меня то же самое.

— В другой раз запаску держите поближе...

Нервное напряжение не проходило. Они перебра-
сывались ничего не значащими фразами, понимая, что
стрельбой дело не завершилось. В глазах сослужив-
цев каждый мог прочесть один и тот же вопрос.

Помотав головой, Савченко тяжело проковылял к
креслу.

— Вот гадина, — очумело пробормотал он. — Как
мальчишку сопливого, раскрутил...

Не дойдя до кресла, он пошатнулся. С трудом ус-
тояв, обвел всех мутным взором.

— Что это?

Дмитрий Губин собрался было ответить, но с
изумлением ощутил, что земля уходит из-под ног. Он
ухватился за стол, но тот заскользил по половицам,
с грохотом ударившись о стену. Опрокинулся двух-
створчатый шкаф, в стороны брызнули осколки, рос-
сыпью полетела служебная литература. Одно из окон
распахнулось, и они с содроганием услышали зна-
комый рык.

Взвизгнув, Казаренок на четвереньках пополз от
окна, но пол все круче становился на дыбы, вслед за
опрокидывающейся мебелью и сыплющейся канцеляр-
ской утварью их влекло к стене. Ощувив чудовищной
силы толчок, Дмитрий чудом не вывалился на улицу.
Впрочем, улицы, как таковой, уже не существовало.
Через раскрытое окно в комнату заглядывал огромный,
в розовых прожилках глаз. Глаз этот моргнул, и рес-
ницы со скрежетом полоснули по жестяному карнизу,
оставив отчетливые следы. Людей вновь подбросило
в воздух, и, цепляясь за стены, Дмитрий с ужасом осоз-
нал, что чудовищный циклоп вытряхивает их из ком-
наты, как ребенок вытряхивает наловленных жучков из
спичечного коробка. Он попытался ухватиться за ра-
диатор, но опоздал. Его крутануло на месте, и потеряв
опору, следом за размахивающим руками Чилиным он
вылетел из кабинета.

...Они лежали в самых различных позах, и страш-
ный глаз изучал их сверху. Удивительное заключалось
в том, что все они были живы. Гигантская ладонь при-
ютила сослуживцев в полном составе. Голос, падаю-
щий с небес подобно раскатистому грому, без сомне-
ния, принадлежал Панкратило. Дмитрий разбирал лишь
отдельные слова, но общий смысл до него тем не
менее доходил.

— Куда же вас теперь, родимых? Родимых и таких
упряменьких? Под каблук? Или кошечкам поиграть?..

— Смотрите! Это же наша комната!

Дмитрий огляделся. То, что Антоша назвал комна-
той, было настолько огромно, что далекий потолок
вполне подходил под определение неба, а мебель, воз-
вышавшаяся там и тут, напоминала горы Закавказья.

— Аквариум! Он несет нас к аквариуму!

Решение, которое принял великан, повергло их
в трепет. Стекланный куб, формами и размерами на-
поминающий здание ЦУМа, приближался с жестокой
неотвратимостью. Подобием самолета ладонь воз-
неслась над водой, и Дмитрий разглядел далеко

внизу подвижные спины меченосцев. Рыбины, шны-
ряющие в зеленоватой глубине, чем-то напоминали
акул, их острые серповидные хвосты то и дело по-
казывались на поверхности, заставляя сослуживцев
вздрагивать.

— Цыпа-цыпа-цыпа!.. — пальцы циклопа медли-
тельно раздвинулись, плоскость, на которой они лежа-
ли, накренилась. Уцепиться было совершенно не за
что, и с криками один за другим они посыпались в гля-
цевую гладь аквариума.

Пережив холодную стремительность полета, Дмит-
рий погрузился в воду. Он тотчас отличил ее непривы-
чные качества. Не было ни брызг, ни звонкого плеска.
Зато и держаться на плаву оказалось значительно
легче. Справа с выпученными глазами барахтался
Казаренок. Было ясно, что плавать он абсолютно не
умеет. И все-таки он тоже не тонул.

— Савченко!.. Ты не видел Савченко? — рядом с
Дмитрием из воды показалась голова Чилина. — Надо
бы собрать всех вместе.

Дмитрий молча ему позавидовал. Даже в этой эк-
стремальной ситуации Чилин оставался прежде все-
го начальником. Чувствуя ответственность за людей,
он готов был объединять, сплачивать и вдохновлять.
Вот бы кого на место Митрофанушки, да только не
выйдет. Из века в век люди предпочитают занимать
места чужие. Оттого и катится все в тартарары, ругань
вытесняет обычную речь, а в народных избранных
хочется швырять гнилыми помидорами.

— Нужно плыть к кормушке, слышите?..

Дмитрий кивнул. В несколько гребков дотянулся до
Казаренка и, ухватив коллегу за шиворот, медленно
поплыл в сторону покачивающегося на воде понтона.
Именно так теперь выглядел пенопластовый прямосу-
гольник кормушки.

— Рыбы! Остерегайтесь рыб!

Дмитрий встревоженно закрутил головой. Казаренок
луце прежнего забултыхал ногами и руками. Кричал
Антоша. Он первым заметил опасность. То, чего они
мысленно опасались, произошло. Оголодавшие мече-
носцы приняли их за корм и предпринимали атаку за
атакой. И снова с небес покатались громовые раскаты.

— Цыпа-цыпа, рыбоньки!..

Великан склонился над аквариумом и удовлетво-
ренно прищелкнул языком. Выпрямившись, величест-
венным шагом двинулся вон из комнаты.

— Мерзавец! — Челентано колотнул по воде кула-
ком. Его только что укусил один из меченосцев. —
Ушел-таки!..

— Бейте их в рыло, как акул!

Опустив глаза, Дмитрий рассмотрел, как из зеле-
новатой глуби наверх поднимается изящная тень.

— Ходу, Казаренок! — он взбрыкнул ногами, уго-
див по чему-то живому, и с силой потянул за собой
маэстро канцелярских дел.

Уже через несколько мгновений они цеплялись
за обросший водорослями скользкий край кормушки.
Опередив всех, на понтон вскарабкался Антоша и,
плюхнувшись на колени, стал помогать Казаренку.

— Вот зараза! Все-таки тяпнула одна! — Чилин выбросил на плот тренированное тело, перекатился на спину. Плечо его кровоточило. — Савченко, держись!

Лишь оказавшись на зыбком клочке суши, Дмитрий разглядел, что рыбины все свое внимание переключили на оставшего оперативника. Захлебываясь и кашляя, тот бил их руками и ногами, временами надолго скрываясь под водой.

— Черт! Да это никак Варфоломей его треплет! Не сдох, значит, подлюка.

— Держись, Коля! — Челентано вытряхивал из пистолета воду. — Сейчас мы им зададим...

Щелкнула запасная обойма, в уши ударило выстрелом.

— Давай, Чилин! Лупи их в хвост и в гриву! А ты, Савченко, шуруй на всю катушку!

Пули впивались в воду, прорезая длинные пузырьчатые лучи. Некоторые из них достигали цели, заставляя меченосцев выписывать бешеные круги, взвиваться малиновым телом над водой. Вскоре Колю Савченко уже выдергивали на пенопластовую твердь.

— Эй, господа хорошие, опрокинемся! — Дмитрий заметил, что кормушка опасно кренится. Все шестеро рисковали вновь очутиться в жутковатой близости от оголодавших хищников.

— Подумать только, меченосец размером с корову! — губы у Савченко дрожали. Жалкий, вымокший до нитки, он походил на перекупавшегося подростка.

— Да уж... Вернись все обратно, лично вышвырну этот ящик на улицу! — Чилин, морщась, изучал покусанное глечо. Придвинувшись к нему ближе, Дмитрий оторвал от рубахи широкую полосу и занялся оказанием первой помощи.

— Инстинкты, господа-товарищи, грубые инстинкты! В сущности, милые меченосцы не алчут крови, они попросту хотят кушать.

— Вот бы и кушали друг друга!

— Это уже каннибализм.

— И что с того? Нормальная вещь! Каннибализм...

Человек в широкополой шляпе возник из воздуха, из ниоткуда. Пышные усы его дымились, дыхание со свистом вырывалось из ноздрей и простреленной груди. Александр сразу обратил внимание на залитый кровью плащ незнакомца. Предчувствуя самое недоброе, оглянулся на Маципуру. Тот уже держал усача на прицеле.

— Не стоит, молодой человек. Как видите, сегодня в меня уже стреляли и без особого успеха... — повернув голову, странный человек неожиданно рявкнул: — Зинка! Ты все-таки упустил их! Я что тебе говорил?!

— Пан Панкратило, выслушайте! — Громбальд забегал вокруг человека в шляпе. — Ей-богу, старался, как мог. Вот и свидетели, простые мирные граждане. Один, правда, убежал, но можно еще вернуть. Вы же знаете, как я бегаю. Как говорится, сложное — трудно, простое — труднее. А тех, что в машинах... Поверьте, их было не меньше сотни. И все, как один, с гранатометами. Грубые, отвратительные типы! Ударили Громбальда в нос, уда-

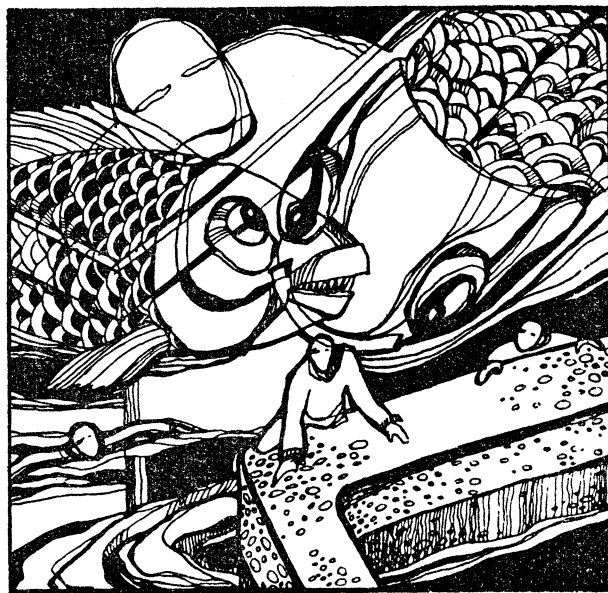
рили в ухо... Пожалуйста, полюбуйтесь! Вполне возможен перелом надкостницы, — у Громбальда вновь побегало из носа. Он жалобно зашмыгал, глаза его увлажнились. — Вы же знаете, ради дела я готов на все. Даже на предательство. Но эти мерзавцы наводили на меня гранатометы. Шесть или семь штук сразу. Как говорится, еще немного, и бедного Громбальда можно было бы собирать по частям...

Последние слова он почти пропищал. Панкратило молча поманил его пальцем, и он покорно поплелся к усачу.

— Никогда не ври, когда отвечаешь перед кандидатом. Дхарма — это дхарма! Впрочем, ты и сам знаешь, — медный кулак обрушился на голову Зиновия. — В следующий раз получишь звонче. Вот так... Ага! А это еще что за театр?

Взор Панкратило пробежался по Александру и распростертому на асфальте двойнику.

— Зиновий! Я тебя спрашиваю!

Причитая и охая, Громбальд принялся объяснять, что было вполне честное намерение задержать и немножко, как говорится, припугнуть. И все бы вышло замечательно, если бы неожиданно не наехали машины Мамонты...

— Ясно, — Панкратило нервно шевельнул плечом, и злосчастный труп растворился в воздухе. — Машины, стало быть, уехали, один из свидетелей удрал, остались только эти пятеро.

— Пятеро, — Громбальд энергично закивал. — Как есть пятеро. Цифра магическая, в некотором смысле роковая...

— Не болтай попусту!

— Так ведь я и говорю: пятеро правдолюбцев, с коими была проведена беседа на тему о вреде мифоманства и фрустрационных иллюзий, подмывающих общественный фундамент...

— Короче!

Глотая слова, Громбальд заторопился.

— Я... То есть, в смысле обоюдоострого понимания, как вы и велели, придерживался стратегии ригоризма. Четко, ясно, по инструкции. Однако, в связи с нехваткой времени для комплексного изложения незыблемых основ, увы, не сумел, не оправдал. И как бы ни было горько, позиции костного пуризма временно одержали верх. Хотя и были расшатаны на малую толику. Я бы сказал: на пару или тройку йот, что, впрочем, тоже свидетельствует о некотором здравомыслии вышеупомянутой пятерки, хотя и с преобладанием мнимого потенциала. Йотовая компонента — вещь весомая. Я бы назвал ее тенью, убивающей цивилизацию!..

— Словом, ты старался, как мог, — равнодушно констатировал Панкратило.

Зиновий расцвел. Робким рефреном подхватил:

— Как мог, я старался! Как умел и верил! Как учили меня вы и ваши наставники, как учит...

— Заткнись! — взгляд серых прищуренных глаз задержался на Регине.

— Храбрые дамочки — редкость по нынешним временам.

— Еще какая редкость! — откликнулся Зиновий. — Как говорят, не зная тьмы, не познаешь и рассвета. — Он явно радовался, что внимание Панкратило переключилось на постороннее лицо.

— Итак, мнимая часть процветает, действительная стремится в пропасть, а мы продолжаем упорствовать? — усы Панкратило грозно шевельнулись. Он все еще смотрел на Регину. — Вероятно, мы забываем, что всякое упорство сопряжено с риском, а потому по сути своей — не что иное, как роскошь.

С восторженным возгласом Громбальд выхватил блокнот с карандашом и, послушав грифель, стал быстро что-то записывать.

— Вы видите эту пулю? — усач разжал ладонь, на которой блеснул кусочек металла. — В любую секунду по моему желанию она окажется в сердце одного из вас. Без применения какого-либо оружия. Учтите, я намеренно не назову адресата. Таковы правила игры. А когда приговор будет приведен в исполнение, оставшиеся в живых вздохнут с облегчением, в полной мере познав радость сохраненной жизни...

— Подлец! — процедила Регина.

— Что вы сказали, милая дамочка?

— Я сказала: подлец! Это ведь вы убили Лесника! Не кто-нибудь из ваших подручных, а именно вы!

— Положим, что я... — на лице Панкратило не дрогнул ни один мускул. — Вы собираетесь зачислить меня в палачи? А с какой стати, позвольте спросить? Я уничтожил не личность, не гения, я уничтожил плетущего сети паука. Это не злодеяние, это благо. В любое время и в любом месте я повторю подобное с легким сердцем.

— С легким сердцем? Да разве оно у вас есть?

— Не сомневайтесь. Имеется. Как и у всех прочих. Могу даже показать. Хотите?

— О, вы не пожалеете! — вскричал Громбальд. — Это что-то особенное — сердце пана Панкратило. Пульс глубочайшего наполнения, постоянный ритм и ни единого намека на ишемию!

— Оно и видно.

— Региночка, ради бога, не распаяйте себя! Пульс пана кандидата в самом деле заслуживает внимания, — Зиновий сунулся было вперед, но Панкратило пинком отшвырнул его в сторону.

— Не мешай дамочке, пусть выскажется. Иногда нужно давать слово и пауchim.

Все произошло молниеносно. Регина шагнула вперед и залепила пану кандидату пощечину.

Зиновий ахнул.

— Боже мой, Региночка, как же так? — Громбальд втянул голову в плечи и заметно уменьшился в росте. — Это же без пяти минут магистр, уполномоченный рынды!..

Чувствуя, что вот-вот произойдет что-то страшное, Александр поспешил выкрикнуть:

— Ну! Давайте же! Покажите, на что вы способны. Перед вами всего-навсего слабый пол. Грех не развернуться в полную силу.

Из груди Панкратило вырвался хрип, больше напоминающий рычание. Слепо он потянулся к горлу Александра, но его опередил Цой. Со свойственной ему внезапностью он очутился между усачем и следователем. Легкий толчок откинул Александра назад. Цой предусмотрительно позаботился о нем, очищая пространство для маневра. Следующим ходом он предпринял безжалостную атаку. Серия резких ударов отшвырнула Панкратило прямо на Громбальда. Рычание и визг смешались воедино. Не останавливаясь, кореец последовал за противником. Он не давал ему ни секунды передышки, работая, как маленький взбесившийся механизм. Громбальд, поскуливая, отбежал в сторону. Панкратило же силился вскочить на ноги, но всякий раз, когда он почти поднимался, кореец вновь превращался в подобие урагана и всемогущий кандидат летел на землю. От плаща его валил дым, лицо чернело, становясь похожим на тлеющую головню. Неожиданно он вспыхнул ярким факелом, рассыпая искры, широко распахнул руки. Цой отскочил назад.

— Куда же ты, малыш? — проревел Панкратило.

— Мы ведь только начали, разве не так?

Пламя, рвущееся из чудовищного тела, обжигало на расстоянии. Люди поневоле отступали назад. Уклонившись от смертоносных объятий, Цой юркнул за машину.

Сбоку от Александра прогремел выстрел. В сражение включился Маципура. Впрочем, пан кандидат этого даже не заметил. Охота за неуловимым корейцем захватила его целиком.

— Лови его, Зинка! Сто рупий за одно ухо!

— Майн либер босс, — голосок Громбальда дрожал. — Это варварское ристалище... Уместно ли? Мирный путь урегулирования, если приложить к тому ум и совесть...

— Сто рупий! — прорычал Панкратило. — Или будешь бит!

— Яволь, пан Панкратило. Если вы так желаете...

Неловко подпрыгивая на коротеньких ножках, Громбальд присоединился к хозяину. Держа Регину за пле-

чи, Александр попятился. На пистолетик, очутившийся в ее руке, он даже не посмотрел.

— Это бесполезно, Регина. Совершенно бесполезно...

Они увидели, как на четвереньках Громбальд достиг корейца и, обхватив за туловище, с воплем покатылся с ним по траве. Расстреляв патроны, Маципура с руганью швырнул револьвер в огненное чудовище. Панкратило с хохотом повернулся к ним.

— Что ж, пора заняться и вами!

Он уже шагнул было вперед, когда неожиданно что-то произошло. Остановившись, пан кандидат вскинул голову. Пламя с шипением сползло на землю и исчезло. Панкратило вновь становился самим собой.

— Зинка! Ты слышишь?

Только сейчас они разобрали, что где-то неподалеку идет яростная стрельба. Изрядно поцарапанный Зиновий уже ковылял к хозяину.

— Это Мамонт! Он уже возле гостиницы. Ведь я говорил, я предупреждал!..

Схватив себя за волосы, Панкратило протяжно взвыл. Лицо его было перекошено от ужаса. Взмахнув рукой, он уцепил Громбальда за ворот. Над головами людей зашипело, заискрило разрядами. Сумрачный вихрь налетел на двух кудесников, закрутил в пыльном смерче.

Несколько позже Маципура утверждал, что Панкратило с Зиновием вознеслись к небу. Александру показалось, что магов поглотила земля.

Здание гостиницы нависло над ними мрачной махиной. От него веяло холодом и грозовой готовностью. Разобраться в этом странном ощущении Мамонт был не в состоянии, но в одном он не сомневался: каменная громада чувствовала их враждебную близость и, как боксер, застывший в углу ринга, собиралась с силами для отпора. Злые флюиды покалывали затылок, заставляли сердце биться с переборами, и ни сигара, которую он тискал зубами, ни усмешка, предназначенная для гавриков, не смягчала их действия. Группа бойцов, столпившись возле машин, тоже не казалась уже грозной и впечатляющей. Совсем некстати вспомнилось ехидство Регины и беспокойство Лесника. Может быть, в чем-то они не ошибались?.. Мамонт поежился. А ведь они боялись этого места! Как пить дать, боялись...

Ощущение налетело, как ветер, и тут же в голове явственно всплыло:

«УХОДИ! УХОДИ САМ И УВОДИ ЛЮДЕЙ!».

— Черта с два! — посерев от страха, Мамонт передернул затвор автомата. Он проделывал это уже в третий раз, и третий патрон, со звоном высвободившись из неволи, поблескивая, покатылся по тротуару. Помощники, стоявшие справа и слева, настороженно переглянулись. Поведение босса их пугало.

«УХОДИ!»

Голос звучал монотонно, скрипучим гулом заполняя череп. Это не было приказом, это не было просьбой. В мысленной фразе слышались безразличие и усталость. Пьеса, которую разыгрывали ОНИ, не

предусматривала зрителей. Голос, который он слышал и не слышали его гаврики, вполне мог принадлежать говорящему роботу. Их не пытались уговаривать. Их попросту предупреждали. «УХОДИ И УВОДИ ЛЮДЕЙ!»

— Нет! — разом решившись, Мамонт вскинул автомат и надавил спуск. Грохот взорвал полуденный покой площади. Редкие прохожие шарахнулись в боковые улочки, троллейбус, тормозивший на углу, так и не затормозил, с гудением помчавшись прочь. Теперь уже палила вся команда. Автоматическое оружие с блеском исполняло хоровую программу. Гильзы градом летели под ноги, одно за другим окна в гостиничном здании раскалывались вдребезги. Подобной канонады в городе, должно быть, не слышали со времен Великой Отечественной. Сотни пуль впились в плоть здания, но крови не было. Вместо нее ручьями осыпалось дробленое стекло, стены покрывались дырами и трещинами, всплескивая дымным измельченным мрамором.

Появление на крыльце гостиницы бородатого человека картины не изменило. Мамонт отчетливо видел, как свинцовые потоки крошат ступени под его ногами, дверь за спиной незнакомца раскачивалась, прошиваемая насквозь. Это казалось страшным и необъяснимым. Вышедший из гостиницы человек стоял несокрушимо, совершенно недосягаемый для снующей вокруг смерти. Выглядел он скорее озабоченным, нежели встревоженным, и у Мамонта мало-помалу крепла догадка, что голос, слышимый им, принадлежал не роботу, а этому насупленному бородачу.

Огонь постепенно затихал. Сам собой. У кого-то кончились патроны, некоторых доконало нервное напряжение. Вблизи странного бородача тем временем возникла пара силуэтов: усач в широкополой шляпе и коротышка, которого Мамонт видел совсем недавно на дороге. Понурясь, они стояли перед бородачом, и маленький человечек, переминаясь на недоразвитых ножках, что-то быстро говорил.

Патрон в автомате Мамонта перекосило, и он вдру с ужасом понял, что больше никто не стреляет. Тишина обрушилась девятим валом, самым мощным, самым безжалостным. Стоило ему прокатиться над головами, как до людей донеслась визгливая речь коротышки.

— ...разве же это нравы? Это черт-те что! Слово чести! — так и передайте благородной ассамблее — меня били по лицу и обзывали клоуном. Я стоял грудью, настаивал, но разве можно отстоять заветы, когда перед носом покачиваются гранатометы? Не менее дюжины тяжелых устрашающих стволов! Ей-богу, не сойти мне с этого места, мы делали все, что могли!..

— А могли мы немногое, — робко вставил Панкратило.

— Скройтесь с глаз моих, — тускло проговорил бородач. На коротышку с усачем он даже не смотрел.

— Одну минуту, мсье магистр! Одну крохотную секунду! Так сказать, слово для защиты... Взгляните на нас! Пан Панкратило напоминает дуршлаг, я похудел. Семь с половиной кило, почти девятнадцать фунтов!..

— Все! — бородач поднял руку, и усач с коротышкой пропали. Так же, как и появились. Громко икая, Мамонт попятился. За его спиной хлопнула дверца, другая, взревел мотор. Бросая оружие, гаврики торопились к машинам. Никто из них не кричал, бегство происходило молча. Странный человек на пороге гостиницы чуть повернул голову и устремил взор прямо на Мамонта.

«УБИРАЙСЯ ЖЕ, ЧЕРТ ВОЗЬМИ!» Голос прогремел разорвавшейся бомбой. Небо стало огненно-розовым, резкая боль штыками пробила голову и позвоночник. Откуда-то издалека до Мамонта дошла мысль, что ни ног, ни рук он больше не чувствует. Земля, качнувшись, помчалась навстречу, залитым в асфальт кулаком ударила по лицу. Разбитые зубы, солоноватая кровь на языке и губах... Это он еще чувствовал. Кто-то уже тащил его к машине, с криком усаживал на меховые подушки.

— Босс, очнитесь же! Что с вами? Вы ранены?..

«Ранен... Действительно ранен. У меня нет ни рук, ни ног... — Мамонт криво улыбнулся. Одной половиной рта. — Мое тело мне больше не принадлежит. Его отнял бородач. Там, возле гостиницы...»

ГЛАВА 12

Пустыня и паутина... Два этих понятия невообразимым образом смешались в голове. Двигаясь по коридорам гостиницы, Александр представлял себе и то и другое. Эхо шагов летело за ним, толкалось от стен, проникая в опустевшие номера, теряясь в разбитых окнах, где ветер и улица подхватывали их, окончательно обращая в ничто. Александр представлял себя метрономом, отсчитывающим последние секунды часовой мины. Странно, но сравнение это успокаивало его, наполняло самозабвенной уверенностью. Пол превращался в магический барабан, каждый метр пройденного пути приближал к взрыву, а значит, и к долгожданной развязке.

Чужой разум, чужие потемки... Попробуй-ка доброди, — заблудишься с первых шагов. Здесь вам нет поводырей. Наверное, никогда и не будет. Каждый решает за себя сам и живет, сообразуясь с решениями, плохими ли, хорошими, скучными или веселыми. И кто ответит на груды спрошенного — неизвестно. Каждый сам себе ответчик, затем, может быть, и дадена жизнь. Для ответов самому себе на собственные вопросы. Сумей спросить, сумеешь и ответить... Голова у Александра гудела. Он двигался, не замечая ничего вокруг. Внимание было сосредоточено на внутреннем. Внутреннее сосредоточивалось на чем-то совершенно постороннем, внетелесном. Никакой связи, никакой логики... Возможно ли откровенничать с собственным народом? А с другом? С супругой? И должно ли объяснять ребенку истинное положение вещей? А наши бедные парнокопытные и квохчущие крылатые? Стоит ли оправдываться перед ними в склонности к мясоедству? Да и поймут ли они нас? Или это действительно другой уровень? Но кто, черт возьми, придумал эту безжалостную шкалу? И где

затерялись мы сами, на каком таком почетном месте? Ближе к концу или к началу? А может, в особой графе хищников между гиенами и акулами? Вопросы, вопросы... Пугающие, безрадостные... Как ведет себя сильный среди слабых, умный среди глупых, есть ли разница в их поведении? Александр все больше запутывался. Или это не так плохо? Сумей спросить, сумеешь и ответить. Кто же это сказал? Кто-нибудь из древних? Что же такое мудрость? Труд или что-то иное? Вопросы ведь не холодные камушки. Они обладают неприятным свойством жечь, причинять боль, неудобство. Они проникают в сознание, подобно пчелам, жаяя и раздражая, доводя до сумасшествия, до головной боли. Счастливы ли неведующие? А если да, то зачем же тогда все? Все, что нас окружает, мы сами среди этого всего?.. Александр ладонями стиснул виски. Он задавал себе последний, возможно, самый существенный вопрос: зачем он явился сюда, изменив осторожности и благоразумию? В памяти образовалась прореха, в которую провалились Цой с Маципурой, Регина, Сан-Саньч. Он не помнил, отчего они расстались, он забыл, где это произошло. Стены гостиницы выросли вдруг, и коридор приглашающим сумраком указывал направление.

Путь завершился, он был у цели. Нужная дверь угадалась сама собой, и Александр неловко потянулся к массивной бронзовой ручке.

Это не могло быть номером и все-таки это располагалось в гостинице, в самых банальных двухкомнатных апартаментах. Место обитания главного администратора более походило на музейный зал, и богатый, белого ворса ковер покрывал пол от одной стены до другой. В самом центре располагался массивный двухтумбовый стол, за которым восседал человек с бородкой. Чолхан Марат Каримович. Длинные, как у Гоголя, волосы, взгляд страдающего бессонницей и маленькой, по-женски пухлые руки. Ничего божественного, ничего царственного... Покосившись на развешенные тут и там портреты, следовательно приблизился к одинокому, вероятно, поставленному специально для него стулу и, не спрашивая разрешения, сел.

— Итак, Марат Каримович, я пришел. Вы ведь желали этого?

— Мы желали этого вместе, — человек с бородкой задумчиво пошевелил губами. — Порой ситуации складываются так, что объясняться просто необходимо, хотим мы того или нет.

— А вы не хотите?

— Я не хочу.

— Что ж... Спасибо за откровенность.

— Откровенность?.. Ее нет, молодой человек. И не будет. Сожалею, но милое это качество не входит в традиции нашей работы. Такова ее специфика.

— Вы говорите сейчас как администратор заведения?

— Увы, как бывший администратор.

— То есть?..

— То есть, всю мою административную деятельность можно смело отнести к прошедшему времени. Уже завтра из командировок и отпусков начнут возвра-

щаться прежние служащие. Мы приведем гостиницу в порядок и исчезнем.

— Отчего же такая спешка?

— После того, что случилось сегодня... Думаю, вам должно быть понятно. Симпозиум — мероприятие тихое.

— Ясно. Стрельба, вопросы и все такое — не для вас.

— Не для нас.

— Однако, у вас размах, — Александр расстегнул пуговицы пиджака, ослабил ворот. Волнение требовало дополнительного охлаждения. — Ни много, ни мало — целая гостиница... Впрочем, я готов выслушать ваши объяснения, тем более, что объяснить придется многое.

— Вы меня не поняли, — Марат Каримович поднялся, степенно приблизившись к окну, замер спиной к гостю. — Речь пойдет об ином... Насколько я представляю сложившуюся ситуацию, у вас появились серьезные проблемы. Мы — одна из причин и потому готовы некоторые из этих проблем разрешить.

— Этого мало! — Александр почувствовал, что краснеет. Он и не заметил, как очутился в шкуре торгующегося покупателя. И все-таки, повысив голос, повторил: — Нас это не устраивает.

— Расклад, который мы предложим, устроит всех, — твердо возразил Чолхан. Он по-прежнему не оборачивался. — Обещаю выслушать вас самым внимательным образом.

— Но у меня множество вопросов... — Александр споткнулся. — И я плохо себе представляю...

Чолхан нервно передернул плечом.

— Если хотите, я начну за вас. Можете только кивать, хотя это тоже необязательно.

— Но вы использовали настолько жесткие меры. Я думал, что прежде всего...

— Знаю. Панкратило превысил полномочия, а плавать в аквариуме — вещь безусловно неприятная. Но дело уже поправлено. Что еще?

— Аквариум? Вы упомянули об аквариуме?..

— Александр Евгеньевич, в свое время вы все узнаете в самых пикантных подробностях. Без моих объяснений. Так стоит ли терять драгоценные секунды? Может быть, будем двигаться дальше?

— Да, конечно, будем... Здесь, возле гостиницы, произошла перестрелка...

— Ее не было. Стреляли только в нас. Мы же не ответили ни одним выстрелом, — администратор улыбнулся чему-то далекому своему. Помешкав, добавил. — Ну разве что одним-единственным... А рамы, штукатурка, стекла — все будет восстановлено в течение суток. Естественно, не по взмаху волшебной палочки. Работу выполняют ремонтные бригады, а я лишь немного им помогу.

Пауза по всей вероятности означала ожидание, и Александр неуверенно заговорил:

— Дело в том, что один из наших сотрудников пропал. Не знаю, связано ли это с вами, но он занимался розыском опасного преступника, а его помощники...

— Фамилия пропавшего?

— Борейко Лев Антонович. Майор милиции.

На короткое время администратор задумался.

— Высокий, черноволосый, с довольно-таки густой бородой?

— У него не было бороды!

— Теперь есть.

— Но... Но когда он успел ее отрастить?

— Это не так просто объяснить, — Чолхан обернулся к следователю. — Вам следовало упомянуть о майоре в первую очередь. Боюсь, здесь встретятся некоторые осложнения.

— Но он жив?

— Да, но жизнь его проистекает в одном из умерших интервалов. Что-то похожее на временной коллапс. Впрочем, человечеству это еще предстоит открыть...

— Каким образом он оказался там?

Чолхан тяжело вздохнул.

— Дело в исчезнувшем портрете. Один из наших гостей был обворован. Украли картину с изображением дочери Закревского. Возможно, вы о нем читали. Знаменитый алхимик средневековья. По совместительству и инквизитор...

— Не понимаю, при чем здесь майор?

— Не перебивайте меня. Ваш майор столкнулся с этой дамочкой, и, похоже, она спровадила его в ближайшую временную нишу. Ничего не поделаешь, дочка во многом унаследовала способности отца.

— Вы говорили только о картине...

— Совершенно верно. О портрете герцогини Курляндской, непревзойденной красавицы, любимой дочери черного герцога... Признаюсь сразу, есть более надежные способы изоляции. Картина — всего лишь подобие камеры, запираемой на замок. Замок в данном случае являлся портрет дядюшки герцогини. Он и при жизни умел управляться с племянницей. Увы, случай разлучил портреты, герцогиня обрела свободу. С ней-то и довелось повстречаться Борейко.

— Его можно вернуть обратно?

— Можно... Если вы этого действительно хотите.

— Разумеется, хочу!

— В таком случае возвращение произойдет завтра утром. Нам понадобится время на то, чтобы вновь изолировать дочь Закревского.

— Вы не в состоянии сделать это прямо сейчас?

— Не забывайте, герцогиня на свободе уже несколько недель. Такие особы не теряют времени даром. Она успела обзавестись зубками и сплела прочную паутину вокруг своего логова. Кроме того, у нее появился посредник — ваш злосчастный маньяк.

— Он тоже должен предстать перед судом!

— Это уж как хотите. Однако замечу: главная виновница преступлений — герцогиня. Ею мы и займемся в первую очередь.

— Но если она успеет за это время покончить с майором?

— Очень сомневаюсь. Ей сейчас не до него. Скорее всего, о нашем разговоре она уже знает и предпринимает все возможное, чтобы обезопасить себя.

Александр провел ладонью по пылающему лицу.

— Честно говоря, до сих пор не могу поверить, что все это происходит на самом деле.

— Ничего удивительного. Логика вещей заставила вас переступить черту здравого смысла. И скажу прямо, это далеко не просто. Шагнуть мыслью за круг доказуемого — вещь рискованная. Все равно что нырнуть с палубы корабля в океан. Если вас не заметят и не подберут, вы окажетесь вверенным прихоти волн, которых абсолютно не знали раньше. По сути вещи ваш устоявшийся мир — не что иное, как крохотный клочок суши. А сейчас вы вполне сознательно покинули его.

— Только на время.

— Безусловно. Искомый уют кроется в привычном, а земной островок населен привычными истинами. Сомнительными, но тем не менее удобными. Иного принять вы пока не в силах и потому рано или поздно вернетесь на обжитую твердь. Загадочный океан не для вас.

— Неужели этот загадочный океан столь чужд человеку?

— Чужд или не чужд, но факт остается фактом: последние тысячелетия не принесли вашему клочку суши заметного территориального приращения.

— Вы сказали: вашему?.. Но разве сами вы не живете здесь?

— Вашему, Александр Евгеньевич, вашему, и давайте оставим эту тему.

— Но мы должны знать, кто вы такие!

— Вам интересно знать, но вы вовсе не должны... И все-таки я отвечу. Мы — Орден Малиогонта, — веско произнес Марат Каримович. — Хотя навряд ли вам это о чем-нибудь говорит.

— Почему же... Мы не так уж беспомощны, как вам кажется, и некоторые выводы сумели сделать вполне самостоятельно. Если хотите, могу поделиться.

— Ну-ну, любопытно послушать.

— Неважно, как вы там себя величаете, Орденом или как-то иначе, но главное, что вы не пришельцы и вас всерьез волнуют земные дела.

— Мудро, весьма мудро... — Чолхан улыбнулся.

— Не смейтесь. Вы совершенно напрасно отгораживаете себя от человечества.

Главный администратор поморщился.

— Только, ради бога, не употребляйте таких приторных слов, как человеческое сообщество, земное братство и тому подобное.

— Подобные слова вам кажутся приторными?

— Я могу подобрать иное прилагательное, но суть не изменится. Вам, Александр Евгеньевич, поневоле придется согласиться с тем, что даже отдельный индивид зачастую не в состоянии осмыслить собственную самобытность, отделить свое «я» от окружающего. Большинство предпочитает не усложнять жизнь излишними, на их взгляд, сомнениями. И это, к сожалению, объяснимо. Чего уж говорить за все человечество! Трое или четверо не способны придти к единому мнению, парламентарии спорят с утра до ночи и порой готовы вцепиться друг другу в глотки. Иными словами — такой категории, как человечество, на нынешний момент не существует. А потому давайте называть вещи своими именами.

— Давайте, — Александр кивнул. — Итак, в этом здании проходило нечто вроде съезда. Скажем, съез-

да магистров оккультных наук или... рыцарей вышеупомянутого Ордена. Кстати, кто он такой, этот Малиогонт? Один из пионеров магии, возведенный в сан святых?.. Впрочем, я уже сказал: это неважно. Съезд состоялся, и я принимаю это как факт. Почему именно здесь, а не в столице или где-нибудь на комфортабельном Западе?.. Тут я пасую, хотя предполагаю, что разгадка кроется в конструктивных особенностях гостиничного здания. Какая-нибудь параллель с египетскими пирамидами или что-то в этом роде. Допускаю и такую возможность, что проектировщик гостиницы являлся вашим поверенным. Правда, непонятно, как вы допустили разрушение первых двух зданий. Вероятно, нашлись силы, с которыми не способны управиться даже вы. Что-нибудь вроде организованной оппозиции... Мне продолжать? — Продолжайте, Александр Евгеньевич.

— Хорошо. Но для начала надо вам кое-что показать, — следователь достал из дипломата пластиковый конверт и протянул администратору. — Взгляните на это послание. Интересно, что вы о нем скажете?

Двумя пальцами, очень осторожно, Чолхан достал из конверта листок и легонько встряхнул. Зловещее «письмо» послушно развернулось. Александр не спускал с администратора глаз. Секундная пауза, и по лицу Чолхана пробежала легкая судорога, как если бы он узрел на собственном столе дохлую крысу или ком дождевых червей. Положив лист перед собой, он неторопливо прижал его ладонью. Края бумаги трескуче задымились, серые холодные искры поползли сужающимися кругами.

— Это была улика, — глупо пробормотал Александр.

— Улика или не улика, но вещь достаточно неприятная, — Чолхан брезгливо пошевелил пальцами. На полированной поверхности стола таяло туманное пятно.

— Это все, что вы можете сказать?

— А чего бы вы, собственно, хотели?

— Правды! Чего же еще?.. Один человек умер, едва взглянув на эту, как вы верно заметили, неприятную вещь. И мы считали естественным...

— Хорошо! Я дам пояснения, хотя, надо признать, они не устраивают меня самого. Вы действительно угадали насчет съезда. Угадали и насчет оппозиции... Словом, на время проведения столь важных мероприятий охрана Ордена приобретает первостепенное значение. Разумеется, вы в курсе, что люди Лесника угрожали нам и нашему делу. Не скажу, что это всерьез нас беспокоило, но тем не менее на свой страх и риск охрана предприняла некоторые меры. В частности, была совершена попытка устрашения...

— Смерть человека вы называете устрашением?

— А разве не так?.. Возможно, смерть — не самое страшное в этом мире, но в десятку лидирующих ужасов она входит наверняка. И еще раз повторюсь: методы, которые использовала охрана, отнюдь не вызывают у меня восторга. Тем более, что цели своей она

не достигла. По небезызвестным вам причинам съезд сорван и перенесен в другое место.

— Но погибло несколько человек!

— И что же? — глаза Чолхана излучали холод. Не равнодушные — нет! — а странный нечеловеческий холод. Вероятно, из той же серии чувств, коими надлены прокуроры и судьи, хирурги и генералы. Торговец, имеющий дело с центнерами и тоннами, не думает о граммах, — так и для этого могущественного человека, по всей видимости, не существовало такого понятия, как отдельная жизнь. Александру показалось, что на него смотрит сама долгая холодная вечность. Орден Малиюгонта неожиданно представился ему черным гигантским спрутом, облепившим планету щупальцами. Возможно, он спасал их от многочисленных катастроф, но, спасая, он не желал замечать погибающих под присосками. Это было мелочью, изначально предусмотренной и сброшенной со счетов в жутковатых планах Ордена. Следователю подумалось, что образ спрута возник у него не случайно. Слишком уж пристально вглядывался в него администратор. Чтобы сказать, хоть что-то, он невнятно пролепетал:

— И все же, как обыкновенный листок мог убить человека?

Чолхан моргнул. Стальной пугающий блеск в его глазах угас. Более того — администратор снова ему улыбнулся. Доброжелательно, по-человечески.

— Видите ли, этот листок не совсем обычный. Предварительно над ним поработали и достаточно основательно.

— Этот листок — письмо?

— Можно сказать и так, — Чолхан усмехнулся. — Своего рода смертное послание, приговор, который жертва прочитывает незадолго до своего последнего мига.

— Значит, убитый видел что-то, чего не видел ни я, ни мои коллеги?

— В общем, да... Особенно, если судить по результату. Хотя все-таки письмом это можно назвать с некоторой натяжкой. — Чолхан прищелкнул пальцами, словно подыскивал подходящее слово. — Скорее, это подобие энергетического тубуса, свертка микропространства, способного уничтожить любое дышащее создание. Действует, как вы, вероятно, поняли, избирательно.

— И эту штуку придумал Панкратило?

— Почему же... Она выдумана давно. А Панкратило...

В дверь осторожно постучали. Александр напряженно обернулся. На пороге номера стоял смущенный Громбальд.

— Ваша светлость, — забормотал он, — ей-богу, пустяковый вогрос... Не стал бы даже обращаться, но, как говорится, вас махен, когда такая прелюдия...

— Короче!

— Дело касается квазихирурга Марро. Того самого, что разъярил ассамблею. Он до сих пор в изгнании, но только что сообщил о непоколебимом согласии склонить голову. К вам лично обратиться не посмел,

но с магистром пятого круга разговаривал крайне почтительно.

— Хорошо, займемся этим прямо сейчас.

— А как же?... — глаза Зиновия стрельнули в сторону следователя.

— С гостем мы в основном переговорили, — Чолхан сожалеюще развел руками. — Да, Александр Евгеньевич! Прошу извинить. В самое ближайшее время обещаю навестить вас... А теперь — домой, в кровать! День выдался нелегкий, вон и глаза у вас слипаются...

Александр хотел было возразить, но вместо этого неожиданно зевнул. А в следующую секунду он увидел, как из пола, из стен и из потолка выплывают полупрозрачные фигуры. Многие из них восседали в троноподобных креслах, кое-кто лежал на царственных ложах. Во всяком, случае мебели в кабинете заметно прибавилось. Впрочем, кабинета, как такового, уже не существовало. Помещение превратилось в огромный зал,

формами напоминающий чашу. Этакое подобие Колизея, где вместо кресел красовались роскошные кровати с балдахинами. Арены же не было вовсе. Конечно же! Именно здесь они проводили свой съезд! Александр Евгеньевич искал глазами трибуну, но ничего похожего не обнаружил. Странное происходило с окружающим, странное происходило с ним. Он уже не сидел и не стоял, витая вне тела и одновременно сознавая, что с телом его все в порядке, что оно по-прежнему покоится на стуле. Сам же он неведомым образом перенесся в этот чудный Колизей. Собственно говоря, Колизея тоже не существовало. Вернее... Мозг Александра Евгеньевича путался в поисках ответа. Видимое ясно указывало на то, что он находился в нескольких местах одновременно: и в гостинице, и в просторном турецком посольстве, и у кромки горного неестественно голубого озера, на заброшенном ранчо среди жаркой саванны. Все это головокружительным образом соединялось воедино и отчего-то не мешало друг

другу, позволяя изумленному зрению различать мельчайшие детали. А потом он услышал выступающих одного за другим ораторов. Они говорили, не покидая своих лож, не размыкая уст. Зачастую они говорили разом, и вновь наблюдалось необъяснимое: вдумчивые, взволнованные и раздраженные голоса их не сливались в базарный шум. Александр Евгеньевич отличал каждого, и слух его свободно воспринимал всех вместе. Кто-то ругал Чолхана за бездарную организацию съезда, кто-то, напротив, вступался за администратора, ссылаясь на неблагоприятные условия, на неистребимое любопытство не лучшей части человечества. Многие и вовсе не поминали о Чолхане, ведя дискуссию о чем-то совершенно непонятном. Всего Александру Евгеньевичу услышать не удалось. Некто невидимый требовательно тронул его за локоть, и тотчас вернулось потерянное ощущение тела. Он в самом деле сидел на стуле, голова его была опущена на грудь, он слегка похрапывал. «Черт возьми, что же они со мной вытворяют!..» Мысль мелькнула и погасла, как искра, рожденная полустертым кремнем. Заботливые руки подхватили неуправляемое тело, покачивая, повлекли в коридор, потом вниз по лестнице, на улицу, под голубое солнце...

ГЛАВА 13

Однокомнатная панельная квартирка напоминала зал ожидания. Само собой вышло так, что все собралось у Александра. Какой-то неведомый магнит свел коллег вместе. Сам хозяин вел себя далеко не по-хозяйски: не суетился, не расспрашивал гостей о пустяках, не бегал на кухню с подносом и чайником. Да в этом и не было нужды. Сослуживцы бродили по комнате потерянным стадом, рассеянно изучали вид из окна, бессмысленно перекладывали вещи с места на место. Те, кто сидел на диване, разговаривали о странном. А больше все-таки молчали. Поделившись очередной новостью, сверлили взором стены, прикашливали в кулаки. О работе никто и не вспоминал. Схватка с меченосцами и события у гостиницы могли ошарашить кого угодно, но то, что произошло утром, окончательно выбило людей из седла.

За первым известием, принесенным Казаренком, последовала целая череда. Со страхом и изумлением проснувшиеся горожане обнаружили, что за ночь произошло нечто необъяснимое, включающее в себя разрушенные дома и сломанные двери, помятые трамваи и перевернутые машины, пулевые пробоины в стенах, в беспорядке разбросанное по улицам имущество граждан. К этому следовало прибавить серию загадочных пожаров, которые словно бы уже прекратились, а пепелища успели остыть, но удивительное заключалось в том, что никто этих пожаров не видел, никто этих пожаров не тушил. Они были и прошли, как проходят по посудной лавке слоны-невидимки. Цельные и невредимые, люди просыпались посреди обугленных квартир на останках диванов и кроватей, немедленно приходя к выводу, что они сошли с ума. Поговарива-

ли, что на месте исполкома царят руины, что прямым попаданием артиллерийского снаряда разнесен вдребезги памятник одному из революционеров — не то Парвусу, не то кому-то еще, что во всем городе не найдется ни одного магазина, в котором уцелели бы витрины. Смерч разрушений прошел по улицам и квартирам, не потревожив жителей. Все, что им оставалось, это созерцать результат и в бессилии пожимать плечами. Впрочем, многие лихорадочно искали выход закипающему гневу. Лавина телефонных звонков обрушилась на государственные учреждения, возле зданий милиции, прокуратуры и высокого административного начальства выстраивались бурлящие очереди. Заводы стояли, магазины не работали, обезумевшие пожарные, плюнув на все, попрятались по домам. Наэлектризованность населения давала о себе знать ежеминутно. Болтали о необъявленной войне и американском оружии, о марсианах, посетивших Уткинск, о боевых учениях, по ошибке проведенных на территории района. Пережевывая услышанное, Александр хмуро наблюдал за коллегами. Он догадывался, почему они встретились здесь, а не в отделе. Внутренняя неподготовленность гнала людей в тень, подсказывая, что на работе начнется неопишное. Обилие необъяснимого требует аналогичного обилия усилий. Никто из них готов к этому не был. Первыми приняв на себя удар, они и первыми выбыли из строя. Они знали истинное лицо действительности, а потому боялись ее вдвойне. Состояние контузии — так можно было называть их сегодняшнее состояние. Время адаптации еще не завершилось, и, сообщив им сейчас о ядерном ударе, о том, что солнце погасло, а на космическую станцию-спутник заявили косматые селениты, они и тогда бы не удивились. Подтверждением тому была реакция на внезапное появление Борейко. Когда майор вошел в комнату, обросший и загорелый, в нелепом твидовом пиджаке, это приняли с полнейшим спокойствием. Под мышкой майор держал пухлую папку с золотистой обложкой, из нагрудного кармана торчало штук семь или восемь авторучек. Пожав всем руки, он пристроился на стуле в уголке и, послушав, о чем беседуют другие, скромно вставил и от себя:

— А ведь это я наколбасил в городе. Честное слово писателя.

Коля Савченко одарил начальника тусклым взглядом. И так же тускло поинтересовался:

— И все за одну ночь?

— Зачем же... Три месяца без малого, от звонка, как говорится, до звонка. Чуть-чуть не свихнулся. Спасибо стихам — спасли.

Коллеги на минуту задумались. Никто не выразил недоверия, не разозлился и не рассмеялся. И только Челентано, похлопав майора по плечу, с нервным смешком сказал:

— Стало быть, квиты, Лева. Ты наш город, а мы твоих меченосцев... Ты уж прости. Было за что...

Что-то вспомнив, оживленно заговорил Антоша, и о меченосцах временно забыли. А потом, вероятно, совершенно закономерно появились две зеленые

бутыли, и, повинувшись неслышимой команде, Александр принес из кухни трехлитровую банку маринованных помидор. Тостов не произносили, но уже через каких-нибудь полчаса люди расслабились, подобрев, потянулись друг к другу, как встретившиеся после долгой разлуки друзья. Стало шумно и почти весело.

Перепацкавшись в маринаде, Александр поспешил в ванную. В прихожей задержался, услышав торжественный речитатив Борейко. Развернув на коленях принесенную папку, майор с выражением читал стихи собственного сочинения.

— Туманный свет. Дрожит дорога,
Рубаху ветром пузырит,
На месяц дальний, недотрогу,
Скрипуче воют упыри.
Глаза, как в изморози окна,
А сердце стянуто кольцом,
Плюется дождь, и тихо мокнет
Мое унылое лицо...

Три месяца одиночества не прошли для майора даром. Мыслимое ли дело! — он стал писать стихи! Заметьте — не читать, что тоже было бы крайне удивительно, а сочинять и вполне самостоятельно. У Александра возникла странная уверенность, что к оперативной работе Борейко больше не вернется.

— Заходите же, Александр Евгеньевич!

Приглашение донеслось откуда-то сверху, и в ту же секунду дверь в ванную комнатку приоткрылась. Переступив деревянный порожек, Александр шумно вздохнул. Сердце гулко волновалось. Чего-то подобно он ждал весь сегодняшний день...

Зиновий Громбальд, причесанный и умытый, обряженный в белоснежную сорочку и фрачную пару, заботливо прикрыл за шошедшим дверь, заговорщицки подмигнул. Усатый Панкратило нехотя привстал с кресла и приподнял шляпу. Разумеется, Александр стоял не у себя в ванной, а в просторном кабинете главного администратора гостиницы «Центральная». Чолхан Марат Каримович восседал все за тем же двухтумбовым столом, и могучий вентилятор оведал лицо магистра электрическим ветром. По-гоголевски зачесанные волосы трепетали, на бледном лице хозяина кабинета мерцала усталая улыбка.

— Присаживайтесь, Александр Евгеньевич. Помните, в прошлую встречу нас прервали. Сегодня можете быть спокойны, этого не произойдет.

— Что там снаружи, Панкратило? Нам не пора?

С кротостью домашнего пса усач приблизился к окну и, отодвинув штору, приник к стеклу. Обернувшись, загадочно доложил:

— Судя по всему, время еще есть, — голос его рокотал и срывался. Роль придворного давалась Панкратило с трудом. Тем не менее старался он до чрезвычайности. — Тишины еще нет, но мир уже припудрен пылью и расцвечен закатом.

— Когда мир расцвечен закатом, это — к дороге! — авторитетно встрял Громбальд. — Примета верная.

— Старая кокетка, этот ваш мир, — пробормотал Чолхан. С усмешкой добавил: — И невдомек ему, что мог бы быть черно-белым. Мог бы, но не стал... Нечто сделало его цветным, и человек принял это, как должное.

— Ничего удивительного. Человек — всего-навсего навозная горстка, в коей взращивается росток духа.

— Ты тоже так считаешь, Зиновий?

— Я? Да вы что?!.. — Громбальд гулко откашлялся. — То есть, априори пан Панкратило вроде бы и прав, но если заглянуть глубже, так сказать, в самую сердцевину, то человек — это все-таки категория, знаменующая место встречи идей, их знакомств и взаимных пересечений. По-моему, так.

— А по-моему, ты это где-то вычитал.

— Факт недоказанный и, кстати, не столь важный.

— Что же тогда важно?

— Хотя бы то, что я оценил прочитанное и запомнил.

— Ты считаешь, этого достаточно?

— Никак нет, но иному не обучены-с, — Громбальд покраснел и заметно уменьшился в росте. Сверкающий фрак растянулся, фалды коснулись ковра. — Я ведь человек маленький и на окружающее реагирую адекватно.

— В том-то и беда...

Чолхан тяжело облокотился о стол. Видно было, что он в самом деле устал, но усталость свою всячески скрывает.

— Возможно, имеет смысл пришпорить закат? — деликатно поинтересовался Панкратило.

— Третий раз за день?.. Не надо. Это уже слишком, — Чолхан прикрыл лицо ладонями, раздвинув пальцы, взглянул на гостя печальным глазом.

— Вот так, Александр Евгеньевич. Живем и тужим, тужим и живем. Малость сочетается с удобством, понимание расходится с усвоением. Усвоить истину — еще не значит ее понять. Усваивает робот, понимает человек.

— Но далеко не всякий, — глубокомысленно добавил Громбальд и несколько расправил плечи.

— Да. Далеко не всякий... Может, еще чайку?

Александр покачал головой.

— Спасибо, сыт.

— Надеюсь, наша любовь к риторике вас не очень смущает?

— Нисколько.

— И все же результатами беседы вы не удовлетворены?

— Признаться, да. Я ждал большего.

— Вы ждали ясности, а с ней-то как раз ничего и не вышло. Понимаю вас... Это должно быть чертовски обидно.

— Не то, чтобы обидно, но...

— Не миндальничайте с нами, Александр Евгеньевич! Конечно, обидно! Но что подделаешь? Нехватка средств и времени... Главное же я вам изложил. Человеческий мир все более становится похожим на сыр. Вселенная просачивается к нам, как вода в прохудившийся корабль. Плохо это или хорошо — не знает

никто. Но так или иначе, мы в состоянии заняться ликвидацией пробоин, и мы трудимся уже над этим в течение десятилетий. Не надо ждать космических кораблей и звездных десантов — вторжение уже началось. Исподволь, практически незаметно...

— Но вторжение это или нет, вы сами еще не разобрались!

— Зато мы отчетливо наблюдаем, что корабль кренился. А риск в данном случае недопустим. Есть течь, значит надо ее заделывать, надо бороться. Война — это зло, но в данном случае мы не агрессоры. Мы оказываем сопротивление. Ага! Вам это не нравится?.. Тогда представьте следующую картину. Ваше жилище с катастрофической быстротой заполняется тараканами. Они жадно поедают хлеб, пьют воду, ползают по вашим ногам. Прямой опасности нет, и сомнения в том, что они не так уж плохи, вероятно, присутствуют, и все же вы начинаете давить их каблуками и рассыпаете по всем углам отраву. Вот какой путь избираете вы, и вас можно понять! Хотя приобрести вы в насекомых друзей, вы наверняка бы многократно выиграли. Тем не менее вы предпочитаете подстраховаться, исключив даже ничтожную вероятность угрозы. Аналогичным образом поступаем и мы.

— Но почему тогда не обратиться за помощью к людям? Если цели у нас общие, стало быть, и усилия следует объединить.

Панкратило презрительно шевельнулся в своем углу. Громбальд хихикнул, стеснительно прикрывшись ладошкой.

— Вторжение, котсрое мы наблюдаем, дорогой Александр Евгеньевич, не отбивается ракетным оружием. А ничем иным человечество, насколько мне известно, пока не располагает.

— А чем располагаете вы?

— Вопрос, что называется, в лоб! — Громбальд энергично закивал головой. — И вы всерьез полагаете, что вам ответят?

— По-моему, времени чтобы убедиться в наших возможностях, у него было предостаточно, — Панкратило нервно покрутил ус. — Вы фантастически терпеливы, Марат Каримович.

Чолхан отмахнулся от помощников. Прежде чем заговорить, окинул взглядом вереницу портретов на стенах. Цари, философы, патриархи... Александр невольно поежился. Может быть, все они, подобно той герцогине, продолжали жить своей загадочной жизнью? Наполеон, Македонский, Петр Первый... И как знать, возможно, Чолхан обращается к ним временами за помощью. Разве не волшебство — услышать живой совет Аристотеля, Якоби или Вольтера?..

— Милый мой Александр Евгеньевич, — Чолхан вздохнул. — Наши арсеналы действительно отнюдь не пустыют. Мы в состоянии действовать и довольно активно, хотя и стараемся не привлекать к себе внимания. Смее вас заверить, опыт борьбы у нас есть и немалый.

— И все же, насколько я понял, победа еще за горами?

— А это уж что называть победой, — Чолхан невесело улынулся. — Продление агонии при опреде-

ленных условиях — тоже победа. Ко всему прочему, для решающей атаки нас не так уж много. Я имею в виду настоящих магистров. Главную же силу представляют они.

— Но можно было бы вербовать экстрасенсов, искать учеников!

— Кое-что в этом направлении безусловно делается, но еще раз подчеркиваю: Орден Малиогонта — не партия единомышленников и не религиозная структура. В сущности, членов магистратума трудно уже называть людьми.

— Вы хотите сказать, они... то есть, вы... Вы имеете в виду мутационные изменения?

— Какая дремучая чушь! — Громбальд театрально всплеснул руками. — Впрочем, Александру Евгеньевичу я готов простить и это.

— Я оскорбил вас?

— Ничуть. Вы употребили не тот термин, только и всего. Мутант — понятие слишком общее. Попробуйте отыскать на Земле хоть одно живое существо, которое бы постоянно не мутировало. Таковых вы не найдете. Все мы в той или иной степени мутанты.

— Но те, кто называют себя магистрами...

— Запомните: мы — Орден Малиогонта! Сообщество, совершенствующееся на протяжении многих веков, отдаляясь от людей шаг за шагом, живя по особым законам, создавая свою науку, свою мораль и свой кодекс чести. Наши корни — среди человеческого, но в остальном мы различны.

— Мне кажется, главную мысль, так сказать, квинтэссенцию сути Александр Евгеньевич уловил, — вступился за следователя Зиновий.

— А по-моему, он и сейчас пытается проводить параллель между нами и энергетиками вроде Дунича, Геллера и других, — хмуро пробурчал Панкратило.

— Что ж, в этом нет ничего предосудительного. Так нам даже будет легче найти общий язык... Так вот, Александр Евгеньевич, в отличие от названных личностей мы — АКТИВНЫЕ сенсоры. Мы не только обладаем энергетическим даром, но в состоянии и управлять им. Согласитесь, это уже не просто мутация, это подобие культуры! Мы не выдумываем фокусов и не стремимся поразить публику, потому что мы создаем, ЧТО делаем и для какой такой цели. Соприкоснувшись с божественным, мы окончательно разошлись с вами. И даже помогая Земле, ни за что не станем отождествлять себя с землянами.

— При чем здесь божественное? Разве не вы сами упоминали о силе атеизма?

— Вы вторгаетесь в опасные дебри, голубчик. Это тема на месяцы посиделок, потому что тот же самый атеизм не выкрашен в черное или белое, он так же пестр, как и весь наш мир. Та же библия может быть Знанием с большой буквы, но для абсолютного большинства она прежде всего символ. Вера, основанная на жестком догмате, опасная вещь. Почти такая же опасная, как и неверие. В сущности, неверие — та же вера: Божья и Загадочное подменяет разум, пытающийся объяснить все и вся. Вот и судите, что лучше, что хуже.

В пору средневековья подобный догматизм был еще допустим, но сейчас, на витке множественных релятивистских течений, религия способна до крайности оголить планету. Я уже достаточно поминал о вторжении извне. Это не фотонный десант, не бластеры и не пулеметы. Прежде всего это мощная психотроника иного мира. Необходим щит, своеобразный экран, и атеизм, как это ни парадоксально и ни печально, способен играть роль подобной брони. Осмысленной веры человек, по всей видимости, достигнет не скоро и до тех пор он гол и чрезвычайно уязвим. Ему легко помочь, но его легко и уничтожить.

Панкратило деликатно прикашлянул.

— Осмелюсь заметить, до отправления осталось всего ничего. Около пятисот сердечных сокращений. Вы собирались еще кое с кем переговорить.

— Завтра, Панкратило. Все переговоры завтра. Мои извинения коллегам, а сегодня просто отправимся в путь... — Поднявшись, Чолхан с улыбкой взглянул на Александра. — Надеюсь, в основном ваше любопытство мы все же удовлетворили. Так или иначе мы покидаем эти края, хотя передавать их вам приходится не в самом лучшем состоянии, но так уж вышло. Что-то еще?

Александр замялся.

— Он хочет спросить о майоре, — пояснил Громбальд. — Я правильно интерпретирую?

— Видимо, да, — Александр смущенно кивнул. — Дело в том, что...

Чолхан предупреждающе поднял руку.

— Разделяю ваши сомнения. Поэт из вашего Борейко действительно никудышный. То есть, не то, чтобы совсем никудышный, но скажем так — довольно таки среднего уровня. А вы, как я понял, желали бы оставить его на оперативной работе?

— Мне кажется, там он на своем месте, и если можно...

— Хорошо, это мы уладим. Других пожеланий нет?

И снова вместо Александра встрял всеведущий Громбальд.

— Извините, Магистр, но у него масса желаний. Пожалуй, мы и впрямь опоздаем.

Неожиданно подал голос Панкратило.

— Он считает, что мы обязаны восстановить разрушенное майором.

— Протестую! — Громбальд подпрыгнул драчливым петушком и возмущенно округлил грудь. — Александр Евгеньевич мне, конечно, друг, но, как говорится, истина ближе и дороже. Мы здесь совершенно не при чем, а спрашивать что-либо с герцогини абсолютно бесполезно. Что вы хотите — женщина!..

— Но сбежала-то она с вашей картины!

— При помощи вашего воришки!

— Кроме того, — добавил Чолхан, — бедствия города успели стать достоянием газет и радио. Вмешиваться попросту поздно, а переписывать историю заново не можем даже мы.

— Хотя для Александра Евгеньевича, так сказать, в порядке исключения мы могли бы кое-что сделать,

— многозначительно произнес Громбальд. — Например, избавить его от тягот первого времени. То есть, такое вот мое скромное предложение. Как говорится, от сердца и от души. Решать же, разумеется, не мне.

Чолхан хмыкнул.

— Ну? А вы на это что скажете, господин следователь? — глаза его насмешливо блеснули. — Как вы вообще относитесь к такой категории, как время?

— Вероятно, как всякий нормальный русский, — Громбальд покосился на Александра. — Обожает свое прошлое, ненавидит настоящее и испытывает мандраж перед будущим.

— И все же в данном случае будущее предпочтительнее настоящего. Я не прав?

— Не совсем понимаю, о чем идет речь, — Александр в замешательстве огляделся. — Но я полагал, что вам будет нетрудно...

— Магистр! — предупреждающе пробасил Панкратило. — Коллегия ждет вас. До отправления тринадцать сердечных сокращений!

— Решено! — Чолхан кивнул. — Твое предложение принимается, Зинка. Мы облегчим положение следователя. Маленький прыжок вперед, и все по-старому... Что ж, за сим вынужден распрощаться, Александр Евгеньевич!

Зиновий Громбальд суетливо подбежал к двери.

— Пройдите, Александр Евгеньевич. Светлого вам оптимизма и поменьше исканий. Все равно, как говорится, ничего не найдете.

Дверь распахнулась, и Александр машинально ступил за порог. В висках у него зашумело, ткань на плечах с хрустом натянулась и вновь обмякла. Слепящая вспышка заставила его зажмуриться...

ГЛАВА 14

Глаза он открыл только тогда, когда услышал возмущенный голос Борейко.

— Вы на него полюбуйтесь, господа хорошие! В туалет очередь собралась, народ ждет, переминается, а тут всего-навсего Сашок. Я-то думал, что не меньше роты залезло...

— Между прочим, пока он там прохладился, супруга его дважды звонила.

— Супруга? — Александр захлопал глазами и вялым шагом прошел в кабинет. Он делал все чисто механически. Чолхан сотворил с ним очередную шутку. Комната, стол, маринованные помидоры — все исчезло. Он находился у себя на работе, а справа и слева, прихлебывая чай, корпели над кипами протоколов Казаренок и Димка Губин. Танцующей походкой следом за ним в отдел вошел Челентано.

— Разговляйтесь, братья во Христе?.. А того не ведаете, что на носу разнос от Митрофанушки. Только что созерцал его. Бледный, несчастный, бормочет что-то себе под нос.

— Это он молится, — предположил кто-то.

— А может, прикидывает, сколько осталось до полочки...

— Очень сомневаюсь, — Челентано зловеще улыбнулся. — Кстати, звонила Сашкина благоверная, просила связаться. Эй, молодожен, слышал? О тебе разговор.

— Да передали ему уже...

— Оно и видно. Ни дать, ни взять — копия Митрофанушки. Такой же бледный.

— Значит, есть с чего бледнеть, — Димка Губин вернулся на стуле и подмигнул искрящимся глазом. — Что, Сашок? Первые баррикадные бои? Привыкай. Семья — дело такое... В одной руке щит, в другой ремень.

— Рано еще ремень. Погодить надо...

Это было уже слишком. Вскочив с места, Александр стремглав вылетел из кабинета.

Улица встретила его неласковым ветром и мягким, похрустывающим под ногами снегом. Не обращая внимания на оборачивающихся прохожих, он помчался напрямик через дворы. В висках намолачивали маленькие там-тамы, в мыслях царила полная неразбериха. Единственное, в чем можно было не сомневаться, так это в том, что с подачи шутника Громбальда администратор перебросил его в будущее. В этом будущем сослуживцы уже шутили, с неба сыпал снег, а он, Дыбин Александр Евгеньевич, успел, оказывается, обзавестись законной супругой.

Чертыхаясь, следовательно перебежал дорогу на красный свет и вихрем ворвался в родной подъезд. Ключ наотрез отказывался входить в замочную скважину. Нервничая, он вынимал его, торопливо осматривал и вновь пускал в ход.

Дверь отворилась изнутри. Александр поднял глаза и увидел Регину.

— Ты?... Здесь? — он все еще не отдышался.

— Где же мне еще быть? — девушка окинула его удивленным взглядом. — А почему ты без плаща? Что-то случилось?

— Я... Мне сообщили про телефонный звонок...

— Но я не говорила, что это так срочно.

— Вот как? — Александр неуверенным шагом прошел в комнату. Встрепенувшись, вернулся в прихожую и снял обувь. — Ага... — он не знал что сказать. Чтобы как-то прийти в себя, занялся изучением интерьера. Было ясно, что комната разительно переменялась и переменялась к лучшему. Шторы, обои, сверкающий паркет...

— А куда подевался шкаф? Ах да, вот он где... Передвинули...

— Саша, что с тобой? — Регина встревоженно приблизилась. — У тебя все в порядке? Я говорю о работе.

— Да, конечно, — голос прозвучал фальшиво. Покосившись на Регину, он выдавил из себя улыбку. — Просто ты позвонила, и я обеспокоился.

— Вот ты о чем, — краска смущения залила ее щеки. Она обвила шею Александра, прижалась к нему щекой. Теплая, доверчивая... Он испытал шок. Температура в комнате стремительно поднималась. Потянувшись, Регина шепнула ему на ухо: — ЭТО еще не скоро, не волнуйся.

(48)

Это? Что она имела в виду?... Раньше, чем он успел опомниться, мягкие губы нашли его губы, запечатлев поцелуй. В голове окончательно все перепуталось, и он машинально обнял ее за талию. А мгновением позже до него дошло то, о чем она шептала. Господи!.. Сколько же времени прошло?! Какое право они имели так поступить с ним?!

— Что-нибудь не так?

Снова взглянув на девушку, он заметил, что она вот-вот обидится. Сбивчиво заговорил:

— Видишь ли, мои сослуживцы любители пошутить. Я и не понял даже... Звонок, вызывают... Надо будет устроить им, когда вернусь.

— Подожди, — она остановила его ласковым прикосновением. — Я же до сих пор не сказала тебе про письмо.

— Письмо?

— Да. Собственно, потому я и позвонила. Это необычное письмо. То есть конверт стандартный, адрес отпечатан на машинке, а внутри открытка. Совершенно пустая, понимаешь? Я вдруг подумала, что это...

— Где она?!

Регина послушно приблизилась к секретеру, достала из ящичка распечатанный конверт. Обернувшись, внезапно спрятала его за спину.

— Может быть, лучше его сжечь?

Он знал, чего она опасалась. И неожиданно ощутил радость. Регина опасалась за его жизнь. Он был ей НУЖЕН!.. Стараясь не выдать волнения, Александр забрал у нее письмо, внимательно осмотрел со всех сторон.

— Конверт действительно самый обыкновенный, — пробормотал он.

— Саша!..

Опережая ее слова, он решительно вынул открытку. С одной стороны — новогодняя елочка, с другой пустое место для письма. Или нет?... Александр вздрогнул. Текст проступал прямо на глазах: неровные строчки, написанные округлым детским почерком. Он пробежался по ним трижды, прежде чем до сознания дошел смысл написанного.

«НАДЕЮСЬ, СЮРПРИЗ УДАЛСЯ? ЕСЛИ ТАК, БЛАГОДАРИТЕ МСЬЕ ГРОМБАЛЬДА. А В ОБЩЕМ — С ВОЗВРАЩЕНИЕМ! ВАШ Ч.»

— Ты что-то видишь? — Регина не спускала с него встревоженных глаз.

— А ты? — он передал ей открытку.

— Нет, но... Ты же помнишь, как это было однажды...

— Помню, — он привлек Регину к себе, бережно погладил по голове. Как ребенка. Это получилось само собой. А потом приник к ее губам. У Александра заципало в носу. Подумать только! — это ласковое и одновременно суровое существо станет матерью его ребенка!

— И все равно я все вспомню, — шепнул он. — Все до последней секунды.

Открытка, поздравляющая с возвращением, выскользнула из ее пальцев, мягко спланировала на пол. Ни он, ни она не обратили на это внимания.

Ведущий рубрики
Сергей КАЗАНЦЕВ

НОВОСИБИРСК, «БЕЛОЕ ПЯТНО»

Новосибирск впервые проводил фестиваль фантастики такого ранга. Всю неделю, с 21 по 27 ноября, местные газеты рассказывали о нем, вело репортажи местное телевидение. И каждый вечер по ТВ показывали фантастические фильмы, даже «Сталкера» А.Тарковского. Надо сразу отметить, что газеты не только освещали ход фестиваля. Генеральным спонсором «Белого пятна» выступила областная газета «Молодая Сибирь». Большой суммой помогла производственно-коммерческая фирма «ЛИК». Подборки фантастической литературы подарила гостям фестиваля «Новосибирскинига». Спасибо им, – в наше время на голом энтузиазме праздник культуры не проведешь; та же проблема ожидает и екатеринбургскую «Аэлигу».

Свое название новосибирский фестиваль получил от фантастико-приключенческой повести Михаила Михеева «Тайна белого пятна». Один из отцов сибирской фантастики, М.П.Михеев, к сожалению, скончался в 1994 году. Его памяти и памяти В.И.Бугрова был посвящен вечер в областном Союзе писателей. Отметили выдающуюся роль Михаила Петровича и Виталия Ивановича в развитии отечественной фантастики; к слову вспомнилось и о том, что не кто иной, как М.П.Михеев, является ав-

тором слов известной «народной» песни: «Есть по Чуйскому тракту дорога, много ездит по ней шоферов...»

Организаторам фестиваля - Евгению Носову, Михаилу Миркесу, Геннадию Прашкевичу, писателям и журналистам – пришлось покрутиться: программа была насыщенной. Литературный конкурс профессионалов и семинар молодых авторов, выступления в областной научной библиотеке и в Доме книги, встречи с писателями, издателями, работниками книжной торговли; художественная выставка, два театральные спектакля, концерт знаменитой команды КВН Новосибирского университета, экскурсия в Академгородок, Хоббитские игрыца, фейерверк...

Оригинальные камнерезные призы, созданные специально для этого литературного конкурса, получили: за лучший роман – Андрей Лазарчук (Красноярск), повесть – Александр Рубан (Томск), рассказ – Владимир Клименко (Новосибирск). Денежный приз газеты «Молодость Сибири»

вручен красноярскому писателю Леониду Кудрявцеву. Поощрительными призами фестиваля отмечены повести и рассказы Юлия Буркина (Томск) в соавторстве с Сергеем Лукьяненко (Алма-Ата, лауреат приза «Старт»), Василия Щепетнева (Воронеж), Юлии Старцевой (Красноярск), Эдуарда Дворкина (Санкт-Петербург), Евгения Лукина (Волгоград), Дмитрия Дубинина (Новосибирск). В представительное жюри входили два лауреата «Аэлиты» – Виктор Колупаев и Геннадий Прашкевич, писатели-фантасты Василий Головачев, Виталий Пищенко, Михаил Успенский.

Редко бывает, когда на семинаре молодых авторов вдруг блеснет находка. В Новосибирске это произошло. Прекрасная современная сказка Любови Вороной (Новосибирск) и один из рассказов 17-летней Ольги Кноблех (Абакан) рекомендованы семинаром для публикации в «Уральском слепопыте».

Коллеги-журналисты и издатели, обратите внимание: на мой взгляд, ядро молодой фантастики уверенно перемещается в Сибирь.

Первый новосибирский фестиваль фантастики закрыл «белое пятно» на региональной карте культуры. Дай ему Бог и спонсоры, чтобы стал он традиционным.

Роман Владимира Орлова «Альтист Данилов» был опубликован в журнале «Новый мир» еще в «застойные» годы. После этого он долгое время не переиздавался, и я прочел его только сейчас, после выхода в свет в серии «Четвертое измерение» издательства «Тerra». Роман не нуждается в обширных лестных отзывах, расскажу лишь о том, что понравилось больше всего.

Прежде всего, с первых страниц ощущаешь красоту русского литературного языка, которым написан роман. После чтения зарубежной фантастики, даже качественных пере-

ИСКРЕННЕ РЕКОМЕНДУЮ

водов хороших книг – этот текст очаровывает.

Мне нравится американская фантастика, но, если не считать небольшого числа классических произведений, которые, как правило, к жизни современных людей прямого отношения не имеют, – книги зарубежных авторов обсуждают темы, нам не близкие. Иностранцам не понять наших забот.

«Альтист Данилов» же наряду с общечеловеческими поднимает проблемы сугубо русские.

Описание быта и нравов московской интеллигенции было бы интересным и само по себе, тем более, что автор имеет тонкое чувство юмора и хорошо относится к людям, о которых рассказывает. Но действие романа разворачивается не только в Москве, но и в Андах, и в Девяти Слоях преисподней. Ведь главный герой, альтист Данилов – демон на договоре. Правда, демон более человеческий, чем многие люди, и из-за этого имеющий большие неприятности.

Сюжет романа красив, интересен и остроумен, но в то же время печален. Сказалась, наверное, обстановка 60-70-х годов. Собственно, устройство Девяти Слоев во многом напоминает устройство земных государств. И демону Данилову, имеющему почти неограниченные возможности на Земле, приходится скрывать свое инакомыслие и приспосабливаться к требованиям власти имущих в Девяти Слоях. Да и на Земле Данилов может защитить себя, но не всех своих близких. И поэтому он уязвим. Ведь у демонов близких не должно быть!

Повествование, конечно, уступает различным «Конанам» в описании

схваток и поединков. Но это не играет никакой роли. «Альтист Данилов» – интеллектуальный роман. Демоны здесь проявляют сверхъестественные способности не в драках, а в жизни, которая гораздо сложнее, чем просто силовое выяснение отношений.

Роман не имеет прямого идеологического подтекста и не говорит о грядущем торжестве идей социализма либо иного строя. В нем находит отражение борьба за общепризнанные этические ценности.

Тем, кто принципиально не читает отечественную фантастику, я искренне рекомендую все же обратиться внимание на этот роман. Произведения некоторых наших авторов

ничуть не хуже, а в чем-то и лучше «боевых» созданий зарубежных грандмастеров. Прочтите «Альтиста Данилова» – и убедитесь в этом сами.

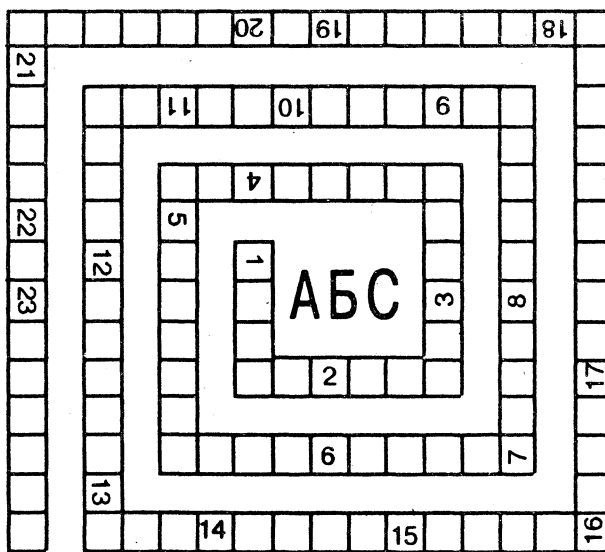
Сама книга «Терры» имеет карманный формат и хорошую бумагу. В ней нет грамматических ошибок и даже соблюдаются правила переноса. Странно указывать на это как на достоинство, но на фоне многих других изданий... Единственный недостаток – мягкая обложка, впрочем, хорошо оформленная.

*Евгений ГАРКУШЕВ,
аспирант факультета физики
Ростовского университета*

ЧАЙНВОРД «ПО ПРОИЗВЕДЕНИЯМ бр. СТРУГАЦКИХ»

Последняя буква каждого слова является первой буквой следующего.

1. Первое имя в Книге Судеб. 2. «Вот» по-тангутски. 3. Прибор, из-за которого честные физики становятся самозванцами. 4. Глава флоров. 5. Длинное волосатое животное, единственное теплокровное, дышащее жабрами. 6. Оружие Лэна Туура. 7. Охотник, чьим именем названа планета. 8. Меченая, как Горбовский, рыба. 9. Название репеллента, без которого слег не сработает. 10. Жена Кандида. 11. Доброе боевое устройство в стиле маршала Тоца. 12. Танк высшей защиты. 13. Великий океанолог.

14. Любимое место охоты майора Перышкина. 15. Врач, принявший первые роды на Марсе. 16. Любовница дона Рэбы. 17. Фамилия робота инопланетян. 18. Тяжелый пистолет-дезинтегратор, который выдают только капитанам сверхдальних десантных звездолетов. 19. Друг Лэна Туура. 20. Подопытный субъект, передвинувший взглядом кусочек бумаги. 21. Начальник Первой Звездной экспедиции. 22. Беатриса, сотрудница Управления. 23. Тип установки, поглощающей энергию Волны.

Составил Др. ЛЮДЕНОВ

Ответы на кроссворд, опубликованный в № 1

По вертикали:

1. Альдани. 2. Семенов. 3. Петрова. 4. Бульчев. 8. Марград. 9. Гнедина. 12. Ламберт. 13. Логинов. 14. Селенит. 15. Камагин.

По горизонтали:

5. Бластер. 6. Берроуз. 7. Бедфорд. 10. Анчаров. 11. Званцев. 16. Маракот. 17. Кернбах. 18. Силикет. 19. Трайков. 20. Сибирит.

Владислав ДЕБЕРДЕЕВ

КОСМИЧЕСКИЕ ГОНКИ СВЕРХДЕРЖАВ

Еще во время работы на первом нашем космодроме-полигоне Капустин Яр С. П. Королев делился с друзьями, соратниками своей заветной мечтой: "Мне бы до Луны добраться". Однажды, когда Сергею Павловичу принесли график с оптимальными сроками стартов к Луне, Марсу, Венере и другим небесным телам, он высказал такую мысль: "Хорошо бы пройтись по всему этому фронту и везде оказаться первым". Да и потом, уже на Байконуре, тоже не раз говаривал о том, что надо, мол, "забить колышек в космосе".

Мало кому известно, что чья-то шутка, будто американцы намереваются запустить свой первый спутник 5-го октября 1957 года, вынудила руководителей нашего ракетно-космического комплекса поспешить с "родами" космической эры. А первый американский ИСЗ "Эксплорер-1" ("Исследователь") был запущен в шестой океан только через четыре месяца после нашего спутника — 1 февраля 1958 года. Его масса составляла лишь 8,3 килограмма, то есть ровно в десять раз меньше нашего.

Это обстоятельство дало повод советской прессе лишний раз порассуждать насчет весомого преимущества нашей страны над зарубежным конкурентом. Хотя, честно говоря, подобное десятикратное превосходство отечественного ИСЗ объяснялось прежде всего несовершенством советской электроники.

"Холодная война", развернувшаяся между бывшими союзниками — нами и американцами — после второй мировой войны, диктовала свои условия. Весьма резко проявилась конфронтация и в космонавтике, которая волей-неволей включилась в гонки двух супердержав. Вот характерный пример.

Решил наш военно-космический комплекс поразить, ошеломить весь мир — и конечно же, главного потенциального противника — воистину ослепительной (в буквальном смысле) демонстрацией того, как мы намерены "добраться до Луны". Еще когда велись работы по запуску третьего отечественного спутника, началась подготовка к штурму Селены. Ну, а коль речь зашла о военной стратегии, то и средства должны быть соответствующими. И родился идея: произвести, при достижении Луны нашим космическим аппаратом, на ее поверхности... атомный взрыв. Иными словами, устроить там этакую "космическую Хиросиму".

Дотошно рассчитывалось, оценивалось: насколько хорошо будет видна с Земли атомная вспышка — в дневных и ночных условиях. Такой взрыв должен был убедительно, наглядно продемонстрировать всем, всем, всем, что наши ракеты могут достигать не только любого района Земного шара (как было заявлено ранее), но даже небесных тел. И не просто достигать, а еще и

доставлять туда боевой, смертоносный заряд... Слава Богу, у "верхов" хватило все-таки ума отказаться от этой безумной, устрашающей, но такой престижной идеи...

Если упорная борьба за приоритет, за то, кто раньше забьет "колышек" в космосе, остро развернулась еще на беспилотно-спутниковом этапе, то нетрудно представить степень соперничества, когда на повестку дня встал вопрос: кто будет первым в космосе — наш человек или американец?

Вот что писал в этой связи, будучи на Байконуре, шеф наших космонавтов генерал Н. П. Каманин в своем дневнике 7 апреля 1961 года: "Мне сообщили, что, по сведениям печати, американцы планируют полет человека в космос (баллистический прыжок) на 28 апреля. Торопятся... Тут есть над чем подумать".

Колумб Вселенной Юрий Гагарин совершил свой исторический одновитковый рейс в околоземном пространстве 12 апреля 1961 года, навечно застолбив пилотируемый приоритет за нашей страной. Первый американский астронавт Алан Шепард выполнил суборбитальный полет 5 мая того же года. Его соотечественник Вирджил Гриссом повторил такое же пятнадцатиминутное "вознесение на небеса" 21 июля. А через две недели, 6—7 августа, майор Герман Титов летал в космосе уже сутки, накрутив вокруг Земли 17 оборотов.

Казалось бы, все ясно. Счет стал 2:0 в нашу пользу (первый спутник и Гагарин). И вроде бы незачем летать копыя по тому поводу, кто в космосе впереди. Но мы не могли удержаться от соблазна еще и еще раз подчеркнуть наше превосходство, принизив достижения американцев. Вот как, например, сделал это Н. П. Каманин в книге "Летчики и космонавты". Он не преминул дать следующую интерпретацию тому факту, что первый американский астронавт А. Шепард, сославшись на занятость, не приехал (хотя и был специально приглашен) в имение Сайруса Итона, где в это время гостил Гагарин:

"Положение Алана Шепарда можно было легко понять. Как говорили некоторые корреспонденты и даже ученые, "подпрыг" в космос, осуществленный на несколько месяцев позднее космического полета Ю. А. Гагарина, не шел ни в какое сравнение с достижениями советской космонавтики".

Не говоря уж про уничижительное словцо "подпрыг", автор популярной книги, увы, передернул факты. Ведь Шепард, строго говоря, летал через три недели после Гагарина. А Каманин пишет о "нескольких месяцах". Зачем? Уж таковы были правила конфронтации, законы "холодной войны": все средства хороши!

По примеру своего командира (армейский принцип: делай, как я) не преминул "лягнуть" американскую ас-

ронавтику и Космонавт-2 Г. С. Титов. На встрече со студентами Пристонского университета ему был задан вопрос:

— Чьи космонавты смелее — ваши или наши?

— Американские.

— Почему?

— Чтобы решиться полететь на ракете, которая раз взлетит, раз — взорвется, а если взлетит, то неизвестно куда полетит, надо быть очень мужественным человеком...

Впрочем, так же поступали, в свою очередь, и наши американские соперники. Как истые прагматики, они не ограничились словесными баталиями, а пошли дальше и сделали жесткий "ход конем". Они вынудили своих союзников, страны западной ориентации, принять железное правило-табу: ни одна их деталь, если ее можно использовать в оборонных целях, не должна работать на советских ракетах. Так американцы с помощью КОКО-На — международного комитета по контролю за космическим экспортом — сумели почти полностью изолировать нашу страну от внедрения передовых, "высоких" технологий, от плодотворного сотрудничества в космосе с другими государствами (кроме, разумеется, социалистических и ряда развивающихся стран).

Стратегия и тактика "холодной войны", однако, не ограничивались лишь прямыми ударами, открытыми выпадами друг против друга. Наряду с научно-техническим противостоянием — кто быстрее и больше запустит в космос мощных кораблей, спутников и иных аппаратов, шла тайная, незримая борьба двух великих держав по завоеванию господства, военного прежде всего, в околоземном пространстве. Обе страны не жалели сил и средств, чтобы выведать планы противника, а при случае и выкрасть его космические секреты.

Характерным примером стало знаменитое в свое время "дело полковника Пеньковского". Такое название получили уголовное расследование и судебный процесс над Олегом Владимировичем Пеньковским — гражданином СССР и полковником, заместителем начальника иностранного отдела Управления внешних сношений Госкомитета по координации научно-исследовательских работ и ... агентом американской и английской разведок.

Он обвинялся в том, что, будучи завербован соответствующими службами США и Великобритании, с апреля 1961 года по сентябрь 1963-го через своего связника (подданного Великобритании) или посредством "почтовых ящиков"-тайников передал за рубеж большое количество материалов о ракетно-космическом потенциале нашей страны, представляющих государственную тайну.

В частности, О. В. Пеньковский передал противнику совершенно секретную информацию с данными по некоторым нашим ракетам. Вывез в Лондон книгу английского автора Лея "Ракеты в настоящем и будущем" в русском переводе с послесловием Бузинова, которое особенно интересовало иностранных разведчиков. Он собирал также закрытые сведения о новой советской военной технике, используя знакомства с военнослужащими ракетных войск. Наконец Пеньковский уже в августе 1962 года передал американцам фотопленки с секретными материалами и шпионское донесение, в кото-

рых содержались сведения об одной из наших боевых ракет.

Все эти данные взяты мною из стенограммы обвинительного заключения, с которым на судебном заседании выступал Главный военный прокурор генерал-лейтенант юстиции А. Г. Горный. По результатам приговора, которым О. В. Пеньковский осуждался на смертную казнь — расстрел (приговор, как сообщила газета "Правда" 17 мая 1963 года, был приведен в исполнение), нашим МИДом были направлены ноты протеста посольствам США и Великобритании о недопустимости подобных шпионских действий со стороны их стран.

Тем временем напряженная космическая гонка сверхдержав вступала в новую фазу, во второй половине 60-х годов, когда дело дошло до реального полета человека к Луне. Тут уж, разумеется, никто не собирался уступать соперникам, оставаться на вторых ролях. Мы, избалованные нашим же мифом о непоколебимости отечественного приоритета в космической сфере, были твердо убеждены: на Луне, у Луны первым будет наш, советский человек!

И вдруг в декабре 1968 года на весь мир, словно гром среди ясного неба — особенно для нас, прозвучало сообщение о полете по трассе Земля — вокруг Луны космического корабля "Аполлон-8" с тремя астронавтами США на борту. Затем еще один облет американцами вечного спутника родной планеты. И наконец в июле следующего, 1969 года, ставя окончательную точку в лунном состязании двух супердержав, была осуществлена первая высадка наших конкурентов на Селену, которую лишь мы да Китай не показали в прямом теле-репортаже. А потом лунные экспедиции США посыпались, будто из рога изобилия.

Их число к декабрю 1972 года было доведено до шести. "Дядя Сэм" сумел все-таки забить "гол престижа". Счет в незримом соперничестве космических стран стал 2:1. Это было сделано, правда, не без помощи известного немецкого конструктора Вернера фон Брауна, отца ракет "Фау", создавшего в Америке лунную ракету-носитель "Сатурн-V".

Справедливости ради надо сказать, что американцы отдавали должное вкладу и наших соотечественников в свои лунные успехи. Так, один из ведущих специалистов проекта "Аполлон" Джон Хубол писал в популярном журнале "Лайф": "Когда ранним мартовским утром 1968 года с взволнованно бьющимся сердцем я следил на мысе Канаверал за стартом ракеты, уносившей корабль "Аполлон-9" по направлению к Луне, я думал в тот момент о русском — Юрии Кондратюке, разработавшем эту самую трассу, по которой предстояло лететь трем нашим астронавтам".

Конечно, такое признание приятно, но оно было слабым утешением и не компенсировало горечь нашей неудачи. Все наше общество, все мы были шокированы. В чем дело? Каким образом, почему славная родная отечественная космонавтика вдруг пропустила вперед американцев? Из-за чего мы оказались без "kozyрей" при розыгрыше престижной "лунной карты"?

Чтобы ответить на эти вопросы, вернемся немного назад — к истории создания печально знаменитой ракеты-носителя Н-1. Той самой, что должна была доставить

на селеноцентрическую орбиту корабль с нашими ребятами, а потом и их самих — на поверхность Луны.

Отечественная лунная программа, к разработке которой приступили еще в 1964 году, содержала два последовательных этапа. На первом планировался только облет Селены (как и у американцев), на втором этапе — высадка на ее поверхность одного космонавта, второй член экипажа ожидал его возвращения на лунной орбите. Для реализации этой программы были созданы двухместный корабль 7К-Л1 (11ф91) — для облета, а также лунный орбитальный корабль ЛОК (11ф93) и лунный корабль ЛК (11ф94) — для посадки на Селене.

Чтобы выполнить намеченную программу, требовалась ракета мощностью (грузоподъемностью) 75 тонн. Такой ракетой и должна была стать Н-1, на эскизный проект которой экспертная комиссия под председательством Теоретика космонавтики академика М. В. Келдыша в ноябре 1966 года дала положительное заключение. Летные испытания Н-1 были назначены на третий квартал 1967-го. Но камнем преткновения стал двигатель нашей потенциальной лунной ракеты.

Прежние наши ракетные "движки" обеспечивали вывод на опорную околоземную орбиту 5—7 тонн полезного груза. А теперь-то нужно в десять раз больше! Слово за ракетчиками-двигателестроителями. Однако, рассчитав свои силы, головная фирма этой отрасли в лице своего руководителя В. П. Глушко сказала твердое "Нет!" в ответ на заявку С. П. Королева создать адекватный двигатель для Н-1.

Конфликт между двумя Главными конструкторами поставил под сомнение сроки успешной реализации нашей лунной программы. А "сверху" торопили, требовали — кровь из носу! — обеспечить приоритет страны Советов в полете на вечный спутник Земли. И тогда Сергей Павлович обратился за помощью в конструкторское бюро, возглавляемое Н. Д. Кузнецовым, где проектировались двигатели для реактивной авиации. Там взялись за разработку новой двигательной установки для лунной ракеты. Три ее первые ступени могли вывести на околоземную орбиту 95 тонн полезного груза. Параллельно лунным проектом занималась и фирма Главного конструктора В. Н. Челомея. У кого-то из них должно было родиться то, что надо. Но... график работ по Н-1 продолжало лихорадить все той же пресловутой супергонкой — опередить американцев любой ценой.

Поэтому было решено, ради экономии времени и финансов, отказаться от стендовых испытаний первой ступени, и сразу перейти к летным. Между тем, в США из общей суммы 25 миллиардов долларов, которые были ассигнованы на весь проект "Аполлон", около 18 млрд. было направлено на наземную испытательную базу, для обработки конструкции ракеты "Сатурн-V" в наземных условиях. И не случайно она успешно стартовала с первой попытки. Ну а мы затратили на эту часть всего 1 миллиард рублей. Отсюда и соответствующая "отдача" Н-1: из четырех попыток — четыре неудачи при запусках.

В целом же затраты на весь проект Н-1 составили 3 миллиарда рублей, то есть в восемь раз меньше, чем у американцев (в те годы еще был "паритет" в соотноше-

нии рубля и доллара). Ну и что же мы получили в итоге?

Вот что рассказывал космонавт А. А. Леонов, руководитель нашей лунной группы, в интервью еженедельнику "Аргументы и факты" (№ 52 за 1991 год):

"В июне 1968 года мы должны были первыми облететь Луну, но без посадки. Высадиться мы уже не могли — не хватало денег. Американцы всадили в свою программу сразу 25 миллиардов долларов. Куда нам было до них! И все же мы могли облететь Луну раньше их, но произошел ряд досадных случаев: то перепутали плюс на минус при монтаже, то облегчили один прибор, который потом замкнул, то "дядя Ваня" сунул заглушку не туда, куда нужно... А еще помешала робость, трусость многих, кто отвечал за это, да еще пьянство!"

Короче говоря, состязание с американцами в "лунной гонке" мы проиграли по всем статьям. И все-таки уступать им безоговорочно по-прежнему не собирались и готовились взять реванш. Было это связано с очередной попыткой В. П. Глушко затмить славу Королева таким уникальным полетом на земную спутницу, от которого все ахнут.

Подобная возможность появилась у вечного соперника Сергея Павловича благодаря тому, что 17 мая 1974 года Глушко занял место руководителя королевской фирмы. Взяв таким образом бразды правления отечественной пилотируемой космонавтикой в свои руки, он произнес перед "королевцами" тронную речь. В ней В. П. Глушко прежде всего объявил Н-1 грубейшей ошибкой своих предшественников, а потом выложил на стол собственную "kozyрную карту".

Суть дела была такова: по указанию директивных органов коллектив ОКБ должен под его, Валентина Петровича, руководством разработать грандиозный, эпохальный проект отправки на Луну экспедиции сразу... из 6—12 человек и создания там стационарной базы-поселения! Однако этот "проект века" так и не продолжился хотя бы в виде отработанной технической документации, доказав тем самым свою безжизненность.

Вместе с тем было принято решение отправить на свалку, в металлолом, шесть комплектов ракеты Н-1. И полностью готовых, и "полуфабрикатов". Кроме того, вскоре появилось еще одно высокое указание: "максимально использовать при дальнейших разработках в создании космических аппаратов имеющиеся фрагменты этой ракеты-носителя". Их впоследствии действительно "использовали". Отдельные части Н-1 пошли на сооружение величественной беседки на космодроме Байконур, такой же масштабной танцплощадки и наконец... свинарника. Эти "объекты" и стали необычными "крестами" над могилой лунной программы стоимостью в три миллиарда рублей.

Правда, и потом были еще попытки предложить новые варианты отечественных лунных пилотируемых полетов. Так, детально подготовленный в 1972 году проект предусматривал оригинальную схему рейса к Селене на одном корабле с высадкой трех космонавтов в любом районе ее поверхности. Этим вариантом планировалось время их пребывания на Луне до 14 суток и прямое возвращение оттуда на Землю в любой момент. Осуще-

ствить такой проект предполагалось в 1978—1990 годах. Однако принят он не был...

Истины ради следует сказать, что в ходе "боевых действий" на фронтах "холодной войны" наступали иногда периоды временного затишья, перемирия. Они, к сожалению, не перерастали в стадию "братания", но все же приводили стороны к деловому партнерству, к научно-техническому сотрудничеству. Для космической сферы такая "оттепель" в советско-американском противостоянии наступила в начале семидесятых годов, в связи с подготовкой и реализацией проекта ЭПАС — экспериментального полета "Аполлон"—"Союз".

14 июля 1975 года с космодрома Байконур, куда прибыл для проводов посол США в нашей стране У.Стессел с супругой, в 15 часов 20 минут по московскому времени стартовал космический корабль "Союз-19". На четвертом витке космонавты А. А. Леонов и В. Н. Кубасов (это были их вторые полеты в шестой океан) выполняли плановый маневр по переводу КК на так называемую монтажную орбиту, где и должна была произойти стыковка двух национальных кораблей. Через семь с половиной часов после нашего старта в штате Флорида с мыса Канаверал поднялся в космос "Аполлон" с американскими астронавтами на борту: Т. Стаффорд, В. Бранд и Д. Слейтон (для командира это был четвертый полет на орбиту, а двое других — новички.)

Увы, и для наших ребят, и для американцев начало полета оказалось не самым благоприятным. На "Союзе" отказал коммутационный блок телевизионной системы. А экипажу "Аполлона" на первых порах никак не удавалось демонтировать стыковочный механизм (из-за ошибки, допущенной при его сборке на Земле), чтобы обеспечить свободный доступ в переходный модуль.

Вот почему следующий день у тех и других ушел на устранение этих непредвиденных дефектов. К чести обоих экипажей, однако, космонавты и астронавты блестяще справились с возникшими неисправностями, ликвидировав их в кратчайшие сроки с помощью советов и рекомендаций с Земли.

Благодаря этому к вечеру 16 июля на эйдафорах (телеэкранах) Центров управления появился цветной дружеский шарж, нарисованный Алексеем Леоновым: три астронавта в лихо заломленных ковбойских шляпах, сидя верхом на "Аполлоне", вглядываются в космические дали, вопрошая: "Где они?". И почти одновременно поступил доклад американского экипажа о том, что путь в стыковочный, переходный модуль открыт!

Дата 17 июля 1975 года навсегда вписана в космические скрижали земной цивилизации: на околоземной орбите впервые создан научно-технический комплекс из двух кораблей разных стран.

На пороге стыковочного модуля встретились русские Алексей Леонов и Валерий Кубасов с американцами Томасом Стаффордом и Дональдом Слейтоном.

— Здравствуйте, Алексей! Здравствуйте, Валерий! Как дела? — сказали по-русски астронавты.

— Glad to see you! — ответили космонавты английским приветствием, означавшим "Рады вас видеть!"

"Дядя Том" (как называли партнеры бригадного генерала Стаффорда) и "ковбой" Дик пожаловали в гости на борт "Союза-19" — здесь международный экипаж (а

Бранд в основном блоке "Аполлона") услышал по радио приветственные слова, с которыми обратились к ним главы обоих государств.

В бытовом отсеке "Союза" космонавты и астронавты обменялись государственными флагами своих стран, скрепили подписями свидетельства ФАИ о первой международной стыковке в космосе (Вэнс Бранд подписал эти документы на следующий день). Леонов передал Стаффорду доставленный на орбиту нашим экипажем флаг ООН, который впоследствии был возвращен на американском корабле на Землю и передан в Организацию Объединенных Наций. А потом радушные хозяйки пригласили коллег на торжественный обед, во время которого заморские гости отведали исконно русское блюдо — борщ... в тубах, естественно.

Вечером того же дня состоялась небывалая международная пресс-конференция, когда астронавты и космонавты отвечали на вопросы журналистов из пресс-центров Хьюстона и Москвы. Эти телепередачи, как показали подсчеты, смотрел и слышал миллиард жителей Земли!

Советский экипаж вернулся на родную планету 21 июля. А через двое суток так же благополучно приводнился в Тихом океане и "Аполлон". Программа экспериментального полета, продолжавшаяся десять дней, была успешно завершена.

Американский журналист Эверли Дрискол назвал ЭПАС, этот прекрасный союз "Союза" и "Аполлона", Вифлеемской звездой XX века, которая символизирует рождение нового спасителя человечества — космическое сотрудничество наций, исповедующих единую космическую веру взаимной помощи и приязни. Эта его мысль нашла прекрасное поэтическое выражение:

И мнится мне, что ей одной
На долю выпал звонкий жребий —
Стать Вифлеемскою звездой
В еще бездушном космосе...

К сожалению, на смену подобным "оттепелям" приходили очередные "оледенения". И ожесточенные космические гонки двух супердержав продолжались с новой силой. Они до предела накаляли не только военные, но и, казалось бы, самые мирные орбиты.

Наша страна по-прежнему "давила-доставала" американцев количеством. Количеством запусков космических аппаратов различного назначения, особенно же количеством основных экипажей и экспедиций посещения на отечественных орбитальных станциях, временем пребывания космонавтов в околоземном пространстве. Короче говоря, мы придерживались все того же принципа: чем больше, тем лучше.

Что же касается американцев, то они после завершения своей лунной программы "ответили" на наш обвальный объем количества лишь запуском в мае 1973 года одной орбитальной станции "Скайлэб" ("небесная лаборатория"). За девять месяцев ее активной работы в космосе на ней побывало только три экспедиции посещения (против 20 наших). И все!

Иными словами, США с февраля 1974 года по апрель 1981-го, то есть на целых шесть лет, взяли своеобраз-

ный тайм-аут. И вообще "завязали" с использованием одноразовых космических кораблей в пилотируемом варианте (за исключением эпизодического полета по программе ЭПАС).

И мы, конечно же, не замедлили воспользоваться этой "форой", любезно предоставленной нам "потенциальным противником". Мы снова вырвались вперед в престижных супергонках, громогласно и торжествующе трубя об этом направо и налево. Однажды на прямой, лобовой вопрос кого-то из журналистов:

— А не ради ли пропаганды, доказательства преимуществ нашей социальной — социалистической — системы выполняются Вами, космонавтами, многочисленными полетами на орбиту?

— Да что тут скрывать! Именно ради этого и летаем, — так же откровенно ответил один из наших космических грандов.

В общем, мы опять были на резвом отечественном рысаке чистых космических кровей, скачущем во весь опор, уверенно берущем новые барьеры достижений, галопирующем без оглядки на соперника. Вот почему следующий ход в затянувшейся "шахматной партии", сделанный американцами тоже "конем", срезал нас на полном скаку. Они, США, вновь обошли нас на несколько "лошадиных корпусов", запустив в космос многообразный транспортный космический корабль системы "спейс шаттл" (Space Shuttle в переводе означает "космический челнок"). Первый полет такого МТКК, имевшего персональное имя "Колумбия", состоялся 12—14 апреля 1981 года.

О широких возможностях "шаттлов", каждый из которых может совершить 55 полетов (на такое количество рассчитан ресурс работы двигателя их орбитального блока), говорят убедительные данные. Так, с помощью этих крылатых кораблей удалось слетать в космос первой женщине-астронавту США — Салли Райд, 18—24 июля 1983 года, на "Челленджере"; освоить успешную работу в открытом космосе на дистанционных манипуляторах, которыми вынимали из грузового отсека и, как корабдик на воду, просто ставили на орбиту новые спутники и так же просто снимали с орбит дорогостоящие спутники, отработавшие свою программу. Кстати, для сравнения: в грузовой отсек "шаттла" можно целиком уложить нашу орбитальную станцию "Салют".

При шестом рейсе "Челленджера" в состав экипажа были включены сразу две женщины — Катрин Салливен и Салли Райд (второй полет). В октябре-ноябре 1985 года команду очередного "челнока" составили уже восемь человек, в том числе три иностранных специалиста: два из Западной Германии и один из Нидерландов. Кроме того, на борту "шаттлов" не только успешно работали на орбите граждане Канады, Саудовской Аравии, Мексики, Франции и других стран, но даже... исполнялись музыкальные произведения. В частности, Эллен Очоа — первая испаноязычная американка, вошедшая в состав экипажа "Дискавери", сыграла в невесомости на флейте пьесы Вивальди.

Многообразные транспортные корабли "спейс шаттл" наглядно продемонстрировали всему миру новый успех США, их еще один опережающий нас рыбок в космическом соперничестве. Чтобы хоть как-то умалить эти

достижения, принизить их значение, мы обрушили на "челноки" шквал инсинуаций. Объявили МТКК "тупиковой ветвью космонавтики", назвали их... огромной "летающей бомбой" (из-за большого объема подвесного бака с топливом), которая-де представляет смертельную опасность для населенных территорий, куда они могут упасть в случае какой-то неисправности. Много злых, в основном совершенно несправедливых слов было высказано нами по адресу "челноков" в связи с нашей борьбой против пресловутой СОИ — стратегической оборонной инициативы США, в которой "шаттлы" должны были играть заметную роль, и которая, мол, служит лишь целям "милитаризации космоса".

Но вся эта гневная метель была не более чем тактическим маневром, пропагандистским камуфляжем, дымовой завесой. Для чего? А для наших собственных лихорадочных усилий, сверхспешных попыток восстановить "орбитальный паритет", нарушенный запусками многообразных кораблей.

Именно в это время мы сами начали разрабатывать аналогичную программу, отечественный вариант транспортной космической системы многообразного использования "Энергия"—"Буран". О каком-либо реванше здесь, конечно, не могло быть уже и речи. Но нужно было хоть мало-мальски поддержать наше сильно пошатнувшееся реноме: мы, дескать, тоже не лыком шиты и на такое "многоразье" еще вполне горазды!

Не будем сейчас подробно останавливаться на всех перипетиях "челночного" этапа гонок, на драматической истории создания системы "Энергия"—"Буран". Отметим лишь два принципиальных ее момента. Во-первых, дабы не изобретать велосипед, наши конструкторы, возглавляемые В. П. Глушко, решили, ничтоже сумняшеся, крылатую часть космолета сделать по образу и подобию американского МТКК, просто-напросто... "слизав" его конструкцию, что называется, один к одному.

А во-вторых, тандем "Энергия"—"Буран", как выяснилось, никому у нас не нужен! Вот почему, совершив 15 ноября 1988 года лишь один полет в беспилотном варианте, наша многообразная транспортная система была заморожена на многие годы. Почему? Да потому, что у нас просто не хватило сил и денег, чтобы тягаться с богатыми американцами на равных в космическом соревновании сразу по двум направлениям: в разработке и эксплуатации орбитальных станций и одновременно в создании кораблей многообразного использования. Закономерным финалом стало принятое в 1993 году решение об окончательном закрытии отечественной программы МТКК, на которую было практически впустую истрачено 15 миллиардов рублей.

Зато наши военные с удовольствием разыгрывали сценарии начала третьей мировой войны, естественно, ядерной. Вот как это было сделано летом 1982 года, когда современный Армагеддон бушевал у нас над головой, в космосе, целых семь часов — этого времени вполне хватило бы, чтобы навсегда покончить с цивилизацией на Земле. События тогда развивались так.

Сперва из наших пусковых шахт стартовали две межконтинентальные ракеты-носители СС-11 (по натовскому обозначению). Затем — ракета средней дальности СС-20 (по нашей маркировке РСД-10). Еще одна бал-

листоческая РН была запущена с советской подводной лодки типа "Дельта" (тоже натовское наименование), находившейся в Белом море. После того, как обе СС-20 обогнули Землю, по ним был нанесен удар тоже двумя нашими противоракетами АВМ-Х-3. А со стартового комплекса в Тюратаме (военная ипостась Байконура) на низкую орбиту вывели ИСЗ "Космос-1379". Спустя 1 час 16 минут он, сманеврировав, перешел на новую геоцентрическую траекторию. А еще через два часа, приближаясь к своему апогею в 1100 километров, пролетел рядом со спутником "Космос-1375".

Что же означали все эти манипуляции? СС-11 и СС-20 играли роль действительно наших ракет, наносящих первый удар по США (межконтинентальные) и по Европе (РСД). Второй удар — ракетой подводного базирования — предназначался еще для одной цели на территории "противника". А чтобы он не смог определить, откуда и какие РН запущены, и тем самым узнать адрес агрессора, советским стратегическим спутником-убийцей "Космос-1379" был уничтожен разведывательный спутник, роль которого играл "Космос-1375". Ну а две противоракеты АВМ-Х-3 осуществили перехват превентивного удара по нам, нанесение которого имитировалось все теми же СС-11, ставших после "наших" витков вокруг планеты "вражескими".

Как здорово был разыгран сценарий ядерного Армагеддона: если своевременно уничтожить ИСЗ-шпионы противника, то можно... избежать ответно-встречного удара! Ох, какие страшные, апокалиптические игры затевали вояки: "еще немного, еще чуть-чуть, последний бой..." — и победа в третьей мировой войне обеспечена! Слава Богу, что теперь с доведенным до крайней черты противостоянием покончено раз и навсегда!..

Тем временем американцы на своих "шаттлах" продолжали — и ныне продолжают — снова, действительно, будто челноки, между Землей и орбитой. И вот чего они достигли. В феврале 1993 года на МТКК "Индевор" отправилась в космос уже 55-я экспедиция. Так что счет в этом "забеге" космических гонок (если даже посчитать беспилотный полет нашего "челнока" — с большой натяжкой — за полноценный) стал 1:55 в пользу США.

Однако мы проигрываем космические гонки не только на этой короткой, спринтерской дистанции — околоземной. Увы, наша страна отстает от "дяди Сэма" и в космическом марафоне — в "беге" на длинные дистанции, соразмерные с межпланетными расстояниями и даже масштабами всей Солнечной системы, а то и родной Галактики. Впрочем, судите сами.

В июле 1988 года к "страшному" Фобосу, спутнику планеты Марс, мы запустили сразу два космических аппарата — станции "Фобос-1 и -2". Их программами предусматривалось тщательное, всестороннее исследование этого небесного тела, проведение фотосъемок и телепередач с борта аппаратов, которым вменялось в обязанность, став своеобразными спутниками спутника, пролетать над его поверхностью на расстоянии всего 50

метров и даже посадить туда зонды (один из них был прыгающим — для перемещения по Фобосу):

Но всем этим радужным надеждам не суждено было сбыться. Когда наши автоматические межпланетные станции (АМС) приблизились к цели, случился конфуз — страшный, "фобосовый", ибо слово "фобос" означает "страх". Оба аппарата, один за другим, неожиданно "выпрыгались", перестали слушаться программной "узы".

Еще 2 сентября 1988 года очередной плановый сеанс радиосвязи с "Фобосом-1" не состоялся. В течение полутора месяцев группа управления Центра дальней космической связи неоднократно пыталась восстановить радиоконтакт с АМС — и все впустую. Поэтому дальнейшие попытки были прекращены. А в конце марта следующего года не удалось войти в устойчивый контакт уже с "Фобосом-2". По оценкам специалистов, он перешел на режим неуправляемого вращения. Провести коррекцию орбит АМС "Фобос-1 и -2" не удалось, и оба аппарата удалились... неизвестно куда.

Все это происходило на фоне выдающихся межпланетных достижений американцев, на фоне их новых успехов в освоении Среднего и Дальнего космоса. Как раз в эти дни на Земле были получены сотни прекрасных фотоснимков и видеоматериалов планеты Нептун, сделанных КА "Вояджер" ("Путешественник"). Эта информация, представляющая огромную научную ценность, передавалась с расстояния 4,496 миллиарда километров от Земли.

На борту "Вояджера-1 и -2", стартовавших соответственно 20 августа и 5 сентября 1977 года, находится послание землян к потенциальным соседям — внеземным цивилизациям. Оно представляет собой медную аудио- и видеопластинку, на которой записано 115 изображений и множество голосов Земли, в том числе приветствие братьям по разуму на 60 языках человечества. А вот автоматические станции "Пионер-10 и -11", отправленные американцами с той же гуманной миссией в просторы Галактики еще в 1972-73 годах, несут инопланетянам несколько более скромную информацию: металлические пластины с изображениями мужчины и женщины, положения Земли в пространстве и т. д. Зато эти "Пионеры" уже летят за пределами Солнечной системы.

Еще к началу 90-х годов нашими крупными, авторитетными специалистами был сделан однозначный неутешительный вывод: мы отстаем в космонавтике от США, по крайней мере, на 10—15 лет. К сожалению, пока этот разрыв не сокращается, а наоборот — растет из-за растущей нищеты России. Увы!..

И уж дай-то Бог, чтобы на смену былому соперничеству, конфронтации и безудержной космической гонке поскорее пришла, восторжествовала та единая космическая вера взаимопонимания и сотрудничества, первые ростки которой появились во время экспериментального полета "Аполлон"—"Союз".

Людмила РАФИЕНКО

ТЕНИ СТАРОГО ДОМА

Бывшая резиденция пермских губернаторов... Дом на углу Сибирской и Екатерининской (ныне улицы К. Маркса и Большевикская) и по сей день щеголяет своим нарядным фасадом.

Строилось здание в начале 90-х годов XVIII в. как господский дом усадьбы председателя Пермской палаты суда и расправы И. Д. Прянишникова. Выходец из небогатых дворян он получил образование благодаря покровительству всеяильного в ту пору графа Ф. Г. Орлова. Служил в Сенате переводчиком, а потом стал сенатским секретарем. Опубликовал несколько переводов, сделанных для собрания, "старающегося о переводах иностранных книг", учрежденного Екатериной II в 1768 году. Когда открылось Пермское Наместничество, служил в Перми.

Если прийти в дом вечером и побродить по его тихим комнатам, наверно услышишь, как переговариваются тени обитателей губернаторского дома.

В феврале 1793 года у Прянишникова-старшего родился сын — Федор, будущий крупный государственный чиновник, библиофил, коллекционер, меценат, основатель частной картинной галереи русских художников. В Петербурге он возглавлял Почтовое ведомство и входил в состав Государственного Совета. Но вместе с тем был почетным членом Академии художеств, Московского художественного общества и Общества поощрения художеств. Он подарил Публичной библиотеке много ценных рукописей и редких книг. Тем же благодетельствовал библиотеку Новороссийского

университета, московский Румянцевский музей, библиотеки им. Н. М. Карамзина в Сямбирске и им. В. А. Жуковского в Белеве. Собранную им картинную галерею у него купил император Александр II и подарил ее тому же Румянцевскому музею.

В Перми у Иван Прянишникова бывал проездом автор "Путешествия

бири" находим строчки: "Пробыв в Перми с немалым удовольствием в дому И. Д. и получив письма, согласился плыть по Каме".

Дом Прянишникова в Перми был украшением города. Построен он из лиственницы, а позднее обложен кирпичом. В 1803 году, после отъезда семьи в Петербург, был продан со всеми строениями за двадцать тысяч рублей богатому откупщику В. Злобину. Однако по смерти Злобина оказалось, что за ним числился большой долг по откупу; дом был заложен и пошел с публичных торгов на погашение долга.

Купил его губернский стряпчий О. Ф. Арендт для своей дочери на дворной советницы Барановой, муж которой долгие годы служил губернским прокурором.

В 1842 году Пермь была объята большим пожаром — выгорел старый центр города около Петропавловского собора, сгорел и прежний дом губернатора, а административный центр переместился на Сибирскую улицу. И наиболее удобным для квартиры градоначальника сочли дом С. И. Баранова, который и был куплен под резиденцию. Здание было приспособлено для размещения семейства, приемной губернатора, а канцелярия устроилась в деревянном флигеле, который до наших дней не сохранился.

До начала XX века дом выглядел скромно. Одноэтажное здание с антресольным этажом, прямоугольные окна обрамлены наличниками с сандриками. На фасаде, обращенном на Екатерининскую улицу, прямые сандрики чередуются с треугольни-

из Петербурга в Москву" А. Н. Радищев. Они были знакомы по совместной службе в Сенате. Возвращаясь из сибирской ссылки в мае 1797 года, Радищев провел в Перми 6 дней. В его "Записках путешествия из Си-

ми. Здание опоясано широким завершающим карнизом с "сухариками". На фасаде Сибирской улицы гладкий фриз прерывается тремя окнами антресольного этажа. В этом доме в 1845 году поселился пермский губернатор И. И. Огарев. А чиновником особых поручений при нем служил выпускник Царскосельского лицея, писатель и поэт, будущий редактор газеты "Кавказ", автор путевых очерков "От Зауралья до Закавказья. Юмористические, сентиментальные и практические письма с дороги" Е. А. Вердеревский.

С 1865 по 1870 год хозяином дома на Сибирской улице был администратор Восточной Сибири, публицист, автор мемуаров Бернгард Васильевич Струве. Он был сыном известного астронома, академика В. Я. Струве. После окончания Царскосельского лицея служил в Иркутске при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском. В 1849 году руководил экспедицией по реке Лене от Якутска через Охотск до Камчатки. Был ближайшим сотрудником генерал-губернатора в пору, когда земли по Амуру были присоединены к России. Этому посвящены его мемуары. "Граф Н. Н. Муравьев-Амурский. Из воспоминаний о его деятельности" (1885), "Воспоминания о Сибири" (1888) и др.

Будучи начальником губернии, он собирал материалы по истории раскола на Урале. Уже после отставки и переезда в Петербург опубликовал статью "К истории раскола и упразднения крепостного права в Пермской губернии. Адриан Пушкин и его учение". Он же, Бернгард Струве, кстати сказать, опубликовал проект "О возможности удобного внутреннего водяного пути по Сибири между Европейским побережьем Ледовитого моря и Тихим океаном", который был прообразом северного морского пути вокруг Сибири.

26 января 1870 года в доме губернатора Перми родился младший сын Бернгарда, будущий известный русский экономист, философ, публицист Петр Струве. В конце 90-х он редактировал журналы "легальных марксистов" "Новое слово" и "Начало", участвовал в составлении Мани-

феста РСДРП, но позднее отошел от марксизма. Преподавал политэкономии в Политехническом институте им. Петра Великого в Петербурге. Вышли в свет его работы: "Крепостное хозяйство. Исследования по экономической истории России в XVIII и XIX вв." и первый том книги "Хозяйство и цена", за который ему присудили степень магистра. В 1917-м защитил докторскую диссертацию и в том же году избран действительным членом Петербургской Академии Наук (исключен в 1928-м).

Петр Струве был одним из лидеров партии кадетов. В годы Гражданской войны входил в состав "Особого совещания" при А. И. Деникине и был министром правительства П. Н. Врангеля. В 1921 г. эмигрировал за границу. Преподавал в университетах Софии и Праги. Скончался в Париже. Посмертно в Париже опубликована его работа "Социальная и экономическая история России с древнейших времен до нашего в связи с развитием русской культуры и ростом российской государственности" (1952). Это был один из видных представителей культуры русского зарубежья.

Б. В. Струве на посту пермского губернатора сменил Н. Е. Андреевский. А весной 1876 года через Пермь проследовала Бременская научная экспедиция, организованная на средства сибирского мецената А. М. Сибирякова, направлявшаяся в Западную Сибирь. Ее участником был известный немецкий натуралист, зоолог и путешественник, автор шеститомной "Жизни животных" и основатель знаменитого Берлинского аквариума — Альфред Эдмунд Брем (1829—1884). Путешественники были тронуты заботливостью пермского губернатора и навестили его, чтобы высказать свою признательность.

Воспоминания о посещении дома губернатора в Перми оставил в "Истории моего современника" русский писатель В. Г. Короленко, который в 1880—1881 годах отбывал здесь политическую ссылку. По прибытии в Пермь, писал он, "полицейстер... тотчас же отправился с нами к скромному одноэтажному губернаторскому дому. Нас ввели прямо в гостиную, где нас встретил губерна-

тор Енакиев". Короленко вынужден был часто бывать в этом доме и отмечал доброжелательное отношение к себе губернатора.

Витает здесь и тень русского ученого химика и общественного деятеля Д. И. Менделеева. В 1899 году он по заданию Министерства финансов возглавил экспедицию на Урал для исследования причин отсталости металлургической промышленности края. В работе "Уральская железная промышленность в 1899 году" описал посещение дом губернатора Д. Г. Арсеньева: "Следующий день (19 июня) утром я отправился сперва к губернатору не только с визитом, но и с желанием получить разные разъяснения об отношениях края, имеющих значение для железной его промышленности, особенно о крестьянских наделах, о размерах всяких налогов на заводское население, о правах посессионных владельцев, об отношении хозяев к рабочим и т. п. То, что я узнал от многоуважаемого Дмитрия Гавриловича просветило меня во многом... и оправдалось дальше, когда сам и мои спутники видели многое. Здесь выяснились мне и многие факты, показывающие недостаточность в крае учебных заведений... и назревшая потребность в местном высшем политехническом институте с особым развитием металлургии". Надо сказать, что в 1916 году открылось Пермское отделение Петроградского университета, а в 1917-м Горный институт в Екатеринбурге.

В 1908 году дом губернатора был реконструирован, и внешний облик здания кардинально изменился. Не стало тамбура входа с улицы Сибирской. По восточному фасаду сделана пристройка, куда перенесен главный вход и двери оформлены порталом с сандриком. Фасады получили пышный декор в духе эклектики. Они расчленены небольшими выступами, завершенными аттиками. Стены рустованы. Окна обрамлены рамочными наличниками.

Таким дом губернатора дошел до наших дней.

На снимке: дом губернатора в Перми. Конец XIX в.

Москва

Еще до начала царствования будущий император Николай Александрович немало повидал как в России, так и за рубежом. Совершая полукругосветное путешествие из Петербурга в Петербург на крейсере, он посетил Европу, Палестину, Индию, Японию... Летом 1891 года, продвигаясь с Дальнего Востока в столицу, цесаревич достиг Оренбургской губернии, где размещалось третье по численности казачье войско.

Вот строки из приказа по войску: "Его Императорское Высочество Государь Наследник Цесаревич и Августейший Атаман всех казачьих войск изволил проследовать благополучно по пределам Оренбургского казачьего войска.

Осмотрев на пути следования от границы войска, со стороны Сибири до гор. Оренбурга строевые казачьи части и команды... Его Императорское Высочество изволил найти все означенные части в блестящем состоянии не только по молодечки наружному виду, но и по служебной подготовке казаков, как равном по обмундированию...

Благодаря мудрому предначертанию Государственного Манарха, Августейший Атаман наш мог ближе ознакомиться не только со служебной подготовкой вашей, но и самим домашним вашим бытом, в среде коего дети ваши с малого возраста весьма успешно подготавливаются к почетному званию казака и несению им обязанностей службы.

Случай сопровождения Его Императорского Высочества вашими детьми-казачатами, между которыми были 8-ми летние малыши, конвоировавшие иногда непрерывно Наследника Цесаревича более ста верст, не могли не обратить высокого внимания Августейшего Путешественника на лихость, неумоимость и

Вячеслав ВОЙНОВ ЦЕСАРЕВИЧ В ОРЕНБУРГЕ

неустранимость казачат и не внушить Его Императорскому Высочеству уверенности в том, что по первому мановению Государственной руки вся войсковая территория обратится в один общий военный лагерь, в ко-

вич прибыл в Оренбург. В станции его встретил наказный атаман с депутацией казаков. После объезда почетного караула и батарей Оренбургского казачьего войска, Николай Александрович направился в Никольскую казачью церковь, а потом проследовал в город. Толпы народа приветствовали Цесаревича криками "ура". В соборе его встретил Епископ Макарий. В доме губернатора состоялся прием служащих, а затем обед. Об этом писал "Правительственный вестник".

Нельзя не вспомнить о малоизвестном факте, связанном с пребыванием Наследника в Оренбурге. Еще в 1874 году оренбургский губернатор генерал-адъютант Н. А. Крыжановский испросил разрешение царя на строительство собора. Высочайшее согласие было получено. Сбор денег шел едва ли не по всей России. Цесаревич, будучи в Оренбурге, внес 500 рублей. А 19 октября 1895 года Казанский собор освятили.

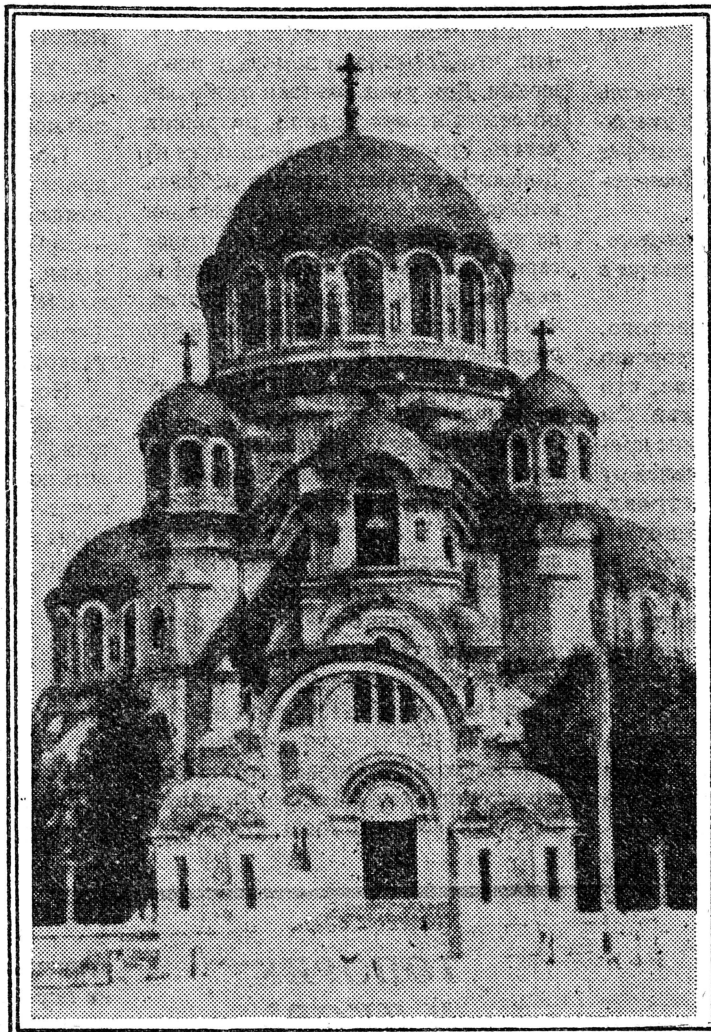
В январе 1886 года был высочайше утвержден эскиз храма, выполненный академиком Яценко.

Без стоимости крестов, иконостасов, настенной живописи и оградительных работ, строительство обошлось в 213400 рублей. А всего собрали 434256 рублей.

Высота собора была 68 метров, вместимость — 3 тыс. человек. Для отливки колоколов был вызван в Оренбург особый мастер. Первый колокол весил 723 пуда, второй — 302. Их подняли зимой 1894 года. Колокольный звон слышался на расстоянии до 25 км.

Храм расписывали художники К. Е. Маковский и А. М. Корин.

На снимке: Казанский собор в Оренбурге (1895—1932). Был взорван в 1932 году.

тором все, от стара до мала, не только окажутся способными с пользой служить, но и будут готовы с честью умереть за Царя и Отечество...

Наказный Атаман, генерал-майор Маслаковец".

Итак, в июле наследник цесаре-

Оренбург

Читатель дополняет

Очерк Юл. ЗЛОТНИКОВА «Обитель» (1993, 9) впервые поведал нам историю возникновения в Екатеринбургe Новотихвинского женского монастыря и рассказал о его настоятельницах, в том числе последней из них — игуменье Магдалине (в миру — Досмановой). Монастырь под ее попечением стал заметным возбудителем духовной и культурно-просветительской жизни Екатеринбургa.

Автор, однако, сетует на скудость биографических сведений о настоятельнице и высказывает предположение о ее родстве с пермскими купцами Досмановыми.

А краевед из города Артемовского, Свердловской обл. А. Брылин сообщил в редакцию о своих разысканиях.

Старожилы села Покровского, ныне Артемовского района, хорошо знают дом купца Досманова, что стоит прямо напротив церкви. Он появился тут в первой половине прошлого века и заметно отличался от обычных крестьянских застроек. Высокий, с мезонином, обшитый крашеной доской в елочку, дом своими большими окнами весело смотрел из-за тополей на центральную площадь села. Рядом стояли «досмановские» кирпичный магазин, обширные кладовые и сарай.

После революции в доме располагались то правление колхоза, то сельский совет, то школьные классы, то музей или народная дружина. На фрон-

МАГДАЛИНА ИЗ СЕЛА ПОКРОВСКОГО

тоне даже установлена мемориальная доска, сообщающая, что в 1918 году здесь записывали добровольцев в Красную армию.

Еще ребенком я слышал от старших, что Досмановы помогали революции. Дом у них все-таки отобрали, но самих не арестовали, разрешив уехать. Где-то перед войной один из Досмановых приехал в село, побывал в своем доме, посмотрел, как ломали на колхозные нужды его добротные сарай. Бдительные хозяева следили за каждым шагом «гостя», предполагая, что он приехал, чтобы откопать где-то спрятанный клад...

Обнаружились имена Досмановых и в официальных документах.

В протоколах Ирбитского земства (село входило в Ирбитский уезд) за 1901 год есть запись о санитарной проверке квасоварни Н. А. Досманова, торговой лавки его брата Ивана, а также синильны их отца Алексея Степановича.

Имя последнего удалось уточнить в метрических книгах Покровской церкви. Оно встречается много раз. Например, за 8 декабря 1869 года значится, что «у ирбитского купеческого сына Алексея Стефанова Досманова и его законной жены Палагеи Федоровны» родилась дочь Анна. Очевидно,

что Алексей Степанович, упомянутый в земских бумагах, и Алексей Стефанович одно и то же лицо. Ибо церковное написание Степана и есть Стефан.

А в записи 1879 года говорится о сестре Алексея «купецкой дочери девице Ефимьи Стефановой Досмановой» 18 лет от роду «свещаной» с крестьянином Туринского уезда А. Я. Белобородовым.

Вот они — Алексей и Ефимья — могли быть братом и сестрой игуменьи Магдалины — Палагеи Стефановой Досмановой, — ставшей настоятельницей монастыря.

По воспоминаниям старожилов и приведенным выше записям происхождение Досмановых в Покровском — ирбитское. Чтобы выйти в игуменью, надо быть грамотной. Но именно с 1843 года в Покровском открыта школа, и в ней наряду с мальчиками училось по одной-две девочки.

Неизвестно, что заставило купеческую дочь, будучи уже не молодой женщиной, на четвертом десятке лет, принять постриг. Вероятно, за этим стоит какая-то личная драма или трагедия, каких не мало случалось в купеческих семьях, связанных с Ирбитской ярмаркой.

Александр БРЫЛИН
г. Артемовский

Что ж, версия как версия. Важно то, что краеведение наше поворачивается лицом к событиям и людям культуры духовной, которые долгое время держались в тени и забвении.

Читатель спрашивает

Есть в моей коллекции, которую собираю более двадцати лет, три заграничных для меня приобретения.

Журнал «Уральский следопыт» — один из наиболее читаемых в России. Надеюсь, среди его приверженцев найдутся знатоки и помогут мне с разгадкой.

ТОПОРИК И ЯКОРЬ

Вот некий бронзовый жетон, изготовленный в виде печати, — плоская поверхность и вдавленное изображение. Диаметр — 33 мм, обработка грубая. Обратная сторона — без изображений и надписей. Гурт гладкий со

следами обточки напильником. Пятина неровная, с признаками окисла меди. На лицевой стороне отчеканены перекрещивающиеся якорь и топорик; крупные буквы ДЧ; над буквами — стилизованное изображение лилии или короны; внизу номер — 29, вероятно, ручной чеканки. Музеи и коллекционеры на вопрос об аналогах отвечают отрицательно.

А вот медаль «Въ память 50 л. присоединения Приамурского Края 1858—1908». Предположений о ней высказала хранитель орденов и медалей Государственного Эрмитажа М.А.Добровольская: «...в нашем собрании имеется подобная медаль также с незаполненной оборотной стороной. Один коллекционер с Дальнего Востока писал мне о подобной медали, но с ушком и с гравировкой на оборотной стороне.

К сожалению, никаких сведений о медали мне найти не удалось. Могу только сказать, что в 1858 году был заключен с Китаем Айгунский договор

ЗАБЫТАЯ МЕДАЛЬ

о границах и мирной торговле, в результате которого состоялось присоединение Приамурского края.

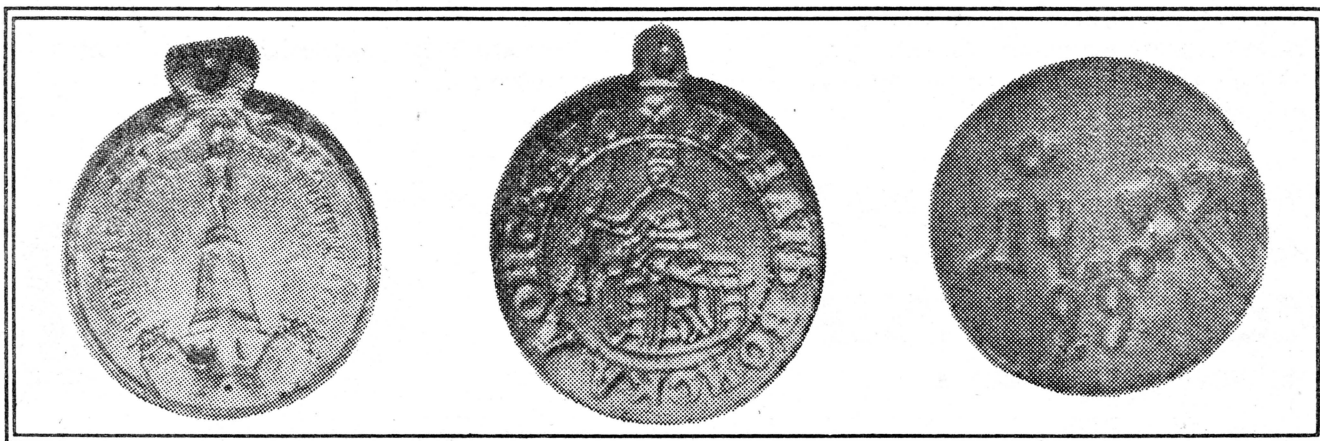
На медали изображен памятник Н.Н.Муравьеву-Амурскому — генерал-губернатору Восточной Сибири, подписавшему этот договор в качестве уполномоченного России.

Гербы — Приморской и Амурской областей — оба утверждены в 1878 году. Можно предположить, что медали были выпущены в память 50-летия присоединения Приамурского края, и те, что имели ушко, давались лицам,

причастным к организации праздничных торжеств, и имя их помещалось на обороте. Медали без ушка были просто памятными и, вероятно, продавались».

Вопросы, однако, остаются: когда, кем и где, каким документом была утверждена эта медаль? Кто автор ее проекта? Где ее чеканили и в скольких экземплярах? Почему на одной медали вырезаны инициалы или другие сведения, а на другой нет, хотя следы ношения очевидны?

Остается только добавить, что медаль выполнена из темной бронзы, 32 мм в диаметре.

А это что: награда, жетон или знак принадлежности и назначения? Представляет собой обычный по исполнению образец медали, диаметром 34,2 мм, отчеканен из меди, покрыт тонким слоем серебра, имеет ушко для подвески со следами ношения. Толщина знака 3 мм.

На лицевой стороне, в центре изображен казак, сидящий на бочке. В правой руке он держит ружье, возможно образца XVI—XVIII вв. Такая разбежка во времени объясняется стилизованным изображением. Саблю, висющую на широком поясе-кушаке, тоже определить затруднительно, это может быть как турецкая, так и тульская работа.

В левой руке казак держит предмет, напоминающий пороховницу в форме рожка. Одет казак в рубаху с узкими рукавами и широкие шаровары. На ногах сапоги с высоким каблучком, а на голове папаха несколько необычной формы.

СУВЕНИРНАЯ ПЕЧАТЬ

Вокруг центрального изображения, по окружности, отчеканены «бусы» в форме точек и тире, причем «тире» — удлиненные прямоугольники, а «точки» — квадраты. Диаметр бус — 23 мм.

За бусами по окружности надпись: «Печать войска донскаго». По центру под ушком надпись разделена крестом с точкой. Крест по форме соответствует кресту на Анненской медали 1796 года, но сопряжения концов креста с центральной его частью дугообразные.

Знак отчеканен, а не изготовлен способом отливки по форме, на что указывают четкие контуры изображенного на нем сюжета и надписи. Отсутствуют знаки отливки — наплывы, шероховатости; гурт гладкий

и плоский. Знак испещрен черточками, вмятинками, мелкими выбоинками, что выдает его длительное бытование, не имеет выпуклых элементов и отчеканен по способу изготовления металлических печатей.

На обратной стороне знака нет никаких изображений, но на ней выцарапан от руки значок, соответствующий 36-й букве «кириллицы» (числовое значение — 900).

На запрос в Государственный Эрмитаж пришел ответ; «Вторую протирку (рассматриваемый знак) определила М.А.Добровольская (хранитель орденов и знаков) как сувенирную подделку под печать». Следовательно, подобный образец в коллекции Эрмитажа отсутствует.

Вадим ПИРОГ
г. Краснокаменск, Читинской обл.

Дождь хлынул так внезапно, что я едва успел юркнуть под козырек какого-то подъезда. И тут же небо разрубил слепящий клинок молнии.

— Снимают, — слышалось рядом.

Я повернул голову и обнаружил слева от себя потертую личность неопределенного возраста в джинсах, серой ветровке и белой кепочке.

— Гроза — это у них для маскировки, — переждав небесный грохот, проговорила личность. — А на самом деле снимают со вспышкой.

— Кто? — не понял я.

— НЛО-шники, кто ж еще. Которые в блюдцах лежат.

— Ну и зачем им?

— Безобразия наши фиксируют, компромат собирают... Вот, пожалуйста, еще один кадр! — Личность указала пальцем на новую молнию.

— Да к чему он им, компромат-то? — все еще не мог ухватить я.

— Вот поэтому самому, — он приподнял кепочку и постучал пальцем по обстоятельной лысине.

— Лысина-то причем?

— При том самом. Она при контактах и образуется. От потоков энергии. А коли волосатик, стало быть, контактами и не пахнет.

— Что же, выходит, все лысые...

— Все до одного, — кивнула белая кепочка. — Только с каждого взята подписка о неразглашении. Потому и молчок.

Мы помолчали. Дождь хлестал по-прежнему, но небесные вспышки прекратились.

— Ну и чем же все это кончится? — вернулся я к исходной точке.

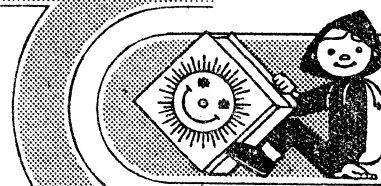
— Неужто эти блюдечники оттягают у нас жилплощадь?

— Пока что Он нас, вроде бы, малость жалеет, — сказал контактер.

Михаил НЕМЧЕНКО

КОНТАКТЕР

ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ

— Хотят на себя планету переоформить. Вот и протоколируют, что мы с ней вытворяем. Чтоб, значит, у нас ордер на нее отобрали, а им — выдали. Поскольку, дескать, нуждаются в улучшении жилищных условий.

— Кто выдал?

— Известно кто: Сам.

Очередная молния сверкнула где-то в отдалении.

— На север пошли, — определила личность в белой кепочке. — Видать, опять стряпают видеобвинение по истреблению лесов. Прямо засыпали Его своими доносами.

— А вы откуда знаете? — спросил я.

— Контактеры все знают.

— У нас на работе один волосатик тоже говорит, что контактер, — усмехнулся я. — Так у него совсем другая версия.

— Плюньте ему в рожу, этому самозванцу, — посоветовала личность.

— Это почему же?

— Похоже, виноватит себя, что из-за вечной запарки не уделял нашему воспитанию должного внимания. Вот мы и выросли этакой шошей-ерошей, растяпистой безотцовщиной. И жилье свое довели до ручки... В общем, на ихний компромат Он пока не реагирует.

— Но в конце концов у Него может лопнуть терпение. И что тогда?

— Ну, к тому времен, когда у него лопнет терпение, на планету нашу уже никто не позарится. Убедятся, что приведена в полную негодность — и домогаться перестанут. В Управлении небесного жилфонда так и запишут: «Ремонту не подлежит. Только под снос».

— Успокоил, нечего сказать, — хмыкнул я.

— Ой, мне пора, — взглянув на часы, заторопился контактер. — У меня в 18-30 контакт.

Он поднял воротник ветровки, поглубже надвинул кепочку и потрусил под неутрахающим дождем к трамвайной остановке.

Светлана ПАПСУЕВА

ПРИТЧА О ЛАЗАРЕ И...ЖИВОПИСЦЕ ФРАНКЕНЕ

"Притча о богатом и бедном Лазаре" — один из безымянных шедевров в Екатеринбургском музее изобразительных искусств. Это полотно поступило в картинную галерею в год ее открытия — 1936. А до того времени пребывало в коллекции краеведческого музея, основу которого составило собрание Уральского общества любителей естествознания (УОЛЕ). Может быть, картину приобрел кто-то из состоятельных членов Общества? Или украшала она шикарный особняк какого-то уральского богача? А может, оказалась в музее в 20-х годах, когда в провинцию попала часть ценностей из столичных собраний? Такова история этого полотна, сплошь состоящая из вопросов.

Когда картина попала в галерею, в ее регистрационной карточке появилась запись: Франкен. Франкены — фламандские художники. В России их работ очень мало: две-три в Эрмитаже, да в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина — одна. Вот и все. Глава этой династии художников — Николас — жил в 16 веке. Был у него наследник Иеронимус, у которого родились сыновья — Франс и Иероним. Все они занимались живописью. А чтобы, как-то различать работы отца и сына, им присвоили "номера": Иероним I и Иероним II. Кто же автор нашей "Притчи о... Лазаре"? Сначала на этикетке появилось имя: Иероним I. Но что-то вызвало сомнение, и в буклете, изданном нашим музеем в конце 1980-х годов, появилось другое имя — Франс. Так, кто же все-таки? Иероним I или Франс — его сын? Я решила рискнуть и поискать разгадку в... деталях одежды людей, присутствующих на трапезе.

Для начала возьмем Библию и прочтем текст притчи. Вот строки из него:

"19. Некоторый человек был богат, одевался в порфиру и виссон и каждый день пиршествовал блистательно.

20. Был также некоторый нищий, именем Лазарь, который лежал у ворот его в струпьях.

21. И желал напиться крошками, падающими со стола богача; и псыходя лизали струпья его.

22. Умер нищий и отнесен был Ангелами на лоно Авраамово; умер и богач, и похоронили его."

(Библия. Книги Нового Завета от Луки святое благовествование. Гл. 16, сс. 86—87)

Рассказывая притчу языком живописи, художник не стал одевать героев в указанные одежды: порфиру и виссон. (Порфира от греческого *porphyreios* — пурпуровый, пурпурная мантия монарха; виссон — от грече-

ского *byssos* — тонкий лен, дорогая белая или хлопчатобумажная материя; употреблялись в древности в Египте, Греции, Риме.) А облачил их в костюмы своих современников. Прием этот не новый, им пользовались еще средневековые художники и живописцы Возрождения.

Итак, на переднем плане за уставленным яствами столом сидят хозяин и его гости. За ними мы различаем еще два лица, и в правом углу картины — фигуру, приносящую новое блюдо.

На противоположной стороне видны сцена страданий бедного Лазаря и те псы, что "лизали струпья его".

Одежда Лазаря отличается от одежд собравшихся. Пурпурное платье — словно одеяние древних греков, а спустившиеся чулки без мысков — будто античные сандалии. Длинная борода, благообразное лицо наводят на мысль, что образ этот мы уже встречали. Так изображали апостолов и философов художники эпохи Возрождения.

Взять хотя бы фреску Рафаэля "Афинская школа". На ней, кроме прочих, изображены склоненные фигуры философов, Диоген, лежащий на ступеньках. (Диоген — древнегреческий философ, живший в IV веке до н. э., практиковал крайний аскетизм: жил в бочке, одевался очень просто, даже бедно. Древнегреческие скульпторы изображали его обнаженным, опирающимся на палку, и с собакой, сидящей у ног). Не этот ли образ был использован художником "Притчи"? Уж очень много общего между Диогеном Рафаэля и нашим Лазарем. Или вот фигура поднимающегося по лестнице философа, жестом указывающего на Диогена. Она, как мне кажется, с небольшими изменениями была повторена Франкеном. Значит, наш художник наверняка видел фреску "Афинская школа", когда учился в Италии или, возможно, использовал зарисовки своих учителей. Жесты рук, повороты голов, драпировки одежд, архитектурные элементы — все подтверждает мысль о влиянии итальянской школы живописи на творчество мастера.

Прежде чем обратиться к костюмам героев "Притчи...", давайте посмотрим, что же носили европейцы XVI века.

Центральная Европа не представляла собой единого модного пространства с общей для всех формой одежды. На арену в области моды вышла тогда Испания — экономически богатая и процветающая страна.

При испанском дворе можно было увидеть дам в не-

стигаемых "бронированных" туалетах и кавалеров в плотных куртках и коротких штанах.

Куртка — дуплет или вамс — представляла собой сложную конструкцию, которая сохранила черты рыцарского средневекового костюма. Несмотря на свою довольно объемную жесткую форму, дуплеты шились строго по фигуре, обтягивая грудь, подчеркивая талию. Верхнюю часть дуплета украшала стойка — самая древняя конструкция воротника. Она была высокая, доходила до мочек ушей, что заставляло мужчин всегда ходить с высоко поднятой головой. Верхний край стойки декорировал белый накрахмаленный воротник, собранный в мелкие складочки. Воротники подобного типа носили до конца XVI века. Они украшали костюмы людей приближенных ко двору и были точной копией одежды королевских особ. Такой объемный кружевной "ошейник" украшал дуплет короля Генриха IV, и уже в XIX веке получил название "Фреза а ля Генрих IV".

По всей длине проймы дуплета притачивались сложенные вдвое полоски ткани, которые у основания образовывали прямую линию, а по мере удаления от нее расходились друг от друга на некоторое расстояние. Сочетание нескольких рядов таких полосок создавало своеобразное жесткое "оперение". Под этим "оперением" находились завязки, к которым крепился рукав по всей длине оката. Вместо "оперенья" часто притачивалась длинная полоска ткани, создавая впечатление козырька над привязанным рукавом.

Рукава также сохраняли некоторое время черты рыцарских доспехов. В местах напряжения (плечо, локоть, предплечье), делались прорезы, сквозь которые проглядывали рукава нижней сорочки, чаще белой.

В середине XVI века рукав становится автономной конструкцией. Бывало, что для одного вамса (дуплета) изготовлялось несколько пар рукавов самой различной формы и цвета. Цвет и ткань рукавов были те же, что и на подштанниках, и часто их число соответствовало количеству рукавов.

Подштанники одевались под основные, изрезанные на полоски брюки. Такие расчлененные штаны получили название "плуидры" или шаровоны. Еще их называли "штаны с начинкой", так как в разрезе была видна цветная подкладка. "Штаны с начинкой" носили одно время поверх узких штанов, которые были до колен и выглядывали из-под широких шаровон.

К нижней части этих шикарных штанов пришивались ленты, которые стягивали и украшали красивым, пышным бантом. Этим же бантом закреплялись чулки в верхней части. Если же у штанов не было лент, то использовали, подвязки, украшенные искусной вышивкой.

Чулки носили цветные, сшитые из полотна, тонкой кожи, бархата и шелка. Упоминание о появлении вязаных, тонких шелковых чулок в Испании относится к 1547 году. Такие чулки получают распространение во второй половине XVI века.

Мода на ленточные формы, касалась не только одежды, но и обуви, которая также имела прорезы.

В XVI веке в странах Европы распространились пантофли. Они произошли от котурна — обуви на толстой

пробковой подошве с верхом из кожи различных цветов. Со времен Эсхилла такую обувь носили актеры, чтобы на сцене казаться выше. Сначала их носили только мужчины. Делались пантофли на деревянной подошве и одевались на модную тогда узконосную обувь.

Затем пантофли становятся принадлежностью исключительно женской моды. Мужчины же носят башмаки из кожи на деревянной подошве, иногда украшенные лентами, пряжками, пуговицами, цветами. Иногда эти башмаки сохраняют высокий каблук и не имеют задников.

Головы мужчин украшали береты самой различной формы (круглые или квадратные), но особенной популярностью во второй половине XVI века пользовались береты небольшого размера. Их верхнюю часть украшали искусная вышивка и перья, которые как нельзя лучше гармонировали с ажурным воротником.

Помимо беретов были в ходу высокие и широкие жесткие шляпы, чем-то напоминающие цилиндр с мягкой округлой тульей и полями. Шились они из кожи, бархата, блестящих шелковых тканей, украшались вышивкой, камнями, перьями.

На тогдашних портретах редко можно увидеть непокрытые головы мужчин, но тем не менее, можно предположить, какой была прическа. Волосы стриглись коротко — в отличие от модных голов эпохи Ренессанс, когда волосы завивали в локоны и кудри. Кое-где однако волосы продолжали носить полудлинными.

Бороду и усы мужчины чаще всего сбрасывали, а те, кто бороду оставлял, придавали ей форму клинышка, как у короля Генриха IV (борода а ля Генрих IV).

Поверх курток мужчины надевали плащи, получившие название мантлик (чешское) или боэмико (испанское).

Боэмико — круглый в плане плащ, без рукавов, до середины бедра, но мог быть и короче, и чуть длиннее. Такому плащу отдавали предпочтение дворяне. Носили его как украшение и в знак принадлежности к своему классу. Боэмико шили из шелка, украшали мехом, жемчугом и вышивкой.

Из модной ренессанской одежды во вторую половину XVI века перешли шелковые плащи с широкими рукавами, меховой подкладкой и меховым воротником, так называемые — шаубе. Им отдавали предпочтение богатые горожане, торговцы, купцы. Шаубе, как и другие виды одежды, переходили от одного поколения к другому, были очень дороги и носились по особым случаям.

После столь необходимого экскурса в историю одежды приглядимся к персонажам живописной "Притчи...". Начнем слева направо.

Наиболее полное представление об одежде мужчин дает фигура в плаще-шаубе. Плащ сшит из золотистой парчи с зеленым вытканым узором и украшен меховым воротником. Рукав плаща разделен на три части: до локтя, до запястья, до кончиков пальцев.

Под плащем видна красная куртка-дуплет с рукавами, также разделенными на несколько частей поперечными полосками. Долевые полоски образуют всю поверхность рукава. Между ними виднеется белая сорочка с

оборками по низу рукава и по верхней части невысокого воротника-стойки.

Через руку перекинут платок-салфетка — тоже предмет роскоши, который только в XVIII веке будет выполнять утилитарную функцию.

Лицо мужчины гладко выбрито. Волосы, подстриженные ровным полукругом, образуют прическу-кольбе, появившуюся в эпоху Возрождения.

Головной убор напоминает котелок без полей. Высокая широкая тулья, округлое доннышко, сглаженные края. По нижнему краю головного убора пристроен темный мех. Из этого же меха выполнен вертикально стоящий козырек. По всей вероятности, головной убор шит из шелковой ткани.

Обут мужчина в красные чулки и башмаки без задников. Обувь, по всей видимости, кожаная, на деревянной подошве.

На груди мужчины видна овальная подвеска из серебристого металла. Надо отметить, что для ювелирного искусства Ренессанса характерно увлечение украшениями из серебра.

Итак, шаубе, рукава дуплета, состоящие из отдельных ленточек; невысокий воротник-стойка, с едва заметной оборкой по краю; прическа; головной убор; подвеска — все это очень характерные детали моды середины и второй половины XVI века. Но заметим, что люди зачастую продолжают носить свою нарядную дорогую одежду и тогда, когда выходят из возраста, ревностно следящего за модой. А потому можно предположить, что изображенная сцена относится к концу XVI века, а если еще учесть тот факт, что одежда передавалась от отца к сыну, то можно прибавить еще лет двадцать, и тогда работу можно отнести к началу XVII века.

Взглянем на костюм следующего персонажа — молодого человека. даже не видя всего дуплета (вамса) и шаровон (плундр), можно сказать, что это конец XVI, начало XVII столетия. Большой воротник, окутывающий шею; широкополая шляпа с цветными перьями "а ля Рубенс" или "а ля Рембрант"; борода клинышком "а ля Генрих IV"; плащ "бозмио" (мантлик), удерживающийся на плечах лентой...

Далее следует дама. И хотя из ее нарядного туалета виден только рукав и воротник — этого вполне достаточно. Ведь воротник — как бы отличительный знак, символ эпохи.

Дамский туалет второй половины XVI столетия, так же как и мужской, сохранял отдельные черты средневекового костюма. Платье состояло из двух самостоятельных частей — лифа и юбки.

Лиф плотно облегал фигуру, подчеркивал талию, утягивал грудь. Жесткий корсет с каркасом из дерева, кости или металла деформировал женскую фигуру, придавал ей сходство с мужской.

К лифу платья шили несколько пар рукавов. В области проймы иногда притачивались валики, набитые ватой, что создавало впечатление приподнятой линии плеч. В этой же части находились шнуры, которые соединяли рукав с лифом.

Рукав спитый с объемной головкой, заполненной пухом или ватой, и узкий внизу, своей формой напоминал грушу. В верхней части рукава-груши часто притачивали несколько рядов полосок-лепестков, которые еще больше расширяли эту область. Как раз такой рукав и видим мы в костюме дамы из "Притчи..."

Чаще всего рукав разрезали от высшей точки оката до низа. Срезы скрепляли бантиками или брошами — как в наряде следующей дамы, присутствующей на трапезе.

К нижней части рукава крепилась манжета, сшитая из белой ткани и украшенная кружевом. Из этой же ткани был и воротник, который во второй половине XVI века становится главным композиционным элементом одежды — как женской, так и мужской. Именно такой вертикально стоящий воротник и видим мы у первой дамы. Он в свое время получил название "воротник а ля Мария Стюарт".

Можно встретить и другое название этого воротника — "а ля Мария Медичи", хотя речь идет об одной конструктивной основе. Название возникло после знакомства европейских дворов с серией работ Питера Пауля Рубенса (1577—1640), посвященных "жизни и героическим деяниям" королевы Марии Медичи.

И здесь следует обратить внимание на маленькую деталь. Воротник "а ля Мария Стюарт" украшал небольшую горловину и плоскую грудь "испанских дам", а воротник "а ля Мария Медичи" крепился к довольно открытому декольте, оформляющему выступающий бюст. То ли Рубенс предпочитал пышногрудых женщин, то ли тугой корсет-панцирь вконец опостылел дамам, но грудь постепенно стали освобождать, и тенденция эта отмечается в 20-е годы XVII столетия.

В нашей "Притче..." ничего подобного еще нет, и это лишний раз убеждает, что работа написана до 20-х годов.

Обратите внимание на прическу. Белокурые волосы, зачесанные наверх, открывают лицо. Для создания этой высокой, собранной в узел на затылке, прически использован подкладной валик. Завершает ее небольшой веночек из красных цветов. Цветы делали из шелка, бумаги, воска. Богатым людям ювелиры делали их из драгоценных камней, а также из жемчуга.

Жемчуг не выходил из моды несколько столетий. У дамы с нашей картины мы тоже видим украшения из жемчуга. Это серьги большой грушевидной формы и бусы (их, к сожалению, трудно разглядеть). Зато у ее соседки украшения из жемчуга, камней и золота просто великолепны. И главное, хорошо различимы. Жемчуг самого различного размера. Очень модной грушевидной формы в ушах и в великолепной шпильке, украшающей прическу. Такие же жемчужины — в нагрудном украшении. Цветы из драгоценных камней украшают шпильку, скрепляют разрезы рукавов с проймой, нижнюю часть лифа с юбкой. Объединенные единым художественным замыслом, ювелирные изделия составляют роскошный гарнитур. А как известно, гарнитуры появились только в начале XVII века, так же, как и мода на грушевидный жемчуг и броши — еще одно подтвер-

ждение того, что время создания картины — начало XVII века.

Богато украшенный лиф платья завершает воротник такой же формы, что и у молодого человека. Такой воротник называли "мельничный жернов" — за его огромные размеры. Шили из кружев, тонкой ткани, сильно крахмалили и кружевной пеной укладывали на плечи.

Юбки нашей дамы на картине, к сожалению, почти не видно, можно разглядеть только ее верхнюю часть. Она соединялась с лифом по талии платяными булавками или, как в нашем случае, — брошами. Юбка называлась райфрок или вертугадо (вертугадэ). Название "райфрок" получило распространение в Германии, а "ветугадо" пришло из Испании и первоначально обозначало только нижнюю юбку, которая шилась из волосяной ткани или фетра.

А теперь посмотрим внимательно на руку дамы, лежащую на плече мужчины. Кажется на указательном пальце блестит кольцо? Но утверждать трудно. А на большом пальце руки мужчины? Тут сомнений нет. Это большой перстень с камнем. И, обратите внимание: у других присутствующих нет украшений на пальцах. Одевая сотрапезников в дорогие одежды, художник хотел как-то выделить одного из всех, подчеркнув его превосходство над другими. Чтобы усилить впечатление, автор прибегает и к другим приемам.

На рукаве плаща-шаубе мы видим художественно исполненные гербы. На шее хозяина-богача — еще один шедевр ювелирного искусства. Это "стружчатая" цепь с подвеской. Да и одежда хозяина указывает на его высокий достаток, например, белая сорочка со стойкой, отделанной жемчугом.

Хозяин всегда сидел во главе стола, и чаще всего именно с этой стороны, что подтверждают многие работы итальянских художников эпохи Возрождения. Вот и

опять мы вспоминаем этих художников. Обратимся, скажем, к работам Паоло Веронезе, изображавшим пиршества. Многофигурные композиции, хозяин во главе стола, сосуды с вином, собаки у его ног, слуги... И опять возникает мысль, что наш художник эти прославленные работы видел. А повторение, заимствование у известных мастеров говорит о том, что живописец еще не сложился, он молод, но несомненно талантлив. Таким художником мог быть Франс Франкен (1581—1642).

Еще раз перечитаем притчу и взглядемся в знакомую теперь картину. Перед нами образы разных людей, стало быть им воздастся по их заслугам.

Как же "рассказать" притчу дальше? И художник находит выход, разместив фигуры в картине-окне над столом собравшихся. Там, в этом окне, мы видим будто бы воскресшего и возвращающегося из ада человека. И окружают его люди, которых мы только что видели за столом, в тех же одеждах, которые мы так пристально разглядывали: гость, сидящий напротив хозяина, молодой человек в шляпе с перьями... И здесь же, в этом окне-картине, мы видим результат праведной жизни — ангел возносит умершего к небесам.

Итак, наше предположение: автор картины — Франс Франкен, а написана "Притча о богатом и бедном Лазаре" в начале XVII столетия. И самой поздней датировкой может быть первая четверть XVII века.

Когда очерк был в наборе, музей получил результаты рентгенографических и физико-химических анализов картины, проведенных сотрудниками московской экспертной комиссии. В ее заключении сказано: "Комплексное исследование выявило специфический метод работы фламандского художника, характерный набор красочных материалов, употреблявшихся в первой четверти XVII века."

Выходит, что не обманули нас одежды Лазаря-богача и его сотрапезников.

*Фоторепродукции Николая ПЕРЕВЫШИНА —
на 4-й странице обложки*

ВНИМАНИЕ!

Редакция журнала "Уральский следопыт" оказывает услуги по подготовке оригинал-макетов книг и их последующему изданию, а также литературной обработке и подготовке к печати мемуаров, историй предприятий и прочей печатной продукции. По вопросам оказания услуг просим обращаться в редакцию.

Майя НИКУЛИНА

ГОРОД ВЕЧНЫХ КАМНЕЙ

Осенью 1993 года в программе "Новости" по Центральному телевидению прошла любопытная информация: первый в нынешней России "ролс-ройс" купил за 250 миллионов некий молодой предприниматель; выпив шампанского и откушав омаров, он отправился в свой родной Екатеринбург, обронив мимоходом: "Машина эта стоит столько, сколько 110 граммов изумрудов, а они через мои руки проходят пудами..."

Дело тут, конечно, не в "ролс-ройсе" (кстати, как сообщила пресса, владелец его прикупил еще три таких же автомобиля), а в том, что молодой екатеринбургский богач заговорил, как в прежние времена: "камень пудами идет"... И есть в этом нечто от старого екатеринбургского шика, подмывающего топазовыми щетками утыкать камень цокольного этажа своего дома, или подзуживающего золотить крышу...

В прошлом веке Екатеринбург славился как город золота и драгоценных камней. Иначе и быть не могло: уральское золото вывело Россию в число ведущих золотодобывающих держав. На Урал пала первая в России золотая лихорадка: Березовка, Пышма, Мельковка, Исеть и малые, впадающие в них речушки — вот оно, начальное здешнее золото — на нем и нынче живем. Что же касается драгоценных камней, то в районе уральской Голконды (места, расположенные в непосредственной близости к Екатеринбургу и Нижнему Тагилу), по словам старых горщиков, "самоцветы плыли гуще моря и длиною в локоть". И какие: изумруды, александриты, аметисты, шерлы, фенакиты, сапфиры, рубины, хризолиты, аквамарины...

В те времена их из-под ног поднимали, после дождя пашня блестела от самоцветов, в деревнях были люди, у которых драгоценные камни стояли мешками. Бывальщины, скажете, слухи. Но во Д. Н. Мамин-Сибиряк, отменный знаток Урала, пишет то же самое: именно мешками.

И все эти горщики, огранщики, яшмоделы и малахитчики жили либо в Екатеринбурге, либо поблизости — в Березовском, в Шарташе, в Верх-Исетском и Нижне-Исетском заводах или вокруг Тагила и Невьянска, что тоже неподалеку. Были, конечно, добытчики камней и подальше, например, на Южном Урале. Но практически все добытые на Урале самоцветы стекались в Екатеринбург. Слобода Мельковка (район от железнодорожного вокзала до кинотеатра "Космос") кишмя кишел хитроумными мужиками, продавцами, перекупщиками, хитниками... Отсюда камень поступал в обе российские столицы и во многие европейские; торговые агенты из Франции, Англии, Бельгии, Америки интересовались здешними камнями, знаменитые фирмы — Картье, Фаберже... И в самом Екатеринбурге ювелирные магазины были богатые: для того, чтобы в этом убедиться, доста-

точно перелистать старые газеты и перечитать рекламные объявления. В библиотеке им. В. Г. Белинского имеется каталог фирмы "Уральский экспорт" за 1911 год: на 36 страницах предлагают нам золотые вещи более 200 наименований — кольца, серьги, браслеты, кулоны, броши, запонки, булавки — и все с камнями. Кроме того, фирма предлагала церковную утварь: напрестольные кресты, потиры, венчики на иконы, панагии... В каждой ювелирной лавке продавали разные камни — оправленные и неоправленные. Продавцы камушков встречали приезжих, заходили в гостиничные номера. Тогда, по свидетельствам современников, через город проходило — ввозилось, обрабатывалось, вывозилось, продавалось в магазинах и из-под полы — невероятное количество камня.

Эта "невероятность" проявлялась и в характере самих изделий. Скажем, малахитовые украшения. Особенно тут славились уборы для красавиц — большой и малый. В малый входили перстни, серьги, ожерелья, кулоны, заколки для шляп, браслеты-зарукавья, пудреницы и табакерки. Обязательно полагалась диадема (или наголовник) из малахита и малиновых шерлов. Ожерелье было два: короткое и длинное. Короткое — в 60—70 бусин от маленьких (5—6 мм в диаметре) до больших (10—12 мм). Такое ожерелье имело сдвоенную длину 25—27 см. Длинная нитка делалась в 2—3 раза больше, и крупные бусины в ней достигали 15—17 мм в диаметре. Браслеты изготовлялись из малахитовых пластинок, но иногда вытачивались из куска цельного малахита.

В большом наборе ко всему этому прилагалось зеркало в малахитовой раме, шкатулка для драгоценностей (так что знаменитая уральская "малахитовая шкатулка" — это и есть малахитовая шкатулка с драгоценностями), декоративные вазочки, подсвечники, пепельницы и бьюар (папка для хранения почтовой бумаги).

"Золотая и драгоценная" слава города, истинно заслуженная, скандальная и блистательная, принималась здесь как должное и с удовольствием. Вошли же в нашу историю легендарные капризы местных богачей (вроде свадьбы Константина Зотова и Александры Рязановой, которая длилась целый месяц и на которой поили весь город); донные таинственная судьба изумруда Коковина; рассказы о взятках столичным чиновникам, опять же "каменных"; воспоминания легендарных горщиков, утверждавших, что "на Урале все есть, а если чего и нет, значит — не докопались еще". А наши бывальщины, суеверия, приметы: вдруг козел ежевечерне появляется за огородом, или свинья на дороге разляжется, или рыжая собака выскочит — ведь все к золоту. Его и змеи кажут, и огонь, и барышня, ежели встретится в лесу и будет она в шелковом желтом или светло-розовом

платье... И даже пресловутый гроб, что в полночь выкатывается из погребца, — все равно золотом рассыплется.

Рассказов о том, как некий дед нашел в лесу ярко-зеленый блестящий камень величиной с яйцо и прозрачный, как стекло, да отдал тот камень ребятишкам на игрушки; или о том, как деревенская молодка огромным бериллом соленую капусту пригнетала, — таких рассказов здесь великое множество. Кто только не работал на нашу славу: и чудодей-горщики, и ловкие продавцы, и герои "хитного промысла", лихо ворующие "зеленый товар" из-под носа охраны, и мастера подделки: один такой умелец ухитрился самому А. Гумбольдту подсушить стекла вместо хрустала — а тоже удаль...

В 1920 году, накануне вступления в город белых, представители большевистской власти вывозили из Екатеринбурга золото, платину и драгоценные камни — и опять же пудами, сотнями пудов.

С прежним именем городов ушла и прежняя слава: социалистическому Свердловску она была ни к чему. Строился Уралмаш — "завод заводов", сносились старые кварталы, забывались старые традиции. Конечно, оставались наши малахитовые колонны в Исаакиевском соборе, наши уникальные каменные вазы в Эрмитаже, наши великие камни в музеях мира, — но это были уже история и литература. В войну город стал сплошным цехом, госпиталем и эвакуационным пунктом, "седой Урал ковал Победу" — и перед этой славой справедливо меркла всякая другая. Впрочем, добывали и золото, и изумруды, чем, кстати, оплачивалась американская помощь.

Однако после войны прежняя "драгоценная" история Екатеринбурга напомнила о себе сама, и весьма неожиданным образом: в обнищавших, опустошенных домах и квартирах оказалось множество каменной мелочи — чернильных приборов, ювелирных лотков, коробочек, ножей с топазовыми и аметистовыми черенками, подсвечников, запонок и т. д. Этих вещей здесь всегда было так привычно много, что за них не давали ничего — ни хлеба, ни картошки. В конце 50-х начале 60-х годов на улице Вайнера, в подвальчике, был ювелирный магазин: невероятное количество серег, колец, браслетов — звездчатые сапфиры, яркие изумруды, лиловые аметисты. Одно кольцо я помню до сих пор: огромный бутон с полураскрытыми лепестками, наискось выгнутыми и даже вывернутыми, внешняя сторона которых покрыта цветной эмалью, а внутренняя — сияющей каменной искрой — зеленой, красной и синей; и крупный радужный камень в центре, внутри.

Помню большой, — величиной с настоящий сиреневый — лист, сплошь усыпанный изумрудами и хризолитами, от того переливающийся и как бы влажный. Не знаю, было ли это безусловно с точки зрения ювелирного искусства, но потрясающее — было. По слухам, это были здешние вещи, скупленные, подроставшиеся и заново пущенные в продажу. Я сознательно говорю "по слухам", ибо слава и есть молва, вещь изустная.

В последующие годы наши великие камни можно было видеть только в геологическом музее и в редких частных коллекциях. Честь и слава уральским коллекционерам! Только они и спасли для потомков множество каменных изделий (собачек, яиц, печатей, грибков, осо-

бенно горок — этаких настольных коллекций, оформленных в виде горки с пещерой внутри), что безжалостно выбрасывались на помойки, когда всех одолела мода на мебель из древесно-волоконистой плиты и пластмассовые безделушки.

Достаточно долго в наших краях (где некогда крыши красили малахитом, где каждая рудничная девушка изумрудов не носила, но аметистовые или топазовые буски имела) в цене были чешское стекло и спущенные с конвейера кольца с плавленными рубинами.

Однако магия места, видимо, существует. Однажды я подарила западному журналисту (тогда редкому гостю, мы в "закрытом" городе жили) богатую аметистовую шетку, и вдруг испытала откровенную гордость, когда на его вопрос — много ли у нас такого? — ответила: "Сколько угодно".

Молва оживала медленно. Потянулись детские рассказы о подземных ходах и подвалах (набитых золотом, конечно!), об Агафуровских и прочих кладах, упрятанных будто бы в каменные ограды, в надвратные вазы — значит, искать надо. Вспомнили, что в войну отходами с изумрудных рудников подсыпали железнодорожное полотно, так что в насыпи и теперь полным-полно изумрудов, что какой-то коллекционер нашел-таки там зеленый камень величиной с двухсотграммовый стакан. Говорили даже, что площадь перед Кафедральным собором была выстелена вишневым яшмой — а почему нет? Были же в здешних церквях кресты и иконные оклады, усыпанные сотнями драгоценных камней.

Сегодня решительно заметно, что город возвращает себе прежнюю славу. Еще три года назад на витрины ювелирных лавок подкладывали аккуратные объявления: "Продаются демантоиды" или "В продаже природные изумруды". Сейчас они лежат — всякие, крупные и мелкие, — приходи и смотри. В отделе "Каменные вещи" в магазине "Академкнига" — изумруды, демантоиды, рубины, топазы, аквамарины; было кольцо из сапфира, то же — из изумрудов — за рубли и доллары. В "Аметисте" долго торговали прекрасными топазами и аквамаринами. В лавках при Геологическом музее — бериллы, аквамарины, топазы, опалы, аметисты, черны... В "Каменных вещах", опять же в помещении книжного магазина на углу улиц Белинского и Декабристов — снова аметисты, изумруды, цирконы, были даже оливнины. Камни — в антикварных магазинах: в здании музея в Историческом сквере недели две сияло большое золотое ожерелье из крупных аквамаринов. В магазине завода "Уральские самоцветы" (там на дверях большие ручки из цветной яшмы) изумруды и сапфиры лежат постоянно, только крупные застать трудно — покупают быстро.

Ювелирных магазинов и лавок становится больше с каждым днем. Интересно, что они упорно возникают на тех самых — прежних местах. Например, на Покровском проспекте: "Аметист", два ювелирных салона в квартале между Вознесенской (пока К. Либкнехта) и Соборной (Пушкинская), тут же — 50 метров от Покровского проспекта — только что открывшийся "Изумруд", потом уже упомянутая антикварная лавка в музее в Историческом сквере, такая же — в Краеведческом музее, потом "Агат" и два магазина (или же три?) далее

по улице. И выбор всюду широк: есть колечки и сережки с маленьким камушком, с искрой (из тех, что раньше горничным дарили), есть — с камнем покрупнее, есть — совсем богатые вещи, в несколько миллионов ценной. Всегда есть, на что поглядеть.

Стали традиционными ярмарки драгоценных камней. Это весной и осенью. Содержание их известно: ограненные камни, образцы для минералогических коллекций и просто красивые камни — для любителей. Выставлены были поделки и ювелирные изделия. Но главное — камень на столах, в коробках с прозрачными крышками, отдельными звездами в ватных гнездах, наборами, кучками — кругом, много. И посетителей много, и разговоров — тоже:

— Рубинов-то нет... (Это — с недоумением: как это рубинов нет?)

— Сапфиры сегодня плохие... (Почти с обидой).

— А слева у стенки видел?

— Да, но мелкие...

— Изумруды приличные есть...

— Демантоиды хороши...

... "малиновые шерлы", "Чайные хризолиты" — где еще услышишь такое?

— Купите мальчику другу в память о нашей выставке...

— Надо взять, пусть малый знает, на какой земле живет...

Поистине, прежняя слава уже поправляет нашу жизнь. Медали лауреатов только что возрожденной Демидовской премии уложены в малахитовые шкатулки: уж если возрождать традиции, то в полной мере, а Демидовы всегда давали щедрее, чем казна. К 390-летию Дома Романовых и 75-летию гибели семьи последнего российского царя изготовлена памятная медаль с соответствующей надписью и портретом Николая II (цена 1.246.814.)

— Берут ли юбилейную медаль?

— Берут. Почему нет?

И скоро разобрали.

Даже шумная наша криминальная известность имеет определенный местный колорит. Представитель Прези-

дента по Свердловской области В. Машков, отмечая, что в области воруют круто, уточнил, что именно воруют: снова "зеленый товар". Малышевские рудники не скудеют: изумрудосодержащая порода прослеживается до глубины 800 метров, а может и глубже — глубже не смотрели. В конце 80-х годов там нашли изумруд в 10 тысяч карат, в 1990—91 гг. — еще 15 штук редких по красоте крупных изумрудов. За год из недр извлекается около тонны необработанных изумрудов. Так что и хитники появились, и подпольные гранильные мастерские, и продавцы. В газетах пишут об этом много: "... расстрелян в упор... президент АО... незадолго до гибели предпринял ряд шагов, направленных на освоение золотосодержащих отвалов Верхней Синячихи и изумрудных — Малышевки."

Изделиями из камня торгуют всюду — в музеях, в холлах контор, административных зданий, в магазинах — и совсем не обязательно специализированных, в киосках... В центре города, в людных местах, возле больших магазинов — обратите внимание — всюду продают серьги, колечки, подвески — камушки. Привет из Екатеринбурга!

И вот уже две женщины, стоящие у витрины с французскими украшениями (в аннотации утверждается, что золотое покрытие продержится 10 лет) рассуждают вполне на екатеринбургском уровне:

— Что это с покрытием покупать? За эти деньги можно настоящий камень взять.

Камни появились у нас дома — друзья горного хрусталя, агаты, малахитовые плашки, пейзажные яшмы, камни стоят в офисах. Минералогических образцов продано много, и цена пока еще сходная.

Понятно, что изделий из яшмы, сердолика, агатов, авантюринов, лазурита, родонита, обсидиана достаточно. И приятно, что появилась масса вещей особого рода, изготовленных просто так, от богатства земного — шариков, кубиков, гладких отшлифованных камушков — аметистов, цветных кварцев, глазковых шпатов — этиких галечек, безделок, чтобы в кармане носить, чтобы руку радовало и тешило: не в нищем краю живем — в горном царстве.

Редакция готовит к переизданию "Энциклопедический словарь" братьев Гранат — 75 томов. Предполагаемая стоимость комплекта — 1 млн. рублей. Для определения тиража просим присылать предварительные заявки и предложения по изданию.

ДВАЖДЫ РЕКОРДСМЕН

Клеменс Мюттер из Кельна дважды был занесен в "Книгу рекордов Гиннеса". Первый раз "Книга" отметила его достижение на качелях — он качался на них 102 час 30 минут. Второй раз его назвали рекордсменом в другой "отрасли" — за 7 часов 58 минут он вычистил 1622 пар обуви.

БЕГОМ ПОСЛЕ ФИНИША

В одном из кантонов Швейцарии был организован традиционный осенний кросс. Для участия в нем записались два заключенных из местной тюрьмы. Поскольку они отличались примерным поведением тюремная администрация решила позволить им участвовать в забеге, считая, что это будет рекламировать ее гуманное отношение к содержащимся за решеткой. Кросс состоялся прекрасным солнечным днем. Среди многочисленных участников были и два заключенных. Они бежали хорошо — хотя и не пришли первыми, все же были в первой десятке. Однако к удивлению зрителей и судей они не остановились на линии финиша, а продолжали своей бег, словно по инерции. Кто-то пытался кричать им, что они-де не заметили финиша, что, мол, вернитесь. Не тут-то было. Бегуны наоборот прибавили скорость и исчезли с глаз. Похоже, что в этом же темпе они пересекли недалекую от этих мест государственную границу. Полиция за ними не поспела...

МАРСИАНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В АНТАРКТИКЕ

Исследователи НАСА изучают в Антарктике дно покрытого льдом озера с помощью технологии "телеприсутствия": шлем, фиксирующий повороты головы человека, сидящего перед экраном, позволяет управлять поворотами телекамеры, установленной на мини-подлодке, берущей химические и биологические образцы озера Хоар на острове Росса. Антарктика, утверждает глава экспедиции Карол Строкер, — то место на Земле, которое больше всего похоже на Марс.

ЛЕЙКОЦИТЫ В НЕБЕ

Глядя в чистое голубое небо, большинство из нас видит бесчисленное количество светлых летящих точек. Эти точки — лейкоциты, циркулирующие в сетчатке глаза, и их плотность можно использовать для оценки содержания лейкоцитов в крови, не прибегая к ана-

лизу с помощью иглы, утверждает Дейч, профессор офтальмологии чикагского медицинского центра Св. Луки. Дейч, работающий с носителями ВИЧ, создал прибор, позволяющий производить "бескровный" анализ крови.

ДА ВЫ ПОПРОБУЙТЕ НАШИ ТАБЛЕТКИ!..

Американские фармацевтические фирмы провели рекламную кампанию, стремясь убедить общественное мнение и научное сообщество в важности своей продукции. Поводом послужили результаты опроса Гэллага, проведенного для Ассоциации производителей лекарственных препаратов; результаты опроса показали, что общественное мнение ставит лекарственные препараты и вакцины на 4-е место в списке главных достижений в области медицины за последние 30 лет — после диагностического оборудования, хирургии и изменений качества жизни.

Фармацевтические фирмы считают, что такая ранжировка свидетельствует о недооценке обществом вклада их продукции в снижение заболеваемости и увеличение продолжительности жизни. Между тем установлено, что лекарства и вакцины сыграли решающую роль в борьбе с онкологическими заболеваниями, артритом, гриппом и пневмонией. 50% успеха в лечении пяти главных болезней-убийц последних 25 лет дало применение именно лекарств и вакцин, утверждают фирмы-производители.

*Перевод с английского
из журнала "Scientis"
Андрея КАРДИ*

БУДЕТ ДОЖДЬ МЕТЕОРИТОВ?..

Как сообщил американский журнал "Нью Сайнтист", специальный комитет НАСА по предотвращению столкновения Земли с космическими объектами, учрежденный в 1991 г., подготовил отчет, в котором предлагается использование различных боевых средств для перехвата грозящих Земле объектов. Среди них: установка лазерных пушек на Земле и на Луне, запуск на околоземную орбиту сотен ракет с боеголовками мощностью 100 Мт каждая и даже использование антиматерии для взрывов с целью изменения орбит метеоритов и комет. В кратком предварительном отчете, представленном конгрессу в марте 1991 г., содержится предложение начать "пристрелку" — подготовку к практическим экспериментам по поражению астероидов с использованием ядерного оружия.

Хотя отчет до сих пор не опубликован, гражданские специалисты, привлеченные к подготовке отчета, пришли к выводу, что применение подобной военной техники может представлять еще большую опасность, чем те объекты, против которых ее собираются использовать. Более того, один из членов "Комитета по перехвату" К. Чэмпен (Институт планетологии) считает, что подготовленный НАСА документ "не объективен в оценках и содержит технические ошибки... И намеренно составлен таким образом, чтобы склонить читателя в пользу применения военных технологий".

По мнению гражданских астрономов, главную угрозу для Земли представляют крупные объекты, столкновения с которыми хотя и очень редки, но имеют катастрофические последствия.

Горячие сторонники использования оружия гораздо больше интересуются мелкими объектами. Причину этого не нужно искать далеко: поскольку эти объекты встречаются гораздо чаще, они представляют собой набор космических целей, на которых оборонная промышленность может практиковаться.

Однако не все астрономы согласны с тем, что энтузиазм специалистов по вооружению проистекает из желания избежать безработицы. В частности, в ноябре 1992 г. астрономы Аризонского университета объявили, что проведенные с помощью телескопа поиски малых небесных тел в околоземном пространстве показали их наличие в значительно большем количестве, чем предсказывалось. Хотя эти объекты не представляют реальной опасности, но уже то, что их оказалось так много, показывает, что наш уровень знаний о количестве малых небесных тел явно недостаточен.

Еще одно доказательство того, что малыми объектами нельзя пренебрегать, было получено членом комитета НАСА австралийским астрономом Д. Стиллом. По его мнению, относительно небольшие объекты, подобные Тунгусскому метеориту, могут попасть на Землю не по одному, а целым роем, что существенно увеличивает опасность.

Стил и его коллеги из Оксфорда Д. Эшер и В. Клюб проанализировали траектории всех известных астероидов, пересекающих орбиту Земли, и выделили группу из 15 небесных тел, орбиты которых динамически связаны с метеорным потоком, или т. н. комплексом Тайрид. Полагают, что именно к этому набору космических обломков относился Тунгусский метеорит.

Подготовил А. ЮРЬЕВ

Александр СЕМЕНИН

ГДЕ НА ЗЕМЛЕ ЖИТЬ ХОРОШО

Как-то пришла ко мне на прием женщина. Элегантная, что называется, цветущего "бальзаковского" возраста. Жалуется: с недавних пор ощущает ничем не объяснимую раздражительность, испортился сон, стали мучить головные боли. Деликатно пытаюсь узнать: есть ли проблемы в личной жизни, все ли благополучно в семье? В этом смысле грех жаловаться: любящий муж, с которым прожила многие годы; заботливая и внимательная дочь. И я подумал: не тот ли это случай, когда здоровье человека подтачивает длительное его пребывание в геопатогенной зоне?

Взял с собой две металлические рамки, и пришли мы к пациентке домой. Исследую энергетику ее комнаты. Подхожу к кровати — рамки резко смыкаются! Вот вам и причина загадочного недомогания — ежедневно моя пациентка 7—8 часов подвергала себя мощному воздействию отрицательной энергии геопатогенной зоны.

Г. П. Орлов — главный врач Центра медицинской профилактики. Он один из немногих медиков Екатеринбурга, кто пытается, анализируя причины заболеваний, принимать в расчет и влияние так называемых геопатогенных зон. Что же они собой представляют?

Земля наша окутана энергетической сетью. "Линии" этой сети (так называемые "линии Хартмана") проходят с севера на юг на расстоянии 2 м друг от друга и в направлении с востока на запад — через каждые 2,5 м, ограниченные четырьмя "углами" — местами пересечения линий Хартмана. На этих "перекрестках" как бы концентрируется энергия различного происхождения — именно здесь и располагаются очаги геопатогенных зон: это излучения Земли и сооружений, созданных человеком, а также энергия, приходящая на планету из космоса. Особенно опасны для здоровья геопатогенные зоны, создающиеся вблизи геологических разломов, над местами пересечения подземных водных истоков и там, где сконцентрированы мощные искусственные источники энергии и всевозможные коммуникации (трансформаторные подстанции, линии высокого напряжения, телефонные, электро- и телевизионные сети и др.). Эти источники "вредной энергии" нарушают однородность естественного электромагнитного поля, окружающего Землю, приводят к явлениям, неблагоприятным для нормального течения физиологических процессов в организме человека. В результате — ухудшается самочувствие, начинают преследовать тяжелые болезни, которые при воздействии подобных факторов неизбежно прогрессируют. Опасность тем более велика, что "враг", который подстерегает нас в собственной квартире, долгое время остается неведомым — последствия его разрушительной деятельности мы ощущаем, лишь приобретаая симптомы разнообразных недугов.

В западноевропейских странах проведено немало исследований, которые убедительно показывают, что люди, проводящие большую часть своей жизни в очагах геопатогенных зон, рано или поздно приобретают хронические болезни. Немецкая исследовательница К. Бачлер обследовала 3 тысячи квартир в 14 странах и установила: у всех без исключения заболевших раком кровати располагались на пересечении линий Хартмана. Факт, согласимся, устрашающий, но в то же время он дает и надежду на избавление человека от "болезни века", ведь обнаружение геопатогенных зон, как увидим дальше, доступно и на бытовом уровне. Тем более, что кратковременное пребывание в этих зонах совершенно безвредно. Болезнь возникала лишь в том случае, если в геопатогенном участке оказывались кровать или рабочий стол человека — места, где он проводил значительную часть суток.

Можно долго перечислять недуги, к которым приводит продолжительное пребывание в "гиблом месте". Вначале возникают чувство дискомфорта и быстрая утомляемость, ничем не объяснимая нервозность и раздражительность; затем они отягчают жизнь человека уже на фоне развивающихся тяжелых болезней: ревматизма, астмы, склероза, стенокардии, туберкулеза, лейкемии... Но если в силу обстоятельств люди переезжали на новое место жительства — от хворей нередко избавлялись, словно снимали с себя колдовские чары.

Геопатогенные зоны оказывают вредоносное действие, вероятно, на все виды живых организмов. Там, где пересекаются линии Хартмана, у растений возникает массовое образование опухолей; там больше деревьев, пораженных молнией. А проведенные в Латвии исследования, как пишет журналист Александр Нефедов, "показали, что 75 процентов рогатого скота, больного маститом и лейкозом, находилось на стойловом содержании в геопатогенных зонах. Изменения условий содержания позволили увеличить надой молока на 45 процентов".

Интересно, что для разных видов живых организмов зоны с наиболее неблагоприятной энергетикой часто не совпадают. Так, в геопатогенных для человека зонах предпочитают строить свои "дома" муравьи и создавать многочисленные гнездовья вороны (как будто не зря в старых народных сказках эта птица служит предвестником бед и несчастий!) А вот еще один живой "индикатор" гиблого места — кошка. Если ваша Мурка постоянно запрыгивает к вам в постель — не прогоняйте ее. Но передвиньте кровать в другое место — наши четвероногие друзья предпочитают отдыхать в той части комнаты, где сконцентрирована отрицательная, для нас — "плохая" энергия. Ну, а если и на другом месте кровать будет привлекать кошку, то значит, питомица ваша от-

личается добрым нравом и приязнь к своему хозяину выказывает вопреки собственным энергетическим потребностям. В данном случае эта привязанность оказывает вам плохую услугу, ибо уже нельзя использовать кошку в качестве "индикатора" мест с вредной для человека энергией.

Из растений хорошим указателем наличия в комнате геопатогенной зоны служит известная всем герань (пеларгония). В местах, подвергающихся повышенному воздействию отрицательной энергии, она буйно разрастается, пышно цветет, и, как полагают некоторые специалисты, нейтрализует или смягчает влияние на человека вредных излучений. (Не в этом ли истоки давней и прочной любви горожан и селян к этому невзрачному декоративному растению? Возможно, люди интуитивно подбирают для дома то, что не только украшает их жилище, но и делает пребывание в нем комфортным и безопасным). Впрочем, в квартирах, где есть геопатогенные зоны, зачастую достаточно всего на полметра передвинуть кровать или рабочий стол, чтобы обезопасить себя от нежелательного энергетического воздействия.

Как же определить, где в комнате находится "худое" место, и есть ли в наших городах специалисты, которые могли бы провести исследования помещений на геопатогенность?

По мнению видного ученого-биофизика А. Дуброва, признаками, свидетельствующими, что человек долгое время находится в местах с неблагоприятными энергетическими параметрами, являются: необъяснимая антипатия к своей кровати и рабочему месту; долгое засыпание, плохой сон не снимающий усталости; учащенное сердцебиение; потеря аппетита; стойкое подавленное настроение. Разумеется, эти симптомы могут служить и предвестниками заболеваний, вызываемых совсем другими причинами. Но если видимых оснований для ухудшения вашего самочувствия нет, — подумайте, не от продолжительного ли пребывания в геопатогенной зоне оно возникло?

К сожалению специалистов-биолокаторов, определяющих уровень вредных для здоровья человека излучений Земли, технических сооружений, жилых и общественных зданий, в Екатеринбурге почти нет, как и во многих других регионах необъятной России. В СНГ этим занимается межведомственная Комиссия по проблемам биолокационного эффекта, возглавляемая академиком Н. Сочевановым. Но пока возможности ее, в том числе материальные, весьма скромны и ограничены. А меры принимать необходимо.

В периодической печати западных стран публикуется много объявлений о продаже различных устройств и приспособлений, экранирующих или нейтрализующих энергетические излучения геопатогенных зон. Причем, средства эти (свинцовая и алюминиевая фольга, кварцевый песок, кирпичная крошка, шерстяные и хлопковые ткани, картонно-восковые плиты и др.) обычно очень просты и доступны; сложность заключается в их верном выборе и установке в помещениях.

Для определения геопатогенной зоны очень просты рекомендации болгарского ученого И. Милева. Привяжите к нитке кольцо или груз (обязательно из немаг-

нитного материала), чтобы можно было наблюдать его вращение. Сам Милев пользуется крупной янтарной бусиной, можно использовать и медный браслет. Попав на линию Хартмана, груз начнет раскачиваться, а в перекрестии войдет во вращение; внутри же энергетической сети он неподвижен. Перед началом обследования нить должна прийти в равновесие. Ваши кровать и письменный стол следует ставить внутри прямоугольника, не попадая на линии и, тем более, — на их перекрестия.

Почему, однако, у нас мало известно о геопатогенных зонах? Быть может, это недавнее открытие зарубежных ученых? Отнюдь. С явлениями биолокации человечество знакомо и так или иначе их использует около 4000 лет! История свидетельствует, что наши предки с особой тщательностью выбирали места для создания тех сооружений, в которых приходилось пребывать долго: дома для жилья, церкви и... кладбища. Очевидно, люди обладали каким-то интуитивным даром, благодаря которому определяли зоны с положительной энергетикой. Имея эту необычную способность, искусные ведуны, рудознатоцы и лозоходцы с помощью раздвоенной ветви виноградной лозы указывали лучшее место для строительства дома, находили подземные водные источники, залежи полезных ископаемых и даже людей, погребенных снежной лавиной или обломками разрушившегося здания.

Удивительно, но и сегодня методы биолокации остались практически прежними: все та же виноградная лоза, к которой за долгие столетия добавились только простенькая стальная или медная рамка да металлический маятник — вот и все "приборы" для обнаружения тонких энергий, оказывающих огромное влияние на здоровье человека! Биолокация долгое время не признавалась и считалась шарлатанским псевдонаучным направлением даже среди видных ученых. Не удивительно, что механизм биолокационных исследований не объяснен до сих пор! Но одно дело — теоретическое объяснение природного явления, а другое — практические меры по защите от его пагубного действия. Надо скорейшим образом обезопасить людей от вредного влияния геопатогенных зон, которое доказывается многочисленными фактами. Вот что следует, как представляется, предпринять властным органам и людям, ответственным за принятие важных решений в региональном и всероссийском здравоохранении и градостроении.

1. Организовать по возможности более широкое исследование жилых и производственных зданий на геопатогенность их интерьеров.

2. Наладить выпуск средств, нейтрализующих вредное земное и техногенное излучение, сделать их доступными и обязательными для применения.

3. Изыскать денежные средства для проведения биолокационных научных исследований и подготовки специалистов этого профиля.

4. Внести коррективы в стратегию и программу градостроительства. Современная застройка, когда город постепенно, без пространственных пропусков, расширяет свои границы, не учитывая расположение геопатогенных зон, должна быть признана ошибочной и безусловной вредной для здоровья людей.

Игорь НЕПЕИЪ

ЗА ВЕРУ И ВЕРНОСТЬ ОРДЕН СВ. АНДРЕЯ ПЕРВОЗВАННОГО

О точной дате появления на свет первого русского ордена мнения в исторической литературе различные. Точнее других эту дату назвал секретарь австрийского посольства в Москве Иоганн-Георг Корб в своем "Дневнике путешествия в Московию": "20 марта (по новому стилю, по старому же 8-го) 1699 года Его Царское Величество учредил орден Св. Апостола Андрея и пожаловал первым кавалером оного Боярина Головина, который в тот же день вечером показывал орденские знаки Посланнику и объяснял ему содержание Статута."

Таким образом, датой учреждения первого русского ордена — Св. Андрея Первозванного — следует считать 8 марта 1699 года, а его первым кавалером — генерал-фельдмаршала Федора Алексеевича Головина (1650—1706).

Апостол Андрей Первозванный почитался святым патроном (покровителем) русской земли еще со времен киевских князей. Существует предание, что апостол Андрей проделал путь "из греков в варяги" т. е. прошел все русские земли с юга на север. При этом он посетил и благословил те места, где впоследствии были основаны Киев и Новгород.

Знаки ордена Андрея Первозванного состояли из креста, звезды и голубой ленты, которая носилась через правое плечо.

Крест ордена косой. Согласно легенде, Апостол Андрей приговоренный к распятию, посчитал, что недостойн креста учителя своего — Иисуса Христа, и был распят на особом, косом кресте.

На концах орденского креста были обозначены латинские буквы SAPR: "Святой Андрей покровитель России". Крест носили на шее на золотой цепи, украшенной эмалью.

Орден с бриллиантовыми украшениями представлял как бы высшую его степень.

С 1855 года, если орден жаловался за военные заслуги, к нему сверху добавлялись два скрещенных меча.

Звезду ордена — серебряную — носили на левой стороне груди. В ее центре на золотом фоне был изображен двухглавый орел, с наложенным на него андреевским крестом, а по окружности, по голубому фону, написан девиз ордена: "За веру и верность."

Наплечные ленты изготавливались из голубого муара, шириной 10—12 сантиметров. В Историческом музее хранится лента ордена, принадлежавшего П. И. Багратиону. Она была на нем в день Бородинского сражения, когда князь получил смертельное ранение.

Екатерина II была последней царствующей особой, которой довелось самой возложить на себя знаки андре-

евского ордена. Последующие русские самодержцы и их наследники получали "Андрея Первозванного" сразу по рождении, члены императорской семьи мужского пола — великие князья — при крещении, князья императорской крови — по достижении совершеннолетия.

С 1797 года каждый награжденный андреевским орденом автоматически становился обладателем орденов Александра Невского и Анны I степени: с 1831 года — также Белого Орла, с 1855-го — Станислава I степени. Но это случалось чрезвычайно редко, ибо к моменту награждения "Андреем Первозванным" претендент уже имел все предшествующие ордена.

Следующими за Головиным кавалерами стали:

в 1700 году гетман Иван Степанович Мазепа (1644—1709). Лишен ордена в 1708 году за измену.

1701 — бранденбургский посланник Принтцен и генерал-фельдмаршал Борис Петрович Шереметев (1652—1719);

1703 — саксонский канцлер, граф Бейхлинг; царь, позднее российский император Петр Великий за захват двух шведских кораблей в устье Невы, которым руководил лично в звании бомбардир-капитана; генерал-фельдмаршал, позднее генералиссимус, светлейший князь Александр Данилович Меншиков. Получил орден одновременно с царем за тот же подвиг.

В Государственном Историческом музее находится единственная звезда ордена Андрея Первозванного, относящаяся к петровской эпохе. Она принадлежала генерал-фельдмаршалу, командующему артиллерией в Полтавской битве Я. В. Брюсу (1670—1735).

Андреевский орден жаловался весьма скупо. При Петре Великом его получили около 40 человек, при Екатерине I — 18. Екатерина II пожаловала орден своим подданным. Даже для императрицы это оказывалось делом далеко не простым.

Возник вопрос о награждении А. В. Суворова за победу при Кинбурне (1787). В дневнике статс-секретаря императрицы А. В. Храповицкого есть такая запись: "Говорено о победе Суворовым; за уборным столом сказано: "Александр Васильевич поставил нас вчера на колени, но жаль его, старика ранили." В рескрипте на имя Суворова императрица поблагодарила его и все войско за победу и прибавила: "Чувствительны Нам раны Ваши". Дать же за победу орден Андрея Первозванного она не решалась. Из письма к князю Г. А. Потемкину: "Пришло мне было на ум, не послать ли Суворову ленту Андреевскую, но тут паки консидарация та, что старше его Князь Юрий Долгоруков, Каменский, Миллер и другие не имеют. Егория большого креста еще более

консидерации меня удерживают послать. И так, никак не могу ни на что решиться, а пишу к тебе и прошу твоего дружеского совета..."

Лишь благодаря ходатайству Потемкина, Суворов получил голубую ленту, а через два года за победу при Фокшанах (1789) награжден алмазными знаками андреевского ордена.

Все русские генерал-фельдмаршалы XVIII—XIX веков удостоились "Андрея Первозванного". Назовем лишь некоторых.

Петр Семенович Салтыков (1698—1772), граф, андреевским кавалером стал в 1758 году за участие в сражении при Цорндорфе. Во время Семилетней войны назначен главнокомандующим русской армией и в генеральном сражении под Куненсдорфом нанес сокрушительное поражение главным силам прусской армии под командованием короля Фридриха II.

Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725—1796), граф. Во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг. командуя I армией, которая действовала в Молдавии, одержал победу над турецкими войсками при Ларге, Кагуле, Рябой Могиле. Из указа Сената от 10 июля 1775 г.: "...за разумное полководство алмазами украшенный повелительный жезл или булава; за храбрые предприятия — шпага, алмазами обложенная; за победы — лавровый венец; за заключение мира — маслинная ветвь; в знак монаршего за то благоволения — крест и звезда ордена святого апостола Андрея, осыпанные алмазами..."

Григорий Александрович Потемкин-Таврический (1739—1791), светлейший князь.

6 декабря 1788 года пала турецкая твердыня — крепость Очаков. Ее штурмом командовал Потемкин... За присоединение Крыма к России он получил титул "Таврический". А Андреевский орден ему вручен 25 декабря 1774 года.

Были среди андреевских кавалеров герои — таких большинство, были и полнейшие ничтожества — их много. Одним из таковых был последний фаворит стареющей Екатерины II князь Платон Александрович Зубов. За несколько лет жизни при дворе он получил почти все, чего талантливый Потемкин добился ценой всей своей жизни на государственных и военных поприщах.

Вот некоторые генерал-фельдмаршалы XIX века — андреевские кавалеры.

Михаил Илларионович Кутузов-Смоленский (1745—

1813), светлейший князь. Победитель Наполеона в войне 1812 года.

Иван Федорович Паскевич (1782—1856), князь Варшавский, граф Эриванский. Негативное отношение наших историков к этому полководцу едва ли оправдано. Боевые награды и чины он получал не в Петербурге, а в действующей армии, участвуя почти во всех войнах, которые вела Россия в первой половине XIX века. "Андрея Первозванного" получил за победу под Ахалциком и за взятие этого города штурмом (1828).

Дмитрий Александрович Милютин (1816—1912), граф, последний русский фельдмаршал, военный министр при Александре II. В результате реформ, проведенных Милутиным, сокращен срок службы солдат в строю, реорганизованы военно-учебные заведения, в армии отменены телесные наказания, созданы военные округа.

Известно его пятитомное исследование "История войны России с Францией в царствование императора Павла I в 1799 г." За этот труд Императорская Академия наук присудила автору полную Демидовскую премию.

В 1874 году, став андреевским кавалером, он записал в дневнике:

"30-го августа. Пятница... Пробыв целый день в Урзуфе с невесткой и племянниками, возвратился вечером в Ялту... Каково было мое удивление, когда вдруг явился ко мне в гостиницу фельдъегерь из

Ливадии с грамотой и знаками ордена св. Андрея. Сегодня утром, разумеется, я надел на себя новое украшение и отправился в Ливадию, немедленно же был принят Государем чрезвычайно милостиво. Его Величество, радушно обняв меня, сказал что пожалованием мне Андреевского ордена желал показать пред всеми, как ценит мои заслуги и как мало действуют на него наговоры и нарекания моих врагов."

Отметим, что на закате империи пожалование чином фельдмаршала и награждение военными высшими русскими орденами "Андрея Первозванного" и Георгия I степени не производилось.

Одним из последних андреевских кавалеров в среде военных был генерал-фельдмаршала Иосиф Владимирович Гурко (1828—1901), который получил голубую ленту в день коронавания Николая II в мае 1896 года.

Значительно реже удостаивались первого русского ордена флотоводцы. Вот некоторые из них.

Самуил Карлович Грейг (1736—1788), адмирал, шот-

Ф. А. Головин
Неизвестный художник первой пол. XVIII в.

ландец на русской службе. Отличился в Чесменском бою. В начале войны со Швецией командовал Балтийским флотом, успешно оборонявшим морские подступы к Петербургу. Одержал блестящую победу над шведским флотом при Гогланде.

Григорий Андреевич Спиридов (1713—1790), адмирал. В Чесменской битве 24—26 июня 1770 г. командовал авангардом русского флота.

Иван Лонгинович Голенищев-Кутузов (1729—1801), адмирал. Один из образованнейших людей своего времени. В 1764 году назначен директором морского кадетского корпуса, во главе которого стоял почти сорок лет. С 1798-го президент Адмиралтейств-коллегии.

А теперь вспомним андреевских кавалеров, которые были отмечены этой наградой на гражданском поприще.

Иван Иванович Шувалов (1727—1797), фаворит императрицы Елизаветы Петровны. Один из основателей Московского университета и Академии художеств в Петербурге.

Николай Петрович Румянцев (1754—1826), граф, сын фельдмаршала Румянцева-Задунайского, Государственный канцлер Российской империи при Александре I. Румянцев приобрел заслуженную известность как собиратель русских древностей. Он предложил Александру I организовать

при Московском архиве Коллегии иностранных дел Комиссию для печатания государственных грамот и договоров. Свою библиотеку, которая насчитывала 30 тысяч книг, он завещал государству. В 1861 году библиотека из Петербурга была перевезена в Москву и размещена в бывшем доме Пашкова. Так началось существование Румянцевского музея, ставшего впоследствии библиотекой им. Ленина (ныне Российская государственная библиотека).

Александр Сергеевич Строганов (1733—1811), граф, действительный тайный советник, меценат, выдающийся деятель русской культуры, президент Академии художеств, директор Императорской Публичной библиотеки,

владелец замечательной картинной галереи и дворца на Мойке, построенного Растрелли.

К концу XIX— началу XX века лишь немногие высшие сановники империи — министры, члены Государственного совета, сенаторы могли украсить свой мундир голубой лентой и серебряной андреевской звездой. Как ни странно, этой награды не имели даже такие выдающиеся деятели, как К. П. Победоносцев, С. Ю. Витте, П.

А. Столыпин. А из числа избранных назовем министра внутренних дел, а затем государственных имуществ П. А. Валуева, статс-секретаря, министра народного просвещения Ивана Давыдовича Делянова, министра юстиции, дедушку известного писателя Дмитрия Николаевича Набокова, председателя Государственного совета, министра внутренних дел, Николая Павловича Игнатъева, военного министра Петра Семеновича Ванновского.

Всего в России орденом Андрея Первозванного было награждено около тысячи человек.

В Большом Кремлевском дворце, построенном по проекту архитектора Тона, было несколько залов, посвященных русским орденам. До наших дней сохранились только три — Георгиевский, Владимирский, Екатерининский. Два зала — Андреевский и Александровский — в 1932 году были объединены в один — Зал заседаний, в котором происходили сессии Верхов-

Д. А. Мильютин,
последний русский генерал-фельдмаршал.

ных Советов РСФСР и СССР.

Награждения орденом Св. Андрея Первозванного прекратились после Октября 1917 года, который разрушил не только орденскую систему России, но и саму Российскую империю.

На снимках (2-я стр. обложки):

Звезда и крест ордена Св. Андрея Первозванного, усыпанные бриллиантами. Предметы андреевского сервиза. Фарфор XVIII в.

Петр I, учредитель ордена. С редкого портрета работы неизвестного художника XVIII в.

Н. П. Румянцев. Портрет работы Д. Доу.

Фоторепродукции и слайды на 2-й стр. обложки Юрия ЛУНЕВА

Нина ШИРОКОВА

ЮВЕЛИРНАЯ РОСКОШЬ ДЕРЕВА

...Что осталось за плечами, что там было в жизни, когда наступило сорок лет? Многое, что было и осталось, как во всякой жизни. Но все-таки жизнь у каждого своя, и живем мы все по-разному — не в смысле обеспеченности, а в том смысле, что вспоминаем эпизоды, которых у других не было, боли и болячки, которые иначе повернули что-то именно в нас, и, мало с кем советуясь, планируем дальнейшую судьбу, исходя из того, что было, и позволяя себе надеяться на лучшее.

Так получилось у Татьяны Беловой, что в сорок лет надо было круто повернуть свою судьбу. Перелом, середина, вторая половина жизни — что тут делать? Не сочтите за шутку — иногда бывает полезно в этом случае слушать радио... Рецепт не для всех, но и другие рецепты найдутся для тех, кто ищет выход и хочет его найти, кто упорен и терпелив, кто оптимистически готов начать все заново.

Татьяна Белова откликнулась на радио-приглашение пойти на курсы резчиков по дереву. Никогда она не держала инструмента в руках. Но — за плечами у нее был искусствоведческий факультет. К тому же, она была настойчива: когда-то давно сплошные двойки по алгебре обернулись в ее школьном аттестате четверкой, потому что Таня заставила себя решить буквально все задачи в ненавистном учебнике.

Даже при своем скромном прожиточном заработке она не испугалась немалой платы за курсы и записалась на них. Прочувшись девять месяцев. Плохой каламбур, но... родился мастер! Не так сразу, разумеется. Начала Татьяна, как и многие, с разделочных кухонных досочек, которые резала из самого доступного материала — из сосны. И сразу попала себя на том, что ей ужасно как не хочется, просто противно повторять один и тот же орнамент. Начала выдумывать, черкать эскизы, искать узоры. Основательно изранив ладони стамесками и исколов пальцы иглами, набив руку на досочках, которые ни разу не повторились, Татьяна перешла к более тяжелым породам дерева, к более сложным формам — блюдам, конфетницам, солонкам, подсвечникам.

Пробовала работать с костью, с металлом и опять сделала открытие для себя: ее тянет только к дереву. Во всем "нечеловечьем" мире, после "живых" животных — оно самое теплое. Нет плохого дерева, любой породы материал можно испортить, если не учесть текстуру, не соблюсти меру в орнаменте. Знакомство с деревом открывало новые тайны. Кедр, красное дерево, бук, самшит, липа — каждое требовало своего подхода. Одни

породы, легкие и пластичные, годились для скульптур, другие — для миниатюрной резьбы. Однажды на завод имени Калинина — Татьяна Белова работает на нем при ОКБ "Новатор" художником-оформителем — привезли станок из Индии, он был обшит досками из индийской чинары. Зная о пристрастии Татьяны, рабочие быстро поставили ее в известность, и она обзавелась великолепным материалом, из которого позже было вырезано множество прелестных вещей. Дерево ей тащат все знакомые и малознакомые люди.

Татьяну Белову совершенно не устраивали голые кабошоны — ее влекло к резной миниатюре. Но ведь какие инструменты нужны для тонкой и подробной этой работы! Не было у нее еще ни бормашин, ни биокюляров, чтобы резать мельчайшие детали. Ведь нужны такие инструменты, которыми можно работать, как под микроскопом. Она сама себе изготавливает резцы, сверлышки. Представьте себе обыкновенную швейную иголку, у которой наполовину снесено ушко и остались два маленьких рожка с ложбинкой посередине, — вот так Татьяна заточивает свои стамесочки.

Первые хорошие, добротные поделки хотелось сбыть — не сбыть, не то слово, даже не продать — показать людям, дать им увидеть, услышать отзыв. В художественный салон не принимали работы любителей — там входили только члены Союза художников. Оставалось — творить для себя, что Татьяна, не унывая, и делала, совершенствуясь в искусстве резьбы.

Она неплохо рисовала шаржи, она "зашаржировала" всех, кого могла, лишь бы освоить резной портрет.

Как-то гастролировал в екатеринбургском цирке Куклачев со своими кошечками. Поскольку он сам резчик — пришел в клуб Свердловца, где собирались самые асы из городских резчиков. И решено было сделать ему подарок, срок был — чуть ли не одна ночь. Правда, Татьяне приготовили заготовку для плакетки, но фигуру она резала сама и, главное, — сделала портрет! Кстати, позже к ней снова обратились с просьбой — добавить к пишущей ручке "деревянный" портрет в подарок одному известному в городе человеку. И опять получилось! Маленькая резная голова на конце сувенирной ручки была точной копией "оригинала", а ведь перед мастером была только фотография... Совсем недавно: челябинцы попросили сделать медаль с портретом Президента национальной Ассоциации коллекционеров часов — медаль была выполнена и уехала в качестве презента в Америку.

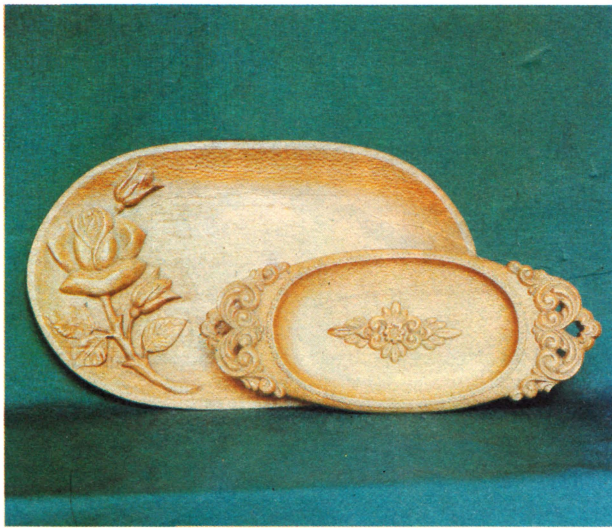
Но тогда, когда Татьяна резала плакетку

для Куклачева и успешно справилась с "лицом" дрессировщика, она была очень обескуражена тем, что совершенно не умеет, не владеет искусством рисовать животных... Куклачев получился, а что было делать с кошкой, которая по эскизу стояла вверх ногами у него на ладони? Выход нашлся: бедный домашний кот, извозмущавшись до полного молчания, вынужден был висеть виз-головой, поддерживаемый за задние лапки — он позировал.

Но ведь не будешь держать каждый раз за лапы какое-нибудь другое животное... С таким же упорством, как она все делала, Татьяна принялась "осваивать" фигурки животных. Можно было бы рассказать, какой сюрприз она собирается сделать к году Свиньи: задуман целый сюжет — мама-свиноушка с младенцем-свиненком, поросенок на горшке, поросенок у корыта... Или о том, какую милую грустную собачку она вырезала в качестве талисмана одной больной девочке... Но лучше рассказать о Коньке-Горбунке. "Конек-Горбунок" — это ювелирный (не удивляйтесь слову, хотя речь идет о дереве) гарнитур. Кулон, серьги — тончайшей резной работы, с полкой окружностью, в которую вставлена фигурка сказочного Конька. Кулон невелик, серьги тоже малы, а фигурка коня — как бы взлетающего, с откинутой гривой — размером меньше ноготка... Случилось так, что девушка, которой Татьяна подарила — не продала! — гарнитур, ехала в трамвае, и другая женщина, приглядевшись к необычным украшениям, сопроводила ее до конечной остановки и, наконец, решившись, предложила обменять деревянный гарнитур на... золотые сережки. Прямо тут, в трамвае! Есть же люди, которые понимают толк не только в золоте и изумрудах, а и в искусстве тоже...

Татьяна Белова все время ставит себе новые задачи. И не только, конечно, настойчивость помогает ей — это природное ее качество. Тут сам талант требует все нового и нового выхода, все более трудной работы, все большего озарения. Делала она скульптурки Коковани и Даренин по бажковскому сказу. Коковани получилось два: одного — лукавого и хитрющего — подарила немцам, гостившим в Демидовском фонде; другого — ласкового и грустного — никому не отдала. Она многое придерживает из того, что ей особо дорого. Но и раздаривает направо-налево тоже много.

После показа на Новгородской ярмарке ушли за границу — в Англию, Германию и Польшу — сразу три ее ложечных набора под названием "Нечистая сила": на ручках витых деревянных ложечек приделаны фольклорные головки — лешего, кикиморы, бабы-яги.

"Впервые в жизни держала валюту!" — говорит Татьяна. Надо было сделать еще задуманных водяного, русалку — валюты было бы больше!. Упаси господь Татьяну Белову от корыстных людей, к их сведению: валюта ушла на инструменты, а сундуков с деньгами в квартире как не было, так и нет. Денег у людей не много — на гарнитуры сложнейшей работы не хватает; так, колечки еще продает Татьяна "на жизнь", стоя по субботам в скверике возле Пассажа — на нашем екатеринбургском Арбате... И мало кто знает, купив деревянное колечко у этой милой женщины, что ее работы ходят по всему свету.

Челябинский часовой завод отправлял в Мадрид за "Золотой звездой качества" свои карманные часы; а медалки-вставки с изображением Георгия Победоносца на часах были сделаны Татьяной Беловой. Фармацевтам фирмы "Лендинг" вырезала она деревянную оправу для очков; столица показала их немцам — от них поступил заказ. Немцы же

помешались на экологии: железо, пластмасса им не годны — дерево подавай, оно ласковее, теплее, "экологичнее"... Да ведь деревянную оправу надо украсить резьбой, да ведь надо такие болтики подогнать, чтобы дужки у оправы складывались легко...

Фирма "Лендинг", участвовавшая на выставке "Медицина-94", в проспекте пишет: "Екатеринбург, Россия впервые предлагает оправу для очков и сувенирные наборы из дерева, которые будут оказывать благотворное влияние на Ваше здоровье. Художники уральской школы внесут в оформление оправы незабываемый колорит своего края; а гарнитур, состоящий из серег и кулона, вместе с оправой составит прекрасный ансамбль".

Талантливый резчик и хороший мастер живет в Екатеринбурге. Очаровательны резные миниатюры Татьяны Геннадьевны Беловой. Но есть у нее вещи просто фантастические: вообразите себе деревянную плашечку в треть спичечного коробка, на которой так

искусно расположились букеты резных цветов, что сосчитать их — и то непросто... Москвичи, искусствоведы и знатоки резьбы по дереву, говорят, что Белова — просто "прецедент": многие делают деревянную бижутерию, но немногие делают, как она — в ювелирном исполнении.

А вот о бижутерии Татьяны Беловой говорить не будем. Потому что это надо видеть, и мы предоставляем такую возможность.

На снимках:

Подносы "Роза" и "Эдельвейс" (чинара)
Композиция "С Новым годом!"

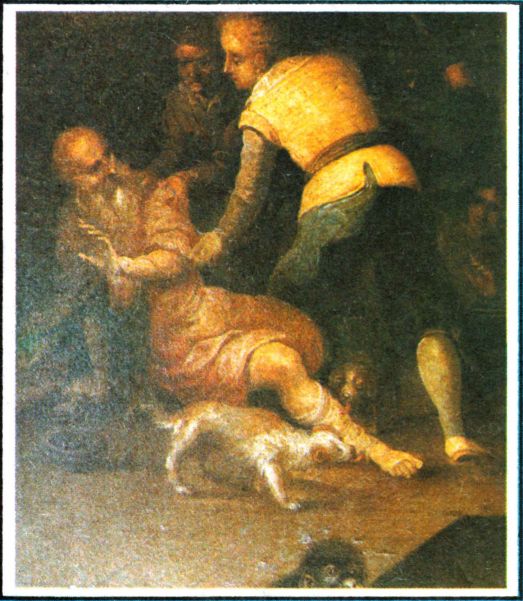
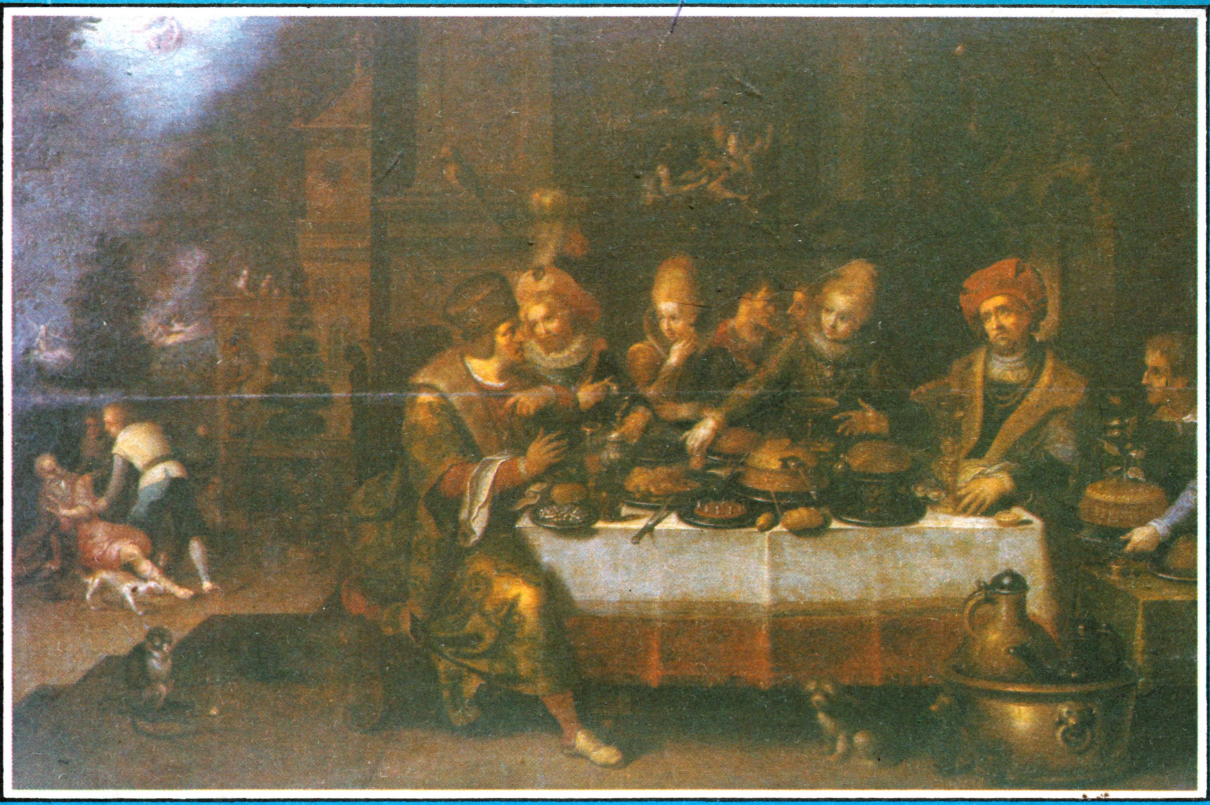
Оправа для очков (липа и береза)
— по заказу фирмы "Лендинг".

Шкатулка "Ажурная" (липа) и гарнитур
"Нарцисс".

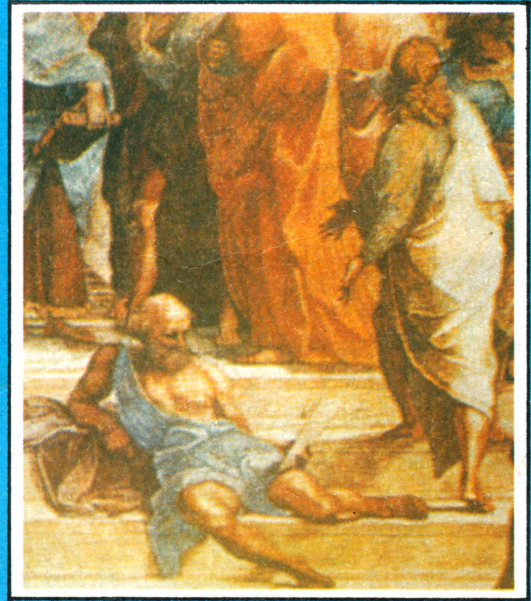
Слайды Н. ПЕРЕВЫШИНА

ср. мик

Фрагмент картины Франса Франкена
Франс Франкен (?). Притча о богатом и бедном Лазаре
Рафаэль. Афинская школа (фрагмент).

ИНДЕКС 73413, ISSN 0134-241X, "УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ", № 2, 1995, с. 1-80

**В ТРЕТЬЕМ И ПОСЛЕДУЮЩИХ НОМЕРАХ ЖУРНАЛА ЧИТАЙТЕ:
НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ГЕРОЯ ПОВЕСТИ "ТАЙНЫЕ ЛЮДИ". НАЧАЛО ПОВЕСТИ ВЛАДИСЛАВА
КРАПИВИНА "ЛЕТО КОНЧИТСЯ НЕ СКОРО". ЕЕ ГЛАВНЫЕ ПЕРСОНАЖИ—ПОДРОСТКИ ОТСТАИВА-
ЮТ ДОБРО И СПРАВЕДЛИВОСТЬ. ОЧЕРК МАИ РЫЖОВОЙ "АЛЬБОМ В САФЬЯНОВОМ ПЕРЕПЛЕ-
ТЕ". ВЫ УЗНАЕТЕ О ТОМ, КАК И КЕМ БЫЛИ СПАСЕНЫ ПИСЬМА СЕМЬИ КАРАМЗИНЫХ, НЕС-
КОЛЬКО ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ ПОД РУБРИКОЙ "КРАЕВЕДЧЕСКАЯ КОПИЛКА".
ИНТЕРВЬЮ С РУКОВОДИТЕЛЕМ ПОПУЛЯРНОЙ РОК-ГРУППЫ "ЧайФ". СТАТЬЮ АЛЕКСАНДРА
СЕМЕНИНА ОБ "УНАБИ" И ЕГО ОТВЕТЫ НА ПИСЬМА ЛЮБИТЕЛЕЙ ВЫРАЩИВАТЬ ЭКЗОТИЧЕ-
СКИЕ РАСТЕНИЯ, И МНОГО ДРУГИХ УВЛЕКАТЕЛЬНЫХ И ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ.**